

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

И Лицюнь

**«СЛОВА ГОДА» КАК ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА И ДИСКУРСА
(НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России
(10.02.01 – русский язык)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Ревзина Ольга Григорьевна

Москва 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. «СЛОВО ГОДА» В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ	18
1.1. О ПРОЕКТЕ «СЛОВО ГОДА»	18
1.2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ «СЛОВО ГОДА»	23
1.3. «СЛОВА ГОДА» В СООТНЕСЕНИИ С КЛЮЧЕВЫМИ СЛОВАМИ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА И МОДНЫМИ СЛОВАМИ	31
1.3.1. Ключевые слова текущего момента	32
1.3.2. Модные слова	33
1.3.3. Литературный язык – слова года / ключевые слова текущего момента / модные слова	39
1.4. ФУНКЦИИ «СЛОВ ГОДА»	44
1.5. ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ I.	49
ГЛАВА II. «СЛОВА ГОДА» КАК ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА	51
2.1. ПАРАМЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКА «СЛОВ ГОДА»	51
2.1.1. Исконные – заимствованные слова	51
2.1.2. Стационарные – потенциальные / окказиональные слова	59
2.1.3. Характеристика «слов года» по принадлежности к части речи	64
2.2. ЗНАЧЕНИЕ «СЛОВ ГОДА»	68
2.2.1. «Слова года» – собственные имена	68
2.2.2. «Слова года» – нарицательные имена	74
2.2.3. «Слова года» – иноязычные слова	80

2.2.4.	«Слова года» – прилагательные и глаголы.....	90
2.2.5.	«Слова года» – новообразования.....	93
2.3.	ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ «СЛОВ ГОДА».....	100
2.4.	«СЛОВА ГОДА» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	106
2.4.1.	Внешние и внутренние заимствования.....	108
2.4.2.	Значение китайских «слов года»	110
2.4.3.	Тематические группы китайских «слов года».....	119
2.5.	Выводы к ГЛАВЕ II.....	122
ГЛАВА III. «СЛОВО ГОДА» КАК ЕДИНИЦЫ ДИСКУРСА		125
3.1.	ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ ЧАСТОТНОСТЬ «СЛОВА ГОДА». ПОНЯТИЕ ВРЕМЕННОГО ЦИКЛА	126
3.2.	ВРЕМЕННЫЕ ЦИКЛЫ СЛОВ-ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА «СЛОВО ГОДА».....	129
3.2.1.	Слово-победитель 2007 г.	130
3.2.2.	Слово-победитель 2008 г.	138
3.2.3.	Слово-победитель 2009 г.	144
3.2.4.	Слово-победитель 2010 г.	158
3.2.5.	Слово-победитель 2011 г.	164
3.2.6.	Слово-победитель 2012 г.	171
3.2.7.	Слово-победитель 2013 г.	173
3.2.8.	Слово-победитель 2014 г.	174

3.2.9. Слово-победитель 2015 г.	176
3.2.10. Слово-победитель 2016 г.	179
3.2.11. Слово-победитель 2017 г.	181
3.2.12. Слово-победитель 2018 г.	185
3.2.13. Слово-победитель 2019 г.	186
3.2.14. Слово-победитель 2020 г.	191
3.3. ТИПОЛОГИЯ ВРЕМЕННЫХ ЦИКЛОВ «СЛОВО ГОДА»	195
3.4. ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ III.....	211
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	214
БИБЛИОГРАФИЯ	216

ВВЕДЕНИЕ

«Слова года» – это слова, ставшие победителями и номинантами международного проекта «Слова года». Впервые выбор «слова года» «Wort des Jahres» был проведен в Германии в 1971 году. В настоящее время конкурс «Слово года» проводится в Австрии, Великобритании, Германии, Голландии, Дании, Китае, Польше, России, Франции, Японии и в других странах. Материалы проекта «Слова года» О.С. Иссерс назвала «лингвистически ценными» в различных отношениях. В многочисленных публикациях первых десятилетий XXI века были апробированы разные подходы к изучению «слов года»: социологический, лингвистический, этнокультурный, типологический (О.А. Баранцева, Е.Ф. Горбунова, А.С. Евсюкова, А.В. Игнатенко, О.С. Иссерс, Е.В. Киселева, Е.Н. Коваленко, А.В. Ломакова, А.Ю. Ницула, Х. Пфандль, Н.В. Сергиенко, Е.А. Смолоногина, И.В. Снигирева, Н.В. Стекольников, А.Н. Сперанская, Ю.С. Сухина, А.В. Шевченко).

Проект «Слово года» относится к XXI веку. Однако «слова года» как явление, относящееся к функционированию языка во времени, могут быть выделены в разные эпохи существования языка. В этом отношении «слова года» можно сравнить с ключевыми словами текущего момента и модными словами. Т.В. Шмелева выделила ключевые слова текущего момента, обратившись к русскому дискурсу 90-х годов XX века, и применительно к этому же времени В.Г. Костомаров предложил описание модных слов и языковой моды. Так же, как «слова года», ключевые слова текущего момента и модные слова выделяются на разных этапах функционирования русского литературного языка. Об этом

свидетельствуют фундаментальные исследования акад. В.В. Виноградова по истории русского литературного языка и истории слов, монографическое описание русского языка 20-х гг. А.М. Селищева, социолингвистическое исследование «Русский язык и советское общество» под редакцией М.В. Панова, коллективные монографии, посвященные русскому языку на рубеже XX-XXI вв., и многочисленные исследования лексики русского литературного языка в отдельные периоды его существования. В отличие от ключевых слов текущего момента и модных слов «слова года» относятся к короткому временному промежутку и представляют «микроисторию» языка (термин М.В. Панова).

Актуальность диссертационного исследования определяется назревшей необходимостью теоретического осмысления «слов года» и необходимостью исследования языковых свойств и закономерностей функционирования «слов года» русского языка в XXI веке. Актуальность работы также находит выражение в сопоставлении русских и китайских «слов года» XXI века.

Цель диссертационного исследования состоит в теоретическом осмыслении «слов года» как единиц языка, относящихся к конкретному временному периоду, в комплексном описании «слов года» русского языка в XXI веке и в сопоставлении «слов года» современного русского языка с аналогичными языковыми единицами современного китайского языка. Для достижения обозначенной **цели** в работе поставлены следующие задачи:

1. Представить обзор изучения «слов года» в отечественной лингвистике.

2. Произвести параметрическое описание «слов года» русского языка первых десятилетий XXI столетия в сопоставлении с «словами года» китайского языка того же периода.

3. Проследить функционирование «слов года» в русском дискурсе исходя из понятий объективной и субъективной частотности и понятия временного цикла.

Объектом настоящей работы являются языковые единицы, получившие статус победителей и номинантов конкурса «Слово года» в русском языке XXI века на фоне китайского языка.

Предметом диссертационного исследования являются характеристики «слов года» как единиц языка и дискурса.

Материал для диссертационного исследования составили данные ежегодной акции «Слово года», проводимой в русскоязычном и в китайском интернет-сообществах; данные толковых словарей русского языка; данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Корпуса современного китайского языка (КСКЯ). Словник русских «слов года» первых десятилетий XXI века составил 168 единиц, словник китайских «слов года» – 130 единиц.

Специфика объекта данного диссертационного исследования и поставленные задачи обусловили выбор методов анализа. В диссертации используются структурный, описательный, количественный и сопоставительный методы.

Новизна настоящего диссертационного исследования состоит в том, что в работе впервые выделен корпус «слов года» русского языка XXI века и произведено параметрическое описание «слов года» как единиц русского языка

и дискурса в сопоставлении с китайским языком; введено понятие временного цикла «слова года» исходя из его объективной и субъективной частотности; выделены типы временных циклов «слов года»; раскрыта связь между типом временного цикла и свойствами «слова года» как единицы языка, между составом «слов года» в конкретный временной период и процессами в литературном языке того же периода.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что сформулированные в ней положения и выводы развивают, уточняют и дополняют существующие теоретические представления о «словах года». В работе представлены эффективные методы изучения «слов года» на основе их параметрического описания и способов употребления в различных типах дискурсов.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что теоретические положения и практические результаты работы могут использоваться в дальнейших научных исследованиях «слов года»; в лексикологии и в лексикографии, в филологических общих и специальных курсах и семинарах; в преподавании русского языка как иностранного; в художественном переводе и в устной коммуникации, в русско-китайском культурном сотрудничестве.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Акция «Слово года» является международной и проводится на протяжении первых десятилетий XXI века в странах разных континентов. «Слова года» стали предметом научного исследования в социологическом, психологическом, лингвистическом, культурном и типологическом аспектах.

2. «Слова года» имеют черты сходства и черты различия с ключевыми словами текущего момента и с модными словами. Специфическими характеристиками «слов года» являются отнесенность к точно определенному временному промежутку, выбор «слов года» четко определенным социальным коллективом, тематическое разнообразие, закрытое множество «слов года» и номинантов на этот статус.

3. «Слова года» как единицы языка наделены системными свойствами, которые определяют их функционирование в дискурсе и востребованность языковым коллективом. «Слова года» делятся на исконные, заимствованные, иноязычные и окказиональные. В новообразованиях «слов года» находят выражение тенденция к словотворчеству, характерная для русского языка последних десятилетий XX в. – первых десятилетий XXI века. Небрежение языковым вкусом, проявившееся в модных словах конца XX века (В.Г. Костомаров), распространяется на часть «слов года». Формирование значения «слов года» происходит по тем же моделям, которые представлены в системе языка: расширение / сужение значения, метонимия, метафора. «Слова года» наделены номинативной, коммуникативной и экспрессивной функциями. Так же как ключевые слова текущего момента и модные слова, «слова года» являются маркерами конкретных временных периодов в существовании языка и происходящих в нем процессов. Национальная специфика русских «слов года» ярко проявляется при сопоставлении со «словами года» в китайском языке.

4. Функционирование «слов года» в дискурсе характеризуется субъективной и объективной частотностью. Субъективная частотность передает

субъективное восприятие актуальности значения слова и его популярности в социальном коллективе участников конкурса «Слово года». Объективная частотность определяется в результате подсчетов употребления «слов года» по данным НКРЯ. Объективная частотность получает наглядное выражение в графическом представлении.

5. Субъективная и объективная частотность служат основанием для введения понятия временного цикла «слова года». Тот год, когда слово стало победителем или номинантом конкурса «Слово года», рассматривается как кульминационный пик временного цикла. По отношению к кульминационному пику период, представленный на графике объективной частотности, может быть назван предкульминационным периодом, а тот, который следует за кульминационным пиком модного слова, – посткульминационным. Временные циклы различаются по совпадению/несовпадению пиков объективной и субъективной частотности. По данным характеристикам выделяется три типа временных циклов «слов года».

6. «Пусковым импульсом» для «слова года» является внешний фактор: конкретное событие, появление нового объекта, требующего наименования. На протяжении временного цикла собственные имена, исконные и полностью заимствованные слова (однозначные и многозначные) выступают в типичных контекстах и расширяют свои возможности. Значение таких слов подвергается сужению и расширению, появляется новая сочетаемость, метафорическое употребление. Иноязычные слова проходят путь ассимиляции: формируется их нормативный графический облик, даются определения иноязычного слова, апробируются атрибутивные конструкции, появляются производные. Иноязычные и окказиональные слова, чья семантика деактуализуется в

пределах кульминационного пика временного цикла, сохраняют свое значение как маркеры конкретного временного промежутка в жизни языка и общества. Принадлежность временного цикла к определенному типу сочетается с индивидуальным характером временного цикла каждого отдельного слова.

Апробация работы. По теме диссертации состоялись выступления на научных конференциях:

1) XXXV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ, 12 апреля 2018);

2) Первый молодежный форум «Имя. Язык. Мир» (Ульяновск, 3 ноября 2018);

3) XXVII Kolokvium mladých jazykovedov (Banská Bystrica – Šachtičky, 22 ноября 2018);

4) XXVI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ, 11 апреля 2019);

5) XXVIII Kolokvium mladých jazykovedov (Nitra, Šachtičky 21 ноября 2019);

6) XXIX Kolokvia mladých jazykovedcov (Trnava, Zborník 25 ноября 2020).

Результаты проведенного исследования получили отражение в 9 публикациях (тезисы докладов в сборниках конференций и статьи в научных журналах, включенных в список диссертационного совета МГУ и в список ВАК).

Структура работы. Работа изложена на 231 страницах печатного текста, состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографии, состоящей из 133 наименований. Исследование иллюстрировано 37 рисунками и 3 таблицами.

Общая характеристика работы. Акция «Слово года» привлекла внимание исследователей к новому объекту – группе слов, отнесенных к конкретному временному промежутку и выбранных частью языкового коллектива. Главная черта «слов года» – их соотнесенность с конкретными событиями, происходившими в течение года и представляющими общественную значимость с точки зрения участвовавших в конкурсе слов года – «социального коллектива». Изучение «слов года» было направлено в первую очередь на их внешнюю семантику – как индикаторов общественных изменений во всем мире и в разных странах. Принципиальным явилось выявление соотношения между «словами года», ключевыми словами текущего момента и модными словами. В настоящем диссертационном исследовании «слова года» подвергаются рассмотрению в собственно лингвистическом аспекте. Суть проведенного исследования состоит в том, чтобы ответить на вопросы: а) что представляют «слова года» как единицы языка и как они соотносятся с активными языковыми процессами, происходящими в тот же период в литературном языке; в) какова зависимость между системными свойствами «слов года» и формированием их значений, б) какие языковые свойства проявляют «слова года», когда они обретают высокую частотность, в) что происходит со «словами года» по истечении «четких календарных рамок одного года» (О.С. Иссерс), когда события, представлявшиеся значимыми, частично или вовсе утрачивают свою значимость и актуальность, д) каковы функции «слов года» по отношению к языку и его функционированию во времени.

Акад. В.В. Виноградов писал о том, что в функционировании языка «слово раскрывается как отдельный исторический факт, который как бы самостоятельно развивает заложенные в нем потенции семантических изменений». Раскрытие семантического потенциала слова зависит от его системных свойств. «Слова года» были разделены на исконные, полностью освоенные заимствования и иноязычные слова; стационарные и потенциальные / окказиональные слова; собственные имена и нарицательные существительные, прилагательные и глаголы; однозначные и многозначные слова. Было выявлено, что среди «слов года» нет жаргонизмов (внутренних заимствований), велика роль заимствований и иноязычных слов, и едва ли не половину составляют новообразования. Таким образом «слова года» являются одним из проявлений тех процессов, которые характеризовали русский литературный язык в последние десятилетия XX века и в первые десятилетия XXI века. Описание значений «слов года» потребовало рассмотрения их семантики в разных ракурсах. «Слова года», так же как «слова текущего момента» и модные слова, характеризуются признаками «современность» и «актуальность семантики». Эти признаки находят воплощение в том, что «слова года» соотносятся с теми явлениями, которые представляются общественно важными для участников конкурса «Слово года». Формирование нового значения происходит различным образом в зависимости от системных свойств «слова года». Собственные имена – топонимы и антропонимы реализуют когнитивную метонимическую модель: событие обозначается по месту его свершения. Наричательные существительные, исконные и полностью освоенные, приобретают конкретную референциальную соотнесенность в прямом значении (в случае многозначности – значении одного из лексико-семантических вариантов), претерпевают расширение значения и

могут реализовать когнитивную метафорическую модель. Иноязычные слова подвергаются адаптации и становятся «словами года» в прямом значении. Оказиональные слова (по большей части потенциальные) имеют прозрачную словообразовательную структуру и становятся «словами года» благодаря актуализации означаемого. Часть оказиональных слов, создаваемых «по конкретному образцу», характеризуется актуализацией означаемого. Таким словам присущи экспрессия, субъективная оценка и установка на языковую игру. Значение оказиональных слов с актуализацией означаемого, как «слов года», целиком определяется их внешней семантикой.

Специфика русских «слов года» выявляется при сопоставлении со «словами года» в китайском языке. Типологическое различие находит выражение в способах формирования значения «слов года» и в распределении «слов года» по тематическим группам. Значение китайских «слов года» формируется на основе интертекстуальных отсылок. В китайских «словах года» не представлена тематическая группа «Религия», больший объем, по сравнению с русским, имеет тематическая группа «Культура»; в тематической группе «Общество» среди китайских «слов года» преобладают слова, относящиеся к благосостоянию людей, в то время как среди русских «слов года» преобладают слова, относящиеся к политике.

Параметрическое описание «слов года» в русском языке позволяет выделить черты языковой личности участников голосования акции «Слово года»: а) владение русским литературным языком, каким он сложился в последние десятилетия XX века. Это означает, в том числе, знание просторечия-2 и использование его в общении вкупе с обценной лексикой; б) использование

языка в креативной и игровой функции с целью создания номинаций явлений внеязыковой действительности, представляющихся общественно значимыми и побуждающих к эмоциональному восприятию и оценке. Выбор «слов года» социальным коллективом, проявляющим себя в интернет-коммуникации, позволяет уточнить значение таких характеристик, как распространенность, массовость и популярность, приписываемых «словам текущего момента», модным словам и «словам года». В толковых словарях «распространенный» толкуется как «часто встречающийся, «массовый» – как «принадлежащий широким массам» и популярный – как «пользующийся широкой известностью». «Ключевым словам текущего момента» присуща распространенность, модным словам (и шире – явлениям языковой моды) присуща массовость, «слова года» исходно наделены популярностью в определенном социальном коллективе – ограниченном во времени интернет-сообществе.

Обращение к «словам года» как единицам дискурса потребовало введения понятий субъективной и объективной частотности и понятия временного цикла. Под дискурсом понимается реальное использование языка. Так же, как для слов текущего момента и модных слов, для «слов года» характерно резкое возрастание частотности. Субъективная частотность передает субъективное восприятие актуальности семантики слова и его распространенности социальным коллективом участников конкурса «Слово года». Объективная частотность определяется в результате подсчетов употребления «слов года» по данным НКРЯ и получает наглядное выражение в графическом представлении.

Субъективная и объективная частотность служат основанием для введения понятия временного цикла «слова года». Тот год, когда слово стало победителем

или номинантом конкурса «Слово года», рассматривается как кульминационный пик временного цикла. По отношению к кульминационному пику период, представленный на графике объективной частотности, может быть назван предкульминационным периодом, а тот, который следует за кульминационным пиком модного слова, – посткульминационным.

По отношению к «словам года» мы вводим также различие жизненного и временного цикла. У новообразований начало жизненного цикла совпадает с кульминационным пиком временного цикла, и в значительном числе случаев конец временного цикла означает и конец жизненного цикла. У всех остальных слов временной цикл составляет часть жизненного цикла.

Частота употребления слова означает включение его в разные контексты и в разные дискурсы. Находясь в фокусе внимания, «слова года» раскрывают свои возможности – свой потенциал как единицы языка. Эти возможности зависят от «стартовых данных» слова – его системных свойств. Собственные имена реализуют свою способность к метонимическому употреблению. Исконные и полностью освоенные заимствованные слова расширяют сочетаемость, демонстрируют способность к сужению и расширению значения, к метафорическому употреблению и вхождению в разные дискурсы. Иноязычные слова проходят процесс ассимиляции, относящийся к графическому облику, к грамматическим и сочетаемым характеристикам, к образованию производных. Употребление иноязычного слова сопровождается дефинициями, раскрывающими его значение. Потенциальные и особенно окказиональные слова подвергаются наиболее жесткой «собственно языковой» проверке,

определяющей их существование в языке по выходе из статуса «слова года» или номинанта на этот статус.

Временные циклы различаются по совпадению / несовпадению пиков объективной и субъективной частотности, по объективной частотности в прекульминационный и посткульминационный периоды. По данным критериям выделяется три типа временных циклов «слов года». Временной цикл каждого конкретного «слова года» имеет свои индивидуальные черты.

Лингвистическое исследование «слов года» как единиц языка и дискурса позволяет определить их функции по отношению к языку и к его функционированию во времени. «Слова года» как единицы языка наделены номинативной, коммуникативной и экспрессивной функциями. «Слова года» дают представление о языковых процессах в пределах очень короткого для истории языка временного промежутка. Уместно сравнение с кинематографом: крупным планом подается один кадр, в котором присутствуют совместно язык, мир и человек, делающий свой вклад в язык. При этом сам язык этот вклад частью принимает и частью отвергает. Таким образом, функция «слов года» по отношению к функционированию языка во времени состоит в том, что «слова года» являются маркерами конкретных временных периодов в существовании языка и происходящих в нем процессов.

ГЛАВА I. «СЛОВО ГОДА» В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

1.1. О ПРОЕКТЕ «СЛОВО ГОДА»

Проект «Слово года» (его также называют акцией или конкурсом) многократно, подчас в одних и тех же выражениях, описывается в большей части публикаций, посвященных «словам года» [Баранцева и Снигирева 2020; Горбунова, Коваленко и Ломакова 2022; Евсюкова и Сергиенко 2021; Иссерс 2014; Иссерс 2015; Киселева 2021; Мельник 2017; Николаева 2017; Ницула и Игнатенко 2018; Попова 2019; Пфандль 2015; Сергиенко и Евсюкова 2021; Столович 2012; Смолоногина 2020; Стекольниковская 2016; Сперанская 2021; Сухина 2021; Шевченко 2016]. Структурированная информация о проекте содержится в статье А. В. Шевченко «Проект «Слово года» как отражение метаязыковой рефлексии носителей языка в эпоху глобализации», снабженная рубриками («Время возникновения», «Состав экспертного совета», «Принципы выборки», «Номинации») [Шевченко 2016]. Приведем здесь данные о проекте, с тем чтобы дальше сосредоточиться на процедуре избрания «Слова года» и значимости результатов проекта.

Впервые выбор слова года «Wort des Jahres» был проведен в Германии в 1971 году. В последующие десятилетия акция «Слово года» получает широкое распространение и в настоящее время проводится в Австрии (с 1990 г.), Великобритании (с 1990 г.), Германии (постоянно с 1977 г.), Голландии (с 2003 г.), Дании (с 2006 г.), Китае (с 2008 г.), Польше (с 2004 г.), России (с 2007 г.), Франции (с 2005 г.), Японии (с 1984 г.) и в других странах. Таким образом, проект «Слово года» может быть назван международным.

Обратимся к процедуре выбора «Слова года» и начнем с её организаторов. В Германии инициатором конкурса стало общество Немецкого языка, в США – Американское диалектологическое общество. «В 2000 году к акции «Слово года» присоединилось Американское лингвистическое общество, позднее в акции начали принимать участие: словарь Merriam-Webster с 2003 года, издательство Oxford University Press с 2004 года, вебсайт Dictionary.com с 2010 года, а также Collins English Dictionary Chambers Dictionary» [Евсюкова и Сергиенко 2021: 40]. В России у истоков конкурса «Слово года» стояли Центр творческого развития русского языка, созданный при Санкт-Петербургском университете, Международная Ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), культурно-просветительская программа «Словари XXI века». В Китае ежегодное мероприятие «Ханью паньдянь» (дословно «Инвентаризация китайского языка»), являющееся аналогом проекта «Слово года», инициировано Государственным центром мониторинга и изучения языковых ресурсов, известным издательством «Шанью Иньшугуань» [Сухина 2021: 596]. К проведению конкурса в разных странах привлекают СМИ и интернет-компании. Таким образом, организаторами конкурса являются авторитетные учреждения и квалифицированные филологи разных специальностей – представители всех «языковых» профессий, по словам А.В. Шевченко.

Процедура выборов «Слова года» не совпадает в разных странах. Здесь существенны следующие характеристики: массив данных, критерии отбора, количество, состав участников.

В США выбор «Слова года» по версии словаря Merriam-Webster основывается на двух критериях: «во-первых, слово должно быть наиболее

популярным на сайте Merriam-Webster.com, а во-вторых, количество поисковых запросов рассматриваемого слова должно значительно увеличиться по сравнению с предыдущим годом» [Евсюкова и Сергиенко 2021: 40]. В данном случае особенно важно увеличение количества поисковых запросов – в наших терминах это соответствует пику субъективной частотности «слова года», который может как совпадать, так и не совпадать с пиком объективной частотности того же слова в течение фиксированного временного интервала (см. главу 3.).

Для выборов «Слова года» по версии Издательства Оксфордского университета характерна, прежде всего, опора на огромную базу данных, которая собирается специальными программами языковых исследований (свыше 2 млрд слов английского языка) [Евсюкова и Сергиенко 2021: 40]. Здесь разработана целая совокупность критериев отбора слов года. Эти критерии можно условно разделить на две группы: а) частотность слова. Сюда относятся «количество посещений страницы со словом», «резкое возрастание количества посещений страниц слова», «частотность слова в разделе поиска на сайте словаря», «неожиданное и резкое возрастание поисковых запросов в определенный период, что обозначается термином *spike* – «пик» [Баранцева, Снегирева 2020: 13]. Как и в версии словаря Merriam-Webster, эти критерии являются объективными, они поддаются точным измерениям; б) вторая совокупность критериев субъективна, речь идет не о словах, а о связи слов с жизнью общества. Во вторую группу входят: «широкое использование в течение года в прессе», «тесная связь с активно обсуждаемыми вопросами года», «способность отражать дух, настроение и главный общественный интерес года, а также наличие потенциала для дальнейшего использования как

носителя большого культурного значения и нарастающих тенденций», «связь с важными событиями и выступлениями влиятельных лиц» [Там же]. Среди этих критериев следует особо выделить «наличие потенциала для дальнейшего использования». Временные циклы русских «слов года», и в первую очередь большей части окказионализмов, показывают, что вслед за пиком субъективной частотности они в дальнейшем не употребляются и уходят из языка как «лишенные потенциала».

Обратимся к процедурам выбора «слов года» в Китае и в России.

В Китае акция «Ханьюй паньдянь» основана на результатах выбора пользователей интернета. Выделяются номинации: «национальный иероглиф, слово года, интернациональный иероглиф и слово года, топ-10 новых слов, топ-10 модных слов и топ-10 интернет-слэнга» [Ницула и Игнатенко 2018: 136]. Окончательный выбор производится экспертами. «Слова года» называются также популярными и модными. (Неразличение «слов года», «модных слов», а то и «ключевых слов текущего момента» вообще характерно для проекта «Слово года» и анализа его результатов. Такое различие, конечно, неслучайно, и этот вопрос мы детально рассматриваем в параграфе 1.3). Первые четыре номинации в китайской акции являются целиком политическими. Так, национальный иероглиф 2018 года – 奋 «борьба», что «ярче всего отражает стремление китайского народа в новую эпоху развития Китая». Национальным словом года выбрано выражение 改革开放四十年 «40-летие политики реформ и открытости в Китае», интернациональным словом – 贸易摩擦 «торговые трения», ставший обобщенным обозначением обострившихся торговых отношений между США и Китаем [Нипула, Игнатенко, 2018: 137].

Публикацией «модных слов» (слов года) занимается также журнал «咬文嚼字 (YáoWénJiáoZì)» (прямое значение названия – «грызть иероглифы и жевать слова», т. е. оттачивать каждое слово, заниматься «буквоедством»). Цель этого, имеющего высокую репутацию, издания – «продвижение языковых норм, распространение языковых знаний, направление языковой жизни и содействие изучению языков» [Wang Xiaochen 2014: 6]. Акция «Топ-10 модных слов года» проводится журналом «咬文嚼字» с 2008 г. Выбор «Топ-10 модных слов» осуществляется исходя из трех критериев: а) модность: слово должно отражать особенности языка СМИ каждого года и языка социальной коммуникации; б) массовость: слово, по крайней мере, знакомо и признано людьми, регулярно читающими газеты; в) экспрессивность: слово имеет определенный выразительный эффект. Согласно этим требованиям, журнал ежегодно представляет 10 слов и выражений, избранных экспертами – лингвистами и филологами. С 2015 г. журнал проводит обширную выборку высокочастотных слов, функционирующих в дискурсе и представленных в Интернете. Окончательный список слов-победителей устанавливают эксперты. Победители акции «топ-10 модных слов года» по версии журнала близки к тем словам и выражениям, которые используются в повседневном дискурсе и в силу этого обретают популярность. В 2009 году была создана «Зеленая книга журнала» – языковой архив конкурса. Материалы «Зеленой книги» легли в основу нашего исследования «слов года» в китайском языке [И Лицзюнь 2019, 2020, 2021].

Процедура выборов «Слова года» в России имеет свою специфику: в выборах «Слова года» участвуют как члены экспертного совета, так и пользователи интернета. Их выборы могут не совпадать, в этом случае

объявляется два победителя. В экспертный совет входят писатели, филологи, лингвисты, журналисты, философы и культурологи (Среди них: писатели В. Курицын, Е. Черникова, Владимир Шаров, Т. Щербина; лингвисты С. Друговейко-Должанская, Л. Зубова, О. Северская, Н. Фатеева, Е. Шмелева; журналисты и филологи А. Архангельский, М. Королева, К. Туркова; режиссер В. Мирзоев, создатель электронного проекта «Дар слова» М. Эпштейн и др.). Механизм выбора «слова года» таков: весь год участники группы «Слово года» предлагают в интернете свои варианты. Кураторы составляют общий список и в конце года рассылают его членам жюри. Эксперты отбирают по семь слов в каждой из номинаций данного года и выставляют определенное количество баллов – от одного до семи. Побеждает то слово, которое набирает больше всего баллов [Столович 2012]. Наряду со «словом года» в данном проекте представлены и другие, меняющиеся рубрики («Антислово года», «Неологизм года», «Выражение года»). Близкими к проекту «Слово года» являются российский проект «Словарь года» во главе с А. Михеевым и «Пресс-слово года» (организатор – компания Public.ru).

Проект «Слово года» может быть сопоставлен с лингвистическими и социологическим опросами и анкетированием, используемыми в изучении различных аспектов языковой системы [см. Панов 1968]. Средства электронной коммуникации вывели такие лингвистические методики на новый уровень, состоящий в «массовом обследовании говорящих», что является одним из методов социолингвистики [Крысин 2001].

1.2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ «СЛОВО ГОДА»

Международная акция «Слово года» вызвала большой интерес в гуманитарном сообществе и стала предметом описания в социологическом,

лингвистическом и культурном аспектах. При социологическом подходе основное внимание уделяется «внешней» семантике «слов года». «Слова года» разделяются на тематические группы в зависимости от конкретного события, (лица, предмета), номинацией которого становится «слово года», затем эти события обобщаются и объединяются в идеографические рубрики типа «Общество», «Экология» и под. Лингвистический подход ставит во главу угла само слово, его исконный или заимствованный характер, словообразовательный тип, экспрессию и языковую игру. Культурно-этнографический подход связывает «слова года» с картиной мира. Три направления тесно связаны между собой, так что одни и те же данные могут представлять в разных ракурсах.

В статье Н.В. Стекольниковой «Слово как знак времени (социолингвистический аспект)» ставится интересный вопрос: «Может ли одно конкретное слово отразить суть прожитого страной года и в какой степени? Как выбранные слова отражают изменения, происходящие в языке и с языком?» [Стекольникова 2017: 27]. Материал для анализа составили 50 победителей акции «Слова года» в Австралии, Германии, Великобритании, России и США за 2005–2015 года. Н.В. Стекольникова использовала методы, «специфические для социолингвистики». Получены следующие результаты: а) выделено шесть тематических групп, «отражающих содержание или суть «слова года»: 1) события/явления; 2) технологии; 3) опасность; 4) политика; 5) ирония; 6) новое понятие/реалия, появившаяся в жизни людей» [Там же: 30]; общими словами для конкурсов в пяти странах явились слова *кризис* («2008 год, год мирового финансового кризиса») и *беженец* (2015-й, отмеченный большим количеством беженцев, хлынувших в Западную Европу» [Там же: 30], б) самая большая из тематических групп, «отражающих содержание или суть «слова года» – «новое

понятие или реалия, появившаяся в жизни людей» [Там же: 30], в) по принадлежности к частям речи «слово года» – в абсолютном большинстве случаев существительное. Таким образом было показано, что в языковой памяти носителей языка актуализованы слова, называющие общемировые проблемы и вербализующие новые объекты.

В статье А.Н. Сперанской «Слово года» и «ключевая ситуация»: о пополнении актуального лексикона» [Сперанская 2021] «слова года» рассматриваются с точки зрения их словообразовательных потенций. В начале статьи говорится об активной деятельности в отечественной лексикографии по описанию новых слов, так что описание «слов года» естественным образом вписывается в эту традицию. Ключевой «для всего мира» названа ситуация коронавирусной инфекции, сложившаяся с начала 2020 года. Этот внешний фактор «стал условием заметного пополнения современного лексикона» [Сперанская 2021: 105] за счет формирования коронавирусного словаря. «Слова, входящие в лексическое поле данной ключевой ситуации и сформировавшие её семантическое ядро, активно реализовали свой деривационный потенциал, хотя у *коронавируса* он оказался богаче из-за возможности участвовать в словообразовательном процессе обеих корней» [Сперанская 2021: 105]. В семантическое поле вошли также понятия, которые тесно связаны с ключевой ситуацией, так как «порождены ею». Обширный состав семантического поля включил в себя слова, известные русскому языку, и новообразования, многие из которых отмечены шуткой и языковой игрой: *самоизоляция, карантин, маска; удаленка, дистанционка, дистант, зумиться; ковидоучер, макаронвирус, вируспруденция, маскобесие, карантикулы, расхламинго* и др. под.

Выше отмечалось, что в совокупность критериев, по которым проводятся выборы «Слова года» по версии Оксфордского университета, включается наличие у слова «потенциала для дальнейшего использования как носителя большого культурного значения и нарастающих тенденций». Потенциал русских «слов года» А.Н. Сперанская представляет следующим образом: «Какие-то неологизмы, созданные *ad hoc* и вызванные необходимостью отразить появившиеся реалии и реакцию людей на них, уйдут из словоупотребления. Однако все они останутся в текстах «коронавирусной эпохи», а значит, сохранятся» [Сперанская 2021: 111].

В статье О.С. Иссерс «В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» [Иссерс 2014] «слова года» анализируются в составе политического дискурса как часть политической лексикологии. «Лексические единицы, вошедшие в список «слов года», отражают фокусы общественного внимания «за отчетный период» (с учетом методики сбора материала). Их можно рассматривать в качестве индикаторов социальных изменений, маркеров меняющейся системы ценностей» [Иссерс 2014: 49]. Основная часть статьи посвящена политической дериватологии, в которой проявляется «креативный потенциал» носителей языка. О.С. Иссерс последовательно сопоставляет «слова года» с выделенными Т.В. Шмелевой применительно к общественно-политической лексике 90-х гг. «ключевыми словами текущего момента». Выделяются следующие средства выражения экспрессии: а) «актуализация внутренней формы и прием паронимической аттракции, ср. приватизация – прихватизация (90-ые годы) и травмопункт – трампункт (номинант «слова года» – 2016), б) «антропонимические игры», ср. Ельцин – ельцинолюб, ельцинофил, ельцинофобия (90-ые гг.), и Трамп –

трампизм, трампанутый , трампофилы, трампировать (номинанты «слов года» – 2016), в) «контаминационные и другие словообразовательные модели», ср. рейганомика, гайдарономика (90-ые гг.) и святобесие, скульптуробесие (10-ые гг. XXI века). В другой статье «От серьезного до смешного: игровой потенциал русского слова года» О.С. Иссерс останавливается на «приемах игрового осмысления лексических новаций 2014 года» и значению иронии «как стилистической фигуры и как явления, возникающего в акте коммуникации» [Иссерс 2015: 26].

В статье Е.В. Николаевой «“Слова года” как лингвокультурные концепты» обращается внимание на то, что «слово года» создается в процессе социальных коммуникаций и само «задает смысловой фрейм для последующих коммуникативных актов. Исходя из этого, можно рассматривать «слова года» в разных национальных языках как «ключевые» фразеологические единицы, на основе которых в национальной культуре формируется и транслируется система представлений о неязыковой действительности, релевантная для носителей данной культуры» [Николаева 2017: 155]. Перспективным является, как пишет Е.В. Николаева, «анализ семантических полей «слов года» в синхронической и диахронической перспективах». Автор отмечает две особенности русских «слов года» по сравнению с английскими: а) большая политизированность русских «слов года», маркирующих как российские, так и общемировые проблемы. Эта черта отмечается и в других работах по «словам года» в русском языке, б) большое количество заимствований среди русских слов сравнительно с составом английских слов. «Слова года», по мнению Е.В. Николаевой, «фиксируют в подвижной, постоянно изменяющейся семантической матрице национального языка новые значимые элементы лингвокультурной картины мира» [Николаева

2017: 156]. Сходной по теме является статья Н.В. Сергиенко и А.С. Евсюковой «Слово года: отражение этнокультурных особенностей языков» (2021 г.). Гипотеза авторов состоит в том, что «слова года» демонстрируют не только связь с теми процессами, которые происходят в мире и стране, но и отображают разноуровневые особенности самого языка – репрезентантов культуры» [Сергиенко и Евсюкова 2021: 338]. Выделив тематические группы акции «Слово года» в Германии, Америке, Великобритании и в России, авторы дают интерпретацию полученных результатов. Так, из того, что среди немецких «слов года» 39% входят в тематическую группу «Общество», делается вывод, что «для граждан Германии более важными вопросами являются социальные, общественно значимые»; из того, что 65% немецких «слов года» – сложные существительные, следует, что «слова года» соответствуют главному способу немецкого словообразования («композиты <...> являются характерной особенностью немецкого языка» [Там же 202: 339]. По-иному выглядят тематические группы «слов года» по версии Американского диалектологического общества: «Очевидно, что наиболее важными сферами жизнедеятельности для американцев являются «Интернет и технология» – 28% и Политика – 28%» [Там же 2021: 340]. Тот факт, что 55% «слов года» являются моносиллабическими или состоят из двух слогов, соответствует «особенности английского языка», для которого, как отмечают авторы, не характерна многослоговость. В статье «Происхождение слов проекта «Слово года» по версии издательства Оксфордских словарей с 2001 по 2020 годы» [Горбунова, Коваленко и Ломакова 2022] под происхождением имеется в виду событие, состояние дел или некая проблема, названием которой стало «Слово года». Авторы выделяют четыре «подсистемы общества» (экономическая,

политическая, социальная, духовная) и распределяют «Слова года» и номинантов на этот статус по названным сферам. Например, к духовной сфере отнесено слово *bunga-bunga*, которое условно можно перевести как гедонистические вечеринки «бунга-бунга» Берлускони» [Горбунова, Коваленко, Ломакова 2022: 110]; к социальной – слово *vape* («электронная сигарета»), метонимически отсылающее к таким событиям, как открытие в Лондоне первого вейп-кафе и протестные акции в связи с запретом на курение электронных сигарет в помещении; к экономической сфере отнесено «слово года» *bitcoin* («электронная валюта»), к политической – слово *youthquake*, обозначающее «молодых людей, стоящих за политическими переменами», что «связано со всеобщими выборами 2017 года в Великобритании» [Там же: 111]. Определив процентное соотношение «слов года» по четырем подсистемам, авторы обращают внимание «на более или менее равномерное распределение слов между всеми сферами общественной жизни». Делаются также замечания, относящиеся к ментальности англоязычного социума. Таков комментарий к «слову года» *omnishambles* («полный беспорядок»): «...данное слово как нельзя лучше подошло к описанию ситуации, сложившейся в экономике, политике, социальной сфере Великобритании в 2012 году и стало в дальнейшем основой для создания других слов, характеризующих, в том числе, отдельные политические поступки отдельных политических деятелей Британии и США, что несомненно, отражает сатирический и иронический склад ума британцев и их чувство юмора» [Там же: 110]. В указанной статье Н.В. Сергиенко и А.С. Евсюковой подтверждается вывод о равномерности распределения «слов года» по тематическим группам (группы «Политика», «Общество», «Экология», «Интернет», «Экономика» составляют одинаковое процентное соотношение –

12-13% словаря «Слов года»). Сверх того, выделяется группа «Другое» – 38% словаря. «Из этого можно заключить, – пишут Н.В. Сергиенко и А.С. Евсюкова, – что интересы британского общества охватывают широкий спектр событий и явлений, что граждане не сфокусированы ни на одной сфере жизнедеятельности» [Там же]. Что касается русских «Слов года», то среди них абсолютно преобладает «Политика» (64%), далее с большим отрывом следует «Экономика» (7%) и недифференцированная группа «Другое». «Слова года» в британской версии не содержат заимствований и, напротив, в значительном объеме (27%) включают молодежный слэнг. Этнокультурную маркированность «слов года» Н.В. Сергиенко и А.С. Евсюкова усматривают в составе тематических групп, в языковых характеристиках, в специфике внутренней формы, основанной на знании жизненных реалий, звуковых сближениях и коннотациях.

В статье Е.В. Киселевой «Понимание языковой картины мира с помощью процедуры определения слова года» (2021 г.) этнокультурная специфичность связывается с картиной мира, понимаемой как «национальное восприятие окружающего мира». Ссылаясь на работы В.И. Постоваловой, Н.В. Уфимцевой и других исследователей, Е.В. Киселева производит различие культурной, языковой и личностной картины мира. При этом культурная картина мира предшествует языковой, а личностная картина отличается от «общей картины мира», по выражению В.И. Постоваловой, «лишь нюансами». Е.В. Киселева пишет о «языковой коллективной философии, которая имплицитно присуща всему лингвистическому сообществу» [Киселева 2021: 601], и полагает, что эта «коллективная философия» получает вербальное выражение в акции «Слово года». Опираясь на самостоятельные работы студентов, изучающих

«международные отношения», Е.В. Киселева сводит результаты их рассмотрения «слов года» в две таблицы. Первая из них представляет «языковую картину мира» в английском языке применительно к словам corona и covid («морфологический» и «лексический» уровни). Вторая таблица приводит победителей конкурса «Слово года» в Германии, Китае, Великобритании, США, России, в Австралии, Норвегии и Бельгии за 2016–2020 гг. Это и есть, как считает автор, культурная картина мира.

Обзор работ, посвященных изучению «слов года», показывает доминирование в этих работах социологического подхода. Обратившись к «внешней» семантике «слов года», исследователи разделяют их на тематические группы и делают выводы об актуальных интересах и коллективной психологии участников акции «Слово года» в разных странах. Выделяются кросс-языковые «слова года» (*кризис, беженцы, коронавирус*), маркирующие общезначимые мировые проблемы и события. Лингвистический и культурно-этнологический подходы получают воплощение в описании «слов года» как раскрывающих «креативный потенциал» носителей языка и вносящих изменения в языковую картину мира.

1.3. «СЛОВА ГОДА» В СООТНЕСЕНИИ С КЛЮЧЕВЫМИ СЛОВАМИ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА И МОДНЫМИ СЛОВАМИ

В исследованиях «слов года» их нередко отождествляют с «ключевыми словами текущего момента» и с модными словами. Такое неразличение неслучайно – названные совокупности слов имеют общие черты. Но наряду с общими чертами между ними имеются существенные различия. Эти различия становятся очевидными, если посмотреть на «ключевые слова текущего момента», модные слова и «слова года» с точки зрения функционирования языка

во времени и языковых процессов, характеризующих разные этапы развития и функционирования литературного языка [Ревзина 2022]. Рассмотрим понятие «ключевые слова текущего момента» и «модные слова» в их соотношении со «словами года».

1.3.1. Ключевые слова текущего момента

Термин «ключевые слова текущего момента» был введен в известной статье Т.В. Шмелевой [Шмелева 1993]. «Без каких-либо предварительных исследований ясно, – пишет Т.В. Шмелева, – что каждый «текущий момент» выдвигает в центр общественного сознания фрагмент словаря, заключающий в себе понятия наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно, в парламенте и в очередях, на радио и в печати, на телевидении и в «трудовых коллективах» [Шмелева 1993: 33]. Таким образом, ключевые слова текущего момента (их также называют ключевыми словами современности) – это та часть общественно-политической лексики, которая приобретает особую общественную значимость на протяжении конкретного временного периода. С этими словами связываются значения «современность» и «актуальность семантики». Они характеризуются также широкой распространенностью и массовостью («у всех на устах», – как образно пишет Т.В. Шмелева).

Т.В. Шмелева выделила девять «языковых примет» ключевых слов текущего момента, в дальнейшем получивших следующее обобщение: «а) «текстовый аспект» (частотность, использование в заголовках, проявление языковой рефлексии, «масса дефиниций», б) «лексические параметры» (метафоры, онимы, модификация синонимических и антонимических отношений), в) «активизация грамматических возможностей, «деривационного

потенциала» ключевого слова, г) «текстогенность «ключевого слова, – способность порождать массу текстов» [Шмелева 1993: 65].

Как уже было сказано, исследователи «слов года» почти единодушно относят «слова года» к ключевым словам текущего момента [Иссерс 2014, 2015, Мельник 2014, 2017, Шевченко 2016]. Действительно, характеристики ключевых слов текущего момента в большей или меньшей степени подходят для характеристики «слов года». Среди них отметим сочетание субъективного восприятия (субъективной частотности) с «взрывообразной» объективной частотностью, как это называет Т.В. Шмелева в статье о слове *кризис* [Шмелева 2009: 64]

1.3.2. Модные слова

Модные слова присутствуют в разных языках и являются объектом многочисленных лингвистических штудий (ср. сборник статей «Мода в языке и коммуникации» (2014 г.) содержит материалы одноименной конференции, успешно прошедшей в Институте лингвистики РГГУ в ноябре 2011 г. и также рецензия (2012 г.) на сборник).

Модное слово выделяют на основе признаков, относящихся к понятию моды. Мода как культурно-общественное явление изучается в философии, антропологии, социологии, семиотике, культурологии. И. Кант видел источник возникновения моды в социальном неравенстве и выделял такие характеристики моды, как социальный престиж, диктат моды, негативное воздействие на моральный облик человека, эстетическое начало (связь со вкусом) [Кант 1994]. Г. Гегель рассматривал вкус как чувство прекрасного, появившееся благодаря культуре, и детально рассмотрел феномен моды в одежде. Именно отсюда мода

получает развитие и распространение, становясь популярной и престижной [Гегель 1968]. Й. Хёйзинга отметил игровой характер моды [Хёйзинга 2007]. Синтетический подход, при котором философия и лингвистика соединяются воедино, представлен в статье [Чернейко, Башкатова 2008: 86-98].

Для теории модных слов наибольшее значение имеют два подхода. Первый из них – семиологический – разработан Роланом Бартом в его исследовании «Система моды» [Барт 2003], второй подход – социологический – представлен в книге А. Б. Гофмана «Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения» [Гофман 2004].

Р. Барт предлагает описание моды в одежде исходя из концепции языка, выдвинутой Ф. Соссюром и развитой Л. Ельмслевом. Анализируя вестиментарный код, Р. Барт выдвигает следующие положения: а) выделяются три системы: одежда-образ, одежда-описание и реальная одежда, б) означаемое «Мода» принадлежит коннотативному уровню знаковости, то есть его означаемым является целостный знак, принадлежащий одежде-образу и реальной одежде, в) коннотаторами означаемого «Мода» выступают системные характеристики одежды, допускающие вариативность. При попытке применить семиологию моды по Барту к модным словам возникает следующая картина. Одежда-образ может быть уподоблена языковому знаку как единице языка (type-sign), реальная одежда – тому же знаку как единице дискурса, коннотативное означаемое «Мода» может ставиться в один ряд с другими коннотативными означаемыми – в частности с системными стилистическими смыслами [Ревзина 2022]. Коннотаторами означаемого «Мода» могут быть системные свойства языкового знака, относящиеся к фонетике, семантике, словообразованию и др. Например, в «Словарь модных слов» В.И. Новикова включено слово *юбилей*

[Новиков 2019: 317]. Коннотатором выступает изменение значения: вместо прежней однозначно определенной даты в 50 лет *юбилеем* стали называть любую, едва ли не произвольную дату. Так у слова *юбилей* появилось коннотативное означаемое «Мода».

Предмет исследования А.Б. Гофмана – социология моды. Мода определяется как «одна из форм, один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения: индивидуального, группового и массового» [Гофман 2015: 21]. Остановившись на структуре модного знака, А.Б. Гофман обнаруживает близость к Р. Барту: «Те или иные стандарты и объекты становятся модными, оказываются «в моде» тогда и только тогда, когда они обладают модными значениями, т. е. выступают в качестве знаков моды. В свою очередь, выражение «выступают в качестве знаков моды» означает, что эти стандарты и объекты замещают и указывают на какие-то ценности, которые в обществе или социальных группах воспринимаются как модные» [Гофман 2015: 25]. А.Б. Гофман выделяет в структуре моды три ценностных уровня: «1) ценностный аспект стандартов и объектов; 2) уровень атрибутивных («внутренних») ценностей; 3) уровень денотативных («внешних») ценностей [Там же: 25-28].

К атрибутивным ценностям относятся современность, универсальность, демонстративность и игра. Каждый из этих признаков получает развернутое определение, и всех вместе их можно рассматривать как конкретизацию коннотативного означаемого «Мода».

«Современность – фундаментальная ценность в структуре моды. Когда нечто оценивается как «современное», эта оценка обычно вызывает в нашем сознании положительные ассоциации. Современность ассоциируется с

прогрессивностью, готовностью к изменениям и творчеству, она противопоставляется косности, рутине, застою» [Там же: 31]. Ценность современности, указывает Б.Г. Гофман, имеет относительный характер: у консервативно настроенной части социума, для которых ценностью является прошлое, современность получает отрицательную оценку.

Универсальность моды состоит, по А.Б. Гофману, в том, что неязыковая мода «перешагивает границы» и является массовой в том смысле, что в моде «участвуют различные классы, социальные слои, профессиональные группы, демографические категории и т. д.» [Там же: 36]. Как и признак «современность», универсальность «всегда частичная, более или менее полная».

Внутренней ценностью моды является также демонстративность. Демонстративность состоит в том, что мода «сама себя показывает», в концепции Р. Барта – существуют непрременные коннотаторы моды, по которым она и опознается. Демонстративность моды имеет особую функцию: «Мода — одна из форм коммуникации, передачи информации от одних людей другим. В процессе коммуникации ее участникам необходимо узнавать друг друга и быть узнаваемыми, видеть и быть увиденными, представляться другому и знакомиться с ним» [Там же: 38].

Последняя внутренняя ценность моды – это игра. Следующие особенности игры признаются существенными для моды: а) игра добровольна, б) игра представляет, по выражению Ю.М. Лотмана, одновременную реализацию практического и условного поведения, то есть оставаясь в реальной жизни, субъект вместе с тем вступает в другой мир, наделенный своими правилами [Лотман 1970: 81-86], в) «игра отличается эвристическим, поисковым характером; она связана с праздничным мироощущением. Игра тесно связана и

перекрещивается с областью эстетического» [Гофман 2015: 28].

Внутренние ценности составляют семантическое ядро моды. А.Б. Гофман проводит принципиальное различие между атрибутивными и внешними ценностями моды. «Атрибутивные ценности в той или иной форме разделяются всей массой участников моды, хотя значимость и удельный вес каждой из них, очевидно, различны для разных групп и индивидов. Что же касается денотативных ценностей, то они заведомо различны и даже бывают противоположными в разных системах поведения <...> Следуя одним и тем же стандартам, через посредство одних и тех же атрибутивных ценностей различные категории участников моды в зависимости от тех или иных факторов в конечном счете, на денотативном уровне, могут быть ориентированы на различные и даже противоположные этические, эстетические, политические и прочие ценности. Это могут быть такие ценности, как социальное равенство и элитарность, красота и польза, конформность и неконформность и т. д. Вообще набор денотативных ценностей в принципе бесконечен, и попытаться перечислить их было бы делом безнадежным» [Гофман 2015: 27].

Социологический подход к понятию моды был распространен на изучение модных слов. Это можно проследить, обратившись к статье А. Мустайоки и И.Т. Вепревой «Метаязыковой портрет модных слов» [Мустайоки и Вепрева 2006, ср. также Мустайоки и Вепрева 2015]. Модные слова наделяются в дискурсе специальными (хотя и необязательными) метаоператорами: *модное слово, как модно говорить* [Мустайоки и Вепрева 2015: 454]. Авторы выделяют «коррелятивные признаки» модного слова, соответствующие ценностям неязыковой моды. Признак «современность» предполагает выделение у модного объекта признака темпоральности. Модными единицами называются слова,

ставшие актуальными по разным (внеязыковым и внутриязыковым) признакам [Там же: 456-457]. Универсальность коррелирует с признаком частотности слова: «Модное слово захватывает максимально широкое социальное пространство за необычайно малый промежуток времени» [Там же: 459]. Игровое начало модного слова А. Мустайоки и И.Т. Вепрева видят в том, что модные слова осуществляют «смену номинаций», а демонстративность находит выражение в «формальной яркости и необычности», что характерно для заимствованных неологизмов. В конечном счете А. Мустайоки и И.Т. Вепрева считают возможным представить класс модных слов в виде полевой структуры, ядром которой являются слова, «удовлетворяющие всем предъявляемым ценностям модного объекта», а периферию составляют «актуализированные высокочастотные единицы» [Там же: 464].

Попытка развести понятия «модное слово» и «ключевое слово современности» представлена в статье Л.А. Поповой [Попова 2019]. Л.А. Попова устанавливает сходство модных слов и ключевых слов современности по двум характеристикам: «1. Актуальность, современность, высокая частотность употребления. 2. Самая информативная (в социолингвистическом плане) категория лексики» [Попова 2019: 158]. Из выделяемых Е.В. Поповой различий назовем два наиболее существенных: а) мода характеризует, в первую очередь, эстетические вкусы общества, ключевые слова современности «отражают взгляды и ценности людей определенной эпохи и влияют на формирование картины мира личности», б) «высокая частотность употребления модных слов наблюдается очень короткое время», в то время как ключевые слова современности «находятся в центре внимания носителей языка длительное время» [Там же].

Именно эстетическую (внешнюю) ценность моды поставил во главу угла В.Г. Костомаров в монографии «Языковой вкус эпохи», посвященной русскому языку и русскому дискурсу 90-х гг. XX века. В.Г. Костомаров дает следующее определение языкового вкуса: «...вкус – это, в сущности, меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи» [Костомаров 1999: 32]. Соответственно, «мода есть крайнее проявление вкуса, более индивидуальное, быстро преходящее, бросающееся в глаза и обычно вызывающее раздражение у старшей и консервативной части общества» [Костомаров 1999: 34]. Опираясь на продукцию масс-медиа, В.Г. Костомаров последовательно рассматривает стилистику, внутренние заимствования в литературный язык (из просторечия, диалектов, жаргонов) и внешние заимствования (преимущественно американизмы), изменения в семантике слов, «новую фразеологию», словообразование, а также «процессы, намечающиеся в грамматике, фонетике, орфографии и пунктуации». Иначе говоря, предлагается описание русского литературного языка 90-х годов на всех языковых уровнях исходя из представления о речевой моде. Отношение к «торжествующей» языковой моде неоднозначное: В.Г. Костомаров приветствует «раскрепощение языка», но видит опасность распространения в речевой моде дурного вкуса. «За вкусом к беспредельной свободе выражения, за фамильярной развязностью тона, который в моде, часто встречается духовный нигилизм, утрата исторической памяти и уважения к отечеству» [Костомаров 1999: 43].

1.3.3. Литературный язык – слова года / ключевые слова текущего момента / модные слова

В статье О.Г. Ревзиной [Ревзина 2022] слова года, ключевые слова

текущего момента и модные слова рассматриваются в связи с функционированием и развитием литературного языка во времени. О.Г. Ревзина выдвигает следующие положения: а) выделение «слов года», ключевых слов текущего момента и модных слов как объектов лингвистического исследования имеет огромное значение для понимания процессов, происходящих в литературном языке на разных этапах его развития и функционирования во времени; б) «слова года», ключевые слова текущего момента и модные слова выделяются на разных этапах развития литературного языка и особым образом характеризуют эти этапы, в) «слова года», ключевые слова текущего момента и модные слова передают восприятие человеком языка своего времени и его участие в происходящих языковых изменениях, г) «слова года», ключевые слова текущего момента и модные слова представляют собой разные лексические множества, имеющие черты сходства и черты различия, д) функции ключевых слов текущего момента, модных слов и «слов года» определяются и специфицируются применительно к системе языка и к её функционированию во времени.

Сопоставление ключевых слов текущего момента, модных слов и «слов года» проводится по совокупности параметров:

1. «Слова года», ключевые слова текущего момента и модные слова различаются по длительности временного периода, с которым они соотносятся. Для «слов года» – это точный хронологически определенный временной промежуток, ключевые слова текущего момента – не менее 10-15 лет («микроистория», как это называет М. В. Панов). Минимальная длительность неязыковой моды и модных слов совпадает с временной длительностью «слов года».

2. Временные промежутки разной длительности могут быть выделены на всех этапах развития литературного языка. Значение «слов года», ключевых слов текущего момента и модных слов неизмеримо возрастает, когда речь идет о тех этапах функционирования языка, в которые язык получает «колоссальное» ускорение и подвергается перестройке на разных языковых уровнях. В XX веке это периоды с 1917 по вторую половину 20-х годов и с конца 80-х до конца XX вв.

3. «Слова года», ключевые слова текущего момента и модные слова выделяются исходя из субъективного восприятия. Значимость субъективного восприятия определяется количеством его субъектов. Существенным является разделение языкового и социального коллектива. «Речевое взаимодействие, реальная или потенциальная возможность речевого общения на одном и том же языке создает особое образование – языковой коллектив» [Журавлев 2004: 11]. Наряду с языковым коллективом выделяется коллектив социальный (по В.К. Журавлеву – социум). «Слова года», ключевые слова текущего момента и модные слова различаются по стоящим за ними социальным коллективам. Массовость приписывается ключевым словам текущего момента, но и в этом случае социальный коллектив не совпадает с языковым. Новая общественно-политическая лексика, наводнившая русский литературный язык в 20-е гг., была непонятна значительной части населения России. А.М. Селищев пишет о том, что «многие элементы языка советских деятелей недоступны пониманию деревни» [Селищев 2003: 210-218]. Массовость модных слов также имеет ограничения. Таков возрастной критерий, на что указывает В.Г. Костомаров. Составитель «Словаря модных слов» Вл. Новиков пишет: «Автор стремился работать «соборно», расспрашивая своих коллег и знакомых, людей разных

поколений и профессий, о том, какие слова они считают модными, какие новые слова им нравятся и какие вызывают раздражение» [Новиков 2018: 4]. В данном случае социальный коллектив – «коллеги и знакомые» автора словаря, то есть его привычная социальная среда. Другие примеры из НКРЯ:

(1) Он был выходец или, тогдашним модным словом сказать, эмигрант французский, приверженный к правам Бурбонского дома.

[И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 / 1791–1798 (1788-1822)]. *Он был выходец или, тогдашним модным словом сказать, эмигрант французский, приверженный к правам Бурбонского дома.*

[И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 / 1791–1798 (1788-1822)]. «Социальный коллектив» в данном случае – аристократия и дворянство.

(2) Так, в половине прошедшего столетия были у нас модные слова:

ужесть, как мил; он не в своей тарелке; делать куры [Н. А. Полевой. Делать карьер (1830)]. «Мы» можем расшифровываться по-разному – скорее всего, у нас, у городских жителей, у петербуржцев (и притом вполне определенного круга, поскольку «не в своей тарелке» и «куры не клюют» - кальки с французского относящиеся к XVIII веку).

В XX веке возрастает роль социолектов в широком смысле, включая профессиональные языки. Такие объединения могут иметь собственные модные

слова и инвестировать модные слова во всеобщее употребление. Классическим примером является язык компьютерщиков.

Таким образом, социальный коллектив, стоящий за ключевыми словами текущего момента и модными словами, никогда не совпадает с языковым. Социальный коллектив акции «Слово года» также не совпадает с языковым. Это та общность людей, которая «принципиально не ограничивается ни социальными, ни географическими барьерами» [Журавлев 2004: 11]. Объем членов такого временного социального коллектива разнится от страны к стране.

4. Ключевые слова текущего момента, модные слова и «слова года» передают значение «актуальность». «Актуальный – очень важный для настоящего времени, злободневный» [МАС, 1981, 1, 31]. Актуальность ключевых слов текущего момента определяется общественно-политической ситуацией и масштабными изменениями в общественно-политической ситуации. Актуальность модных слов не имеет каких-либо ограничений, относящихся к семантике. Актуальность «слов года» определяется выбором актуальных («злободневных») событий разного масштаба и разной значимости, происходящих в разных странах в жизнедеятельности человека на протяжении года.

5. «Слова года», ключевые слова текущего момента и модные слова различаются по признаку: открытое – закрытое множество. Закрытым является множество «Слова года». Модные слова характеризуются тем, что они входят в целую совокупность языковых характеристик с коннотативным означаемым «Мода».

6. Значение «современность» и «актуальность», присущее «словам года», ключевым словам текущего момента и модным словам, помещает

носителя языка в динамическую ситуацию, в которой происходит преобразование наличного языкового состояния. Новое языковое состояние требует актуализации имеющихся и привлечения новых языковых средств. По своему составу «слова года», ключевые слова текущего момента и модные слова разделяются на лексемы основного словарного фонда языка, значение которых модифицируется, внешние и внутренние заимствования, новообразования, построенные по узуальным и окказиональным моделям. Этим лексическим множествам присуща «выделенность» («демонстративность», если воспользоваться термином Б.Г. Гофмана), языковая рефлексия и языковая игра.

7. «Слова года», ключевые слова текущего момента и модные слова выделяются исходя из субъективного восприятия. На них основаны характеристики данных слов как распространенных, массовых, популярных. Ни одна из этих характеристик не поддается точной экспликации: *распространенный* – «часто встречающийся» [БТС 2004:1094]; *массовый* – «принадлежащий широким массам» [Там же: 523]; *популярный* – «пользующийся широкой известностью» [Там же: 923]. «Субъективные свидетельства современников о семантическом строе слова, о восприятии его в ту или иную эпоху <...> должны быть проверены и осмыслены с объективно-исторической точки зрения», – пишет акад. В. В. Виноградов [Виноградов 1999: 36]. Совместное рассмотрение субъективного восприятия (субъективной частотности) слова и его объективной частотности на протяжении конкретного временного периода позволяет проследить взаимодействие субъективной и объективной точки зрения.

1.4. ФУНКЦИИ «СЛОВ ГОДА»

Изучение «слов года», ключевых слов текущего момента и модных слов

позволяет конкретизировать процессы, относящиеся к функционированию языка в его временной протяженности. «Как в языке отражено общественное развитие, как история общества порождает определенные черты в речи, затем в строении самого языка, какие существуют закономерности в изменении языка под влиянием общества, все эти вопросы имеют большую теоретическую ценность» [Земская 2005: 16]. «Слова года», ключевые слова текущего момента и модные слова передают восприятие человеком языка своего времени и его участие в происходящих языковых изменениях.

Вопрос о функциях «слов года», равно как ключевых слов текущего момента и модных слов, неотделим от вопроса о функциях языка в целом и от его функционирования во времени. Набор языковых функций не совпадает у разных исследователей, но признается, что основными являются коммуникативная функция («функция общения») и когнитивная функция («функция передачи мыслительного содержания») [Ревзин 2009: 32]. Функции языка и функции слова как единицы языка сближаются между собой. «Слово в ряду других знаков языка является основным, потому что оно имеет семиологическую ценность в нескольких планах, слово обобщает (сигнификативная функция), дает наименование, обозначает (номинативная функция), слово сообщает (выполняет коммуникативную функцию) и выражает определенное чувство, переживание говорящего (прагматическая функция)» [Общее языкознание 1970: 130]. По Jakobsonу, прагматическая функция – это «*эмотивная*, или экспрессивная функция», имеющая своей целью прямое выражение говорящего к тому, что он говорит» [Jakobson 1975: 198]. Ключевые слова текущего момента, модные слова и «слова года» имеют все названные функции, но они специфицированы применительно к каждому лексическому

множеству. О функциях ключевых слов текущего момента в непрямой форме пишет Е.А. Земская: «Как в языке отражено общественное развитие, как история общества порождает определенные черты в речи, затем в строении самого языка, какие существуют закономерности в изменении языка под влиянием общества, все эти вопросы имеют большую теоретическую ценность» [Земская 2005: 16].

Функциям языковой моды посвящена статья М.М. Рипяховой [Рипяхова 2012]. М.М. Рипяхова приписывает языковой моде те же функции, которые были выделены А.Б. Гофманом по отношению к моде неязыковой [Гофман 2015]. В статье «Языковая мода и ментальность: к вопросу о структуре и функциях языковой моды» [Рипяхова 2012] были выделены следующие функции языковой моды:

- а) инновационная функция. «Языковая мода стимулирует экспериментальное начало в обществе и культуре, поиск нового, выявляет новые, более предпочтительные по сравнению с предыдущими речевые образцы» [Там же: 228];
- б) регулятивная функция. «Языковая мода внедряет в образ жизни новые формы коммуникативного поведения, отбирая из множества речевых моделей одну, которая на какое-то время становится нормой, облегчая человеку выбор языковых средств и помогая тем самым приспособливаться к меняющемуся миру» [Там же];
- в) психологическая функция. «Языковая мода удовлетворяет психологические потребности человека в новизне, создавая иллюзию изменений, в самовыражении, компенсирует неудовлетворенность своим социальным статусом, нивелирует социальное неравенство и позволяет избежать социальной изоляции» [Там же];
- г) социальная функция. «Языковая мода приобщает человека к социальному и культурному наследию, помогает восприятию определенных социальных норм и ценностей и способствует воспроизводству определенной социальной системы» [Там же];
- д) престижная

функция. «Языковая мода обозначает социальный статус, демонстрируя либо высокий социальный статус, либо создавая иллюзию более высокого социального статуса, либо наоборот скрывая социальные различия между участниками коммуникации. Путем подражания модным языковым стандартам и объектам элитарных социальных групп языковая мода позволяет человеку преодолевать чувство неполноценности» [Там же]; е) коммуникативная функция. «Языковая мода представляет собой одну из характеристик массовой коммуникации» [Там же]; ж) экономическая функция. «Языковая мода является формой рекламы новых товаров, регулятором поведения потребителей и как следствие – средством расширения сбыта» [Там же]; з) эстетическая функция. «Языковая мода удовлетворяет эстетические потребности, отражая особенности массового языкового вкуса, является способом распространения и изменения эстетических оценок в обществе» [Там же]. Оставив в стороне экономическую функцию, мы можем свести все остальные функции к тем, которые приписываются языку в целом: когнитивной и коммуникативной. На этом фоне более четко определяются функции «слов года»:

1. Номинативная функция. «Слова года» называют события и явления, происходящие в течение года и представляющиеся общественно значимыми с точки зрения социального коллектива участников акции «Слово года». В выборе номинаций находят проявление лингвокреативные способности носителей языка, языковая рефлексия, языковая игра и языковой вкус членов социального коллектива.

2. Коммуникативная функция. «Слова года» вносят вклад в формирование социального коллектива, в коммуникативных реализациях

которого находят проявление психологические потребности человека во включенности в свое время и в новизне, определяются его социальные нормы и ценности.

3. Экспрессивная функция. «Слова года» выражают эмоциональное переживание и передают оценку событий и явлений, происходящих в течение года и представляющихся общественно значимыми с точки зрения социального коллектива участников акции «Слово года». К трем названным функциям следует добавить креативную (инновационную) функцию.

Функции языка и функции слов выделяют вне параметра времени, как «вневременные». Но в равной степени можно говорить о функциях ключевых слов текущего момента, модных слов и «слов года» по отношению к существованию и функционированию языка во времени. Общее для всех трех групп – это то, что они являются временными маркерами, то есть своим существованием они маркируют определенный временной промежуток в функционировании языка. Но если ключевые слова текущего момента и модные слова маркируют более длительные и нечетко определенные временные промежутки, то «слова года» дают представление о языковых процессах в пределах очень короткого для истории языка временного промежутка. Здесь уместно сравнение с кинематографом: крупным планом подается один кадр, в котором присутствуют совместно язык, мир и человек, делающий свой вклад в язык. При этом сам язык этот вклад частью принимает и частью отвергает. Таким образом функция «слов года» по отношению к функционированию языка во времени состоит в том, что «слова года» являются маркерами конкретных временных периодов в существовании языка и происходящих в нем процессов.

1.5. ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ I.

1. Акция «Слово года» является международной и проводится на протяжении первых десятилетий XXI века в странах разных континентов.

2. Языковые данные проекта «Слово года» представляют собой новый материал для изучения языка с позиций современной антропологической парадигмы.

3. «Слова года» стали предметом научного исследования в социологическом, психологическом, лингвистическом, культурном и типологическом аспектах.

4. Социологический аспект находит воплощение в разделении «слов года» на тематические группы и в определении процентного соотношения этих групп. На основании полученных данных делаются выводы о предпочтениях языковых социумов в сфере внутренней и внешней политики, экономики, общественной жизни. Лингвистический анализ «слов года» состоит в описании их состава и в описании отдельных слов – победителей конкурса «Слово года», в выделении приемов языковой игры. «Слова года» связывают с картиной мира и «национальным восприятием окружающего мира», с вербализацией «коллективной философии» носителей языка.

5. «Слова года» имеют черты сходства и черты различия с ключевыми словами текущего момента и с модными словами. Специфическими характеристиками «слов года» являются отнесенность к точно определенному временному промежутку, выбор «слов года» четко определенным социальным коллективом, тематическое разнообразие, закрытое множество «слов года» номинантов на этот статус. Признаки «современность» и «актуальность», общие для ключевых слов текущего момента, модных слов и «слов года»,

конкретизируются применительно к «словам года» как соотнесенность с событиями и явлениями, происходящими в течение конкретного года, и как актуальность с точки зрения социального коллектива участников акции «Слова года». Разделяя с ключевыми словами текущего момента и модными словами признаки высокой частотности и выразительности, «слова года» раскрывают свои системно заданные возможности и коммуникативную востребованность на протяжении заданного временного интервала, тем самым определяя свой вклад в наличное состояние языка и свое участие в последующих языковых состояниях.

б. «Слова года» наделены номинативной, коммуникативной и экспрессивной функциями. Так же как ключевые слова текущего момента и модные слова, «слова года» являются маркерами конкретных временных периодов в существовании языка и происходящих в нем процессов.

ГЛАВА II. «СЛОВА ГОДА» КАК ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

«Слова года» служат для вербализации событий и явлений действительности, которые часть носителей языка наделяет общественной значимостью. Субъективная частотность (субъективное восприятие) «слов года» основывается на их частом употреблении в дискурсе в течение короткого временного промежутка. В дискурсе «слово раскрывается как отдельный исторический факт, который как бы самостоятельно развивает заложенные в нем потенции семантических изменений» [Виноградов 1999: 8]. Раскрытие семантического потенциала слова зависит от его системных свойств. В данной главе представлено описание «слов года» по следующим характеристикам: 1. исконные – заимствованные слова, 2. стационарные – потенциальные / окказиональные слова, 3. характеристика «слов года» по принадлежности к части речи. В отдельные параграфы вынесены вопросы о значении «слов года» и их разделении на тематические группы. Глава заканчивается описанием «слов года» в китайском языке в сопоставлении со «словами года» в русском языке.

2.1. ПАРАМЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКА «СЛОВ ГОДА»

2.1.1. Исконные – заимствованные слова

В монографии «Языковой вкус эпохи» В.Г. Костомаров ввел различение внутренних и внешних заимствований. К внутренним заимствованиям относятся модные слова «из вне- и нелитературных сфер общенародного языка» [Костомаров 1999: 78], к внешним заимствованиям – слова из чужих языков. Внутренние заимствования, уточняет В.Г. Костомаров, – это заимствования «из просторечия, диалектов, жаргонов». Внутренние заимствования по большей

части относятся к исконной лексике. Среди «слов года» 32 исконных слова (20,9%) и 58 заимствованных слов (37,9%). Сопоставим эти показатели с соотношением исконных и заимствованных слов в «Словаре модных слов» В.И. Новикова. В этом словаре 198 слов и выражений, из них 104 исконных слова (52,5%) и 91 заимствованное слово (45,95%). Таким образом, в «Словаре» число исконных слов более чем в три раза превышает число заимствованных слов в словнике «слов года».

В.Г. Костомаров пишет о диалектизмах, просторечии и жаргонах. Фактически в «Словаре модных слов» представлено только одно диалектное слово – *голимый* (Как пишет В.И. Новиков, «не хватает молодежи ругательных эпитетов, вот и приходится перенимать их аж у сибирских крестьян!» [Новиков 2019: 55]). Что же касается просторечия, необходимо различать просторечие-1 и просторечие-2. Просторечие-1 оправданно рассматривать как «своеобразную подсистему русского национального языка», в то время как просторечие-2 – «своеобразная разновидность городской речи»; эта речь «лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована» [Крысин 2003: 55, 64, 56]. И в словаре В.И. Новикова исконная лексика – это прежде всего жаргонизмы. В.И. Новиков снабжает модные слова – жаргонизмы яркими оценочными комментариями:

«БАБЛО – новейшее жаргонное словечко, по сравнению с которым однокоренное слово «бабки» звучит все же добродушнее»; ЖЕСТЬ – «в жаргонном слове – признание жестокости нормой жизни»; ОТМОРОЗОК – «существительное, забывшее о своем жаргонном прошлом и почти вошедшее в литературный язык»; ПАЦАНЫ. «Когда-то «пацан» считалось просторечным

словом <...> Но постепенно слово начало взрослеть. Прежде всего в криминальном жаргоне»; ПОНТ – «одно из ключевых слов русского жаргона»; СТЕБ – «это жаргонное слово вроде бы связано с шуткой и смехом, но звучит как-то невесело» [Новиков 2018: 15, 74, 184, 191-192, 258].

О.Г. Ревзина пишет о «стилистической ломке» языка, происходившей в последние десятилетия XX века. Рассматривая стилистическую шкалу русского языка, О.Г. Ревзина выделяет в ней стилистический смысл «деструктивность». Этот стилистический смысл сигнализирует о том, что языковая картина мира говорящего «деформирована в аспекте ценностных (этических и эстетических) категорий» [Ревзина 2020: 53]. Деформация «может носить характер прямого противопоставления общепринятым нормам речевого поведения. Неслучаен здесь и антиэстетизм, намеренный вызов чувству языка» [Там же]. Жаргонизмы как раз и являются носителями стилистического смысла «деструктивность» и наглядно представляют языковой вкус эпохи последних десятилетий XX века.

Обратившись теперь к «словам года», мы обнаруживаем, что в них фактически нет лексических жаргонизмов по происхождению, при этом «слова года» мы соотносим уже не с двадцатым, а с двадцать первым веком. «К началу XXI столетия можно говорить если не о заметной стабилизации стилистической системы русского языка, то во всяком случае об обретении ею равновесия: сейчас мы наблюдаем уже не столь бурные и вихреобразные языковые явления, какие происходили в 90-х гг. минувшего века», – пишет Г.Н. Складаревская [Складаревская 2005: 5]. Приток жаргонизмов в литературный язык сокращается, прежние жаргонизмы изменяют свою стилистическую квалификацию, приобретая статус разговорных, о чем свидетельствуют стилистические пометы

в словарях [Ревзина 2020]. Таково, например, модное слово *тусовка* – «невзрачное словцо незнатного, жаргонного происхождения» [Новиков 2019: 79]. Рассмотрев расширение значения слова *тусовка*, В.И. Новиков приходит к выводу: «Слово «тусовка» стало не только общепринятым, но и стилистически нейтральным» [Там же: 281].

Жаргонизмы наделены эмотивным значением. «Эмотивное значение представляет особый, оценочный, эмоционально-экспрессивный компонент лексической единицы, выражаемый обычно с помощью стилистически окрашенных слов» [Современный русский язык 1989: 177].

Жаргонизмы в качестве модных слов характеризуются демонстративностью, как это называет А.Б. Гофман, и эта демонстративность проистекает из их отчетливо выраженной стилистической окрашенности. В первые десятилетия XXI века жаргонизмы во многом утрачивают качество демонстративности, и в «словах года» мы видим иное ее проявление – в новообразованиях (потенциальных и окказиональных словах).

Обратимся теперь к заимствованной лексике – «внешним заимствованиям» в терминологии В.Г. Костомарова. Заимствования делятся на полностью освоенные, которые, таким образом, становятся полноценными словами русского языка, и остальные заимствования, которые относят к «иноязычной лексике, или иностранным словам» [ЛЭС 1990: 58]. Полностью освоенные заимствования имеют много градаций. Слово может приобрести устойчивое графическое воплощение (написано на кириллице, не заключается в кавычки, не имеет вариантов написания) и устойчивый фонетический облик, сформировать именную и глагольную парадигму и по этим признакам быть полностью

освоенным. Но при этом такое слово оказывается неполностью освоенным в синтаксическом отношении. Важным, но не стопроцентным показателем полного / неполного освоения заимствованного слова является способность образовывать производные (имена, глаголы, прилагательные, наречия).

Характеризуя русский литературный язык как «органический сплав церковнославянских и русских по своему происхождению элементов», Б.А. Успенский вместе с тем останавливается на заимствованиях из западноевропейских языков: «Заимствования, как и кальки, были средством приобщения к новым культурным ценностям [Успенский 94: 189]. Б.А. Успенский отмечает также, что «заимствованные элементы оказались связующим звеном между устной и письменной речью» [Там же]. Приток заимствований наблюдается на всех этапах функционирования литературного языка в XVIII–XXI вв.; при этом в разных пропорциях представлена либо борьба с заимствованиями, нарушающими чистоту русской литературной речи, либо, напротив, принятие заимствований, обогащающих язык. «Именно о процессе заимствования – если это только действительно акт усвоения и приспособление заимствованных слов, а не механическое перенесение в иную речевую стихию некой совокупности иностранных слов, – можно сказать, что это процесс преимущественно творческий, активный, предполагающий высокую степень самобытности усваиваемого языка, высокую ступень его развития» [Сорокин 65: 174]. Последние десятилетия XX века и первые десятилетия XXI века характеризуются толерантной языковой политикой, при которой заимствования активно проникают в письменную и разговорную речь. По присутствию заимствований в модных словах и «словах года» эти два периода не противопоставляются, а объединяются между собой. Обращаясь к концу 80-х –

началу 90-х годов, Л.П. Крысин пишет о том, что в этот период «возникли такие политические, экономические и культурные понятия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию нового и широкого употребления ранее существовавшей, но специфичной иноязычной лексики» [Крысин 1996: 143]. Л.П. Крысин называет те области, в которых заимствования максимально активны: политическая структура государства («парламент», «мэр», «префект» и под.), экономика («бартер», «брокер», «ваучер», «инвестор», «клиринг» и др.), спорт («бобслей», «виндсерфинг», «плей-офф», «овертайм» и др.), компьютер и компьютерная техника («дисплей», «интерфейс», «бит», «байт» и др.). В исследовании Л.П. Крысина называются причины заимствований, прослеживается процесс освоения иноязычной лексики (на примере таких слов, как «блейзер», «гамбургер», «дайджест», «хоспис», «эвтаназия» и др.) и особенности ее функционирования в современной русской речи. Важным представляется следующее замечание Л.П. Крысина: «Иноязычные слова, обозначающие коммуникативно важные понятия, попадают в зону социального внимания: в определенные периоды – обычно довольно короткие – их частотность в речи становится необычайно высока, они легко образуют производные, а главное – делаются объектом сознательного употребления и связанных с этим обыгрываний, каламбуров, структурных переделок и т. п.» [Там же: 154].

XXI век не внес принципиальных изменений в языковую политику в отношении заимствований: «Влияние лексики английского языка (главным образом, в его американском варианте) на русский язык наших дней является преобладающим в сравнении с влиянием других языков» [Там же: 153].

Большая часть заимствованных «слов года» не имеет в словарях стилистических помет. Приведем ту стилистическую маркировку, которая дается для отдельных слов в «Толковом словаре русского языка начала XXI века»: а) «пометы социальной и функциональной характеристики, указывающие на принадлежность слова к определенной социальной среде, социальной группе» [ТСРЯ 2007: 9]: пиар (публ.), коррупция (полит.), импичмент (полит.), автокефалия (религ.), гендер (спец.); б) «пометы, маркирующие лексику различных областей деятельности, знания, искусств и т. п.» [Там же: 10]: терроризм (крим.), офшор (экон.), токсичный (мед.), мундиаль (спорт.).

Данные приметы соответствуют задаче словаря описать «именно те лексические разряды и группы, которые наиболее активно функционируют и формируют языковое сознание современников» [Там же: 6]. Эти пометы хорошо согласуются с тематическими группами «слов года», выделяемых в русском и других языках. Если же для стилистической характеристики «внешних заимствований» использовать понятие стилистической шкалы, то большую часть заимствований следует соотнести со стилистическими смыслами «норма», «книжность», «книжность плюс специализация» [Ревзина 2020]. Такова стилистическая характеристика «внешних заимствований», содержащихся в словнике «слов года» на уровне языка. Каким же образом эти слова получают качество «демонстративности», то есть выразительности? Здесь возможны следующие случаи:

а) заимствованное слово называет новый объект, происходит «ассимиляция заимствуемого концепта, т. е. встраивание его в русскую языковую картину мира» [Шмелев 2012: 309]. Примером могут служить такие «слова года», как

биткоин, коллаيدر, блокчейн, селфи. О слове *селфи*, вошедшем и в словник «слов года», и в «Словарь модных слов», В.И. Новиков пишет: «Год рождения английского слова *selfie* – 2002. Оно еще совсем зеленое», и дальше предлагает толкование значения *селфи* – «автопортрет, сделанный с помощью фотокамеры» [Новиков 2019: 244]. Экспрессивность данных слов вызвано не означаемым, а означающим, за которым стоит признак «современность».

б) заимствованное слово изменяет свое значение по сравнению со словарным, что ведет к появлению эмоциональной окраски и оценочного компонента. Т.В. Шмелева посвятила специальную статью слову *кризис* – ключевому слову текущего момента и одновременно победителю конкурса «Слово года» в 2008 году [Шмелева 2009, ср. Ворошилова 2012]. Значение данного слова подвергается сужению в плане референта, поскольку речь идет не о *кризисе* как понятии, а о конкретном событии, эмоционально переживаемом членами языкового коллектива: «от него страдают, и у него есть жертвы» [Шмелева 2009: 66]. Экспрессия и оценка со стороны социума также определяется означаемым, а именно его денотативным (референциальным) компонентом.

в) в лексическом значении «внешнего заимствования» содержится компонент, коннотирующий общепринятую этическую оценку. В качестве примера можно указать слово *коррупция*: «нем. *Korruption*, фр. *corruption* < лат. *corruptio* соvrащение, подкуп; упадок. Подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей. Коррупционер – тот, кто подвержен коррупции. [ТСИС 2006: 401]. «Подкуп» и «продажность» оцениваются однозначно как негативные явления. Такой же компонент находится в иноязычных словах: *абьюз* – «насилие над близким человеком (обычно

психологическое, но и также физическое, сексуальное, экономическое)», *харрасмент* – «сексуальное домогательство». С этической оценкой здесь соединяется эмоциональное переживание, вызванное конкретными проявлениями *коррупции, абьюза и харрасмента*.

Таким образом, стилистическая характеристика «внешних заимствований» как единиц языка и как «слов года» не полностью совпадают между собой. Высокая частотность «слов года» в СМИ переводит их в дискурсе в разряд общеупотребительных (или, во всяком случае, расширяет сферу их употребления). Приведем еще один пример – «слово года» *волатильность*. В.И. Новиков поместил в «Словарь модных слов» прилагательное *волатильный* со следующим комментарием: «...будем надеяться, что модный термин не выйдет за пределы профессиональной сферы и не вползет в нашу тихую бытовую жизнь» [Новиков 2019: 42]. И тем не менее слово *волатильность*, относящееся к экономической (финансовой) сфере деятельности, стало доступным в период кризиса 2008 года отнюдь не только специалистам. «Интернет-общение привело к нейтрализации самой глубокой оппозиции типов речи – устной и письменной», – пишет Н.Б. Мечковская [Мечковская 2009: 441, см. также Ревзина 2020: 236-241]. Стилистические «сдвиги», присущие «словам года», коррелируют, таким образом, с общим направлением в динамике стилистической системы русского языка.

2.1.2. Стационарные – потенциальные / окказиональные слова

В «Словаре модных слов» В.И. Новикова представлены три новообразования: *париться, сфоткать* и *эсэмэска* (1.5%). Среди «слов года» 50 новообразований – потенциальных и окказиональных слов.

«Потенциальные слова – это обычно не фиксируемые словарями дериваты – неологизмы типа *самозакрепощение, возражатель, проинтегрировать*, создаваемые в случае необходимости в спонтанной речи по образцам высокопродуктивных словообразовательных типов» [Современный русский язык 2009: 357]. Окказионализмы – «нарушители законов (правил) общезыкового словообразования» [Земская 2005: 180]. Е.А. Земская пишет о том, что «потенциальные и окказиональные слова могут сближаться (крайности сходятся)» [Там же: 189]. Одни и те же производные (например, существительные на -изм типа *рейганизм, тэтчеризм, хулиганизм, нахализм* и под.) могут трактоваться и как потенциальные, и как окказиональные [Там же: 187]. Неузуальное словообразование широко распространено в разговорной речи [Земская 1981: 73].

Между новообразованиями в разговорной речи и новообразованными «словами года» имеются общие черты: и в том, и в другом случае речь идет о спонтанно возникающих номинациях, и неслучайно Е.А. Земская называет неузуальные слова «конситуативными» [Земская 1981: 71]. Общим является и то, что большая часть неузуальных слов относится к экспрессивному словообразованию. Неузуальное словообразование входит в число приемов языковой игры, когда «говорящий большое внимание обращает на форму речи <...> сознательно реализует установку на комический эффект» [Земская 1983: 72]. В дискурсе с использованием неузуальных «слов года» присутствует ирония, о чем писала О.С. Иссерс в статье «От серьезного до смешного: игровой потенциал русского слова года» [Иссерс 2015]. В статье К.М. Шилихиной «Дискурсивные маркеры как «интерьер» высказывания» проводится разделение информационного и метакоммуникативного компонентов высказывания:

«...параллельно с сообщением информации говорящий может выражать свое отношение к этой информации, сообщать, каким образом адресату следует интерпретировать сказанное, оценивать собственный лексический выбор и т. д. [Шилихина 2017: 43]. К.М. Шилихина называет метакоммуникацию метафорически: «интерьер высказывания». Можно сказать, что языковая игра с неузуальными «словами года» относится к «интерьеру», то есть к метакоммуникации, проникнутой иронией.

Новообразования «слов года» мы относим к окказиональным словам, учитывая при этом наличие «полюса окказиональности», по выражению Е.А. Земской, когда окказиональные слова оказываются максимально близки потенциальным словам. Е.А. Земская выделяет два способа построения окказионализмов: «1) с помощью обычных словообразовательных средств и способов при нарушении законов их действия, поэтому об их обычности можно говорить лишь условно; 2) специфическими способами» [Земская 2005: 186]. К «обычным» словообразовательным средствам относятся:

1) суффиксация: *планшетник, дальнобойщик, брежневизация, цифровизация, волатильность, великодержавность, обнуление, божествование;*

2) префиксация: *антикризисный, антисанкции;*

3) компрессивное словообразование: «Компрессивное словообразование состоит в построении слов, которые представляют собой разного рода сокращения имеющих в языке номинативных единиц» [Земская 1981: 87]. Компрессия осуществляется различными способами словообразования:

За. Суффиксация: *санкционка, запрещенка, удаленка*. Е.А. Земская называет универбаты на к-а «наиболее активным средством компрессии» в словообразовании и отмечает, что, будучи разговорными, «они широко употребительны и в языке периодики, и в устной публичной речи» [Земская 1996: 118].

Зб. Усечение: *предпенсионер* («лицо предпенсионного возраста»), *безвиз* («безвизовой режим»), *автозак* («автомобиль для заключенных» – усечение – аббревиация).

Зв. Субстантивация: *прикремленные* («прикремленные люди»).

Зг. Сложение разных видов: *кривосудие, ленинопад, скульптуробесие, хамодержавие, святобесие, панк-молебен, страна-изгой*.

Зд. Обратное словообразование: *сосуля*.

К приемам, специфическим для порождения окказионализмов Е.А. Земская относит:

а. междусловное наложение: *переседент*;

б. контаминация: *ковидиот, религархия*;

в. слияние: *ихтамнет, Крымнаш*;

г. образования по конкретному образцу: *кадыринг*. Окказионализмы, образованные сложением, также могут отсылать к конкретному образцу: *ленинопад* (ср. *листопад*), *кривосудие* (ср. *правосудие*), *скульптуробесие* (ср. *мракобесие*).

Как уже было сказано, окказиональные слова экспрессивны и оценочны, при этом оценка не только передает отношение к лицу или событию, но и содержит

косвенную информацию о субъекте оценки. Окказиональное слово *хамодержавие* указывает на то, что в лексиконе коллективного субъекта оценки имеется слово «хам», относящееся к бранной лексике. Слово *заиквар* образовано от глагола *заиквариться* (*замараться*), переносное значение которого – «позорный, табуированный поступок». В этом значении слово относится к тюремному жаргону. Слово *стабилизец* образовано по конкретному образцу – обценному слову. Таким образом, субъект оценки демонстрирует знание и слов тюремных, жаргонных, и обценной лексики. Подобные окказиональные слова имеют стилистический смысл «деструктивность».

Сказанное определяет двойственное отношение к «словам года» – окказионализмам. Е.А. Земская пишет о том, что «окказионализмы характеризуют совершенно особый аспект изучения языка – творческий, индивидуальный, эстетический: они реализуют индивидуальную творческую компетенцию говорящего, будь то поэт, ребенок или обычный человек. Они ориентированы не на правила, общие для всех носителей языка, но на способности индивидуума использовать возможности, заложенные в языке. Окказионализмы показывают, на что способен человек при порождении новых слов, каковы его творческие потенции, глубинные силы» [Там же: 180] Исследователи «слов года» отмечают, что в «словах года» находит выражение креативная языковая способность говорящих.

Однако у новообразований есть и другая сторона. Е.А. Земская обращает внимание на то, что окказионализмы – прежде всего прерогатива поэтического языка: здесь они имеют художественную нагрузку, хотя «словообразовательные

изыскания, изыски и излишества далеко не всегда повышают эстетическую ценность произведения» [Земская 2005: 184].

Среди окказиональных «слов года» немалое число страдает «дурновкусием». Вызов языковому вкусу присутствует в тех модификациях, которые претерпевали ключевые слова текущего момента в последние десятилетия XX века. Е.В. Какорина рассматривает такие модификации на материале коммунистической прессы: «*прихватизация, чубаучер, дерьмократы, алкоголиссимус*» [Какорина 1996: 422-423]. Подобные переименования ключевых слов содержат, по мнению Е.В. Какориной, «интенцию сарказма» [Там же: 411]. Антиэстетизм присущ и модным словам того же времени, что на многих и многих примерах показал В.Г. Костомаров. Таким образом, «языковой вкус» эпохи конца XX века оказался частично перенесенным в век двадцать первый.

2.1.3. Характеристика «слов года» по принадлежности к части речи

«Слова года» – это, прежде всего, имена существительные (135 слова – 88,2% от общего объема словника). Далее следуют глаголы (9 слов – около 5,9% словника) и имена прилагательные (7 слов – около 4,6% словника). Отдельно выделяются слова года *имхо* (вводное слово) и *нано-* (составная часть сложного термина). Абсолютное преобладание существительных среди «слов года» кажется вполне объяснимым: «слова года» называют артефакты, действия, процессы, качества, представляя их как предметы, и именно существительные наделены общим значением предметности. Мы разделяем существительные на группы исходя из тех признаков, которые являются значимыми для

формирования значений «слов года» и их функционирования в языке. Такими различительными признаками являются:

1. Собственные имена – нарицательные имена. Среди «слов года» имеются собственные имена – топонимы, антропонимы и некоторые другие. Большая их часть связана с конкретным событием, метонимическим обозначением которого они и становятся. Такие номинации ситуативны и кратковременны, они используются в узусе ровно столько, сколько сохраняет значимость само событие и языковая память носителей языка.

2. Исконные – заимствованные слова. Выше уже было сказано о градациях среди внешних заимствований. Полностью ассимилированные, давно заимствованные слова должны быть приравнены к исконной лексике. По отношению к «словам года» мы вводим различие жизненного и временного цикла. Понятие жизненного цикла слова получило признание в лингвистике [Поликарпов 1994, Кукушкина, Поликарпов, Токтонов 2018, Ревзина 2022]. Временной цикл относится к пребыванию слова в статусе «слова года». У исконных слов и полностью ассимилированных заимствований временной цикл составляет часть их жизненного цикла. Иначе обстоит дело с иноязычными словами.

3. Однозначные – многозначные слова. Этот признак равно важен и для исконной лексики, и для давно освоенных заимствований. У многозначных слов субъективное восприятие и резкое возрастание частотности относится к одному из лексико-семантических вариантов. При этом происходит изменение значения (сужение / расширение, метафорическое употребление).

4. Стационарные слова – новообразования. Стационарные слова формируют лексический фонд русского языка. У стационарных слов временной

цикл включается в жизненный цикл. У потенциальных и окказиональных слов жизненный цикл совпадает с временным.

В таблице 1 представлено распределение по частям речи стационарных слов, в таблице 2 – распределение по частям речи «слов года» – новообразований.

Таблица 1.

Общее число стационарных «слов года»: 107		
Сущ. (97)	Соб. (17)	Антропонимы: Шевчук (2010), Карл (2015), Димон (2017), Топонимы: Распадская (2010), Речник (2010), Болотная (2012), Бирюлево (2013), Новороссия (2014), Украина (2014), Крым (2014), Другие: ЕГЭ (2009), Евромайдан (2013), Левиафан (2015), Трампутин (2017), Новичок (2018), ЧВК Вагнер (2018), Медвепутия (2009)
	Нариц. исконные (27)	Беженцы (2015), моча (2016), домогательство (2017), выборы (2007, 2016), раскрутка (2007), карусель (2012), великодержавность (2008), война (2008, 2014, 2015, 2016), перезагрузка (2009), жара (2010), пенсия (2018), ополчение (2014), дно (2016), цифра (2017), пытки (2019), прогулка (2019), автокефалия (2018), обнуление (2020), самосожжение (2020), нелюбовь (2017), дальнобойщики (2015, 2016), божествование (2016), дальнобой (2016), рокировка (2011), геополитика (2014), нефть (2008), страна-изгой (2014)
	Нариц. заимст. (25)	Гламур (2007), пиар (2007), кризис (2008), коррупция (2008, 2011), полиция (2011), планшетник (2011), митинг (2012), изоляция (2014), санкции (2014, 2018), терроризм (2015), допинг (2016, 2017),

		офшоры (2016), автокефалия (????), блокировка (2018), импичмент (2019), смог (2010), инновация (2011), троллинг (2013), милитаризм (2015), покемоны (2016), блог (2007), гендер (2007), мундиаль (2018), транзит (2019), вакцина(2020)
	Нариц. иноязычные (28)	Коллайдер (2008), волатильность (2008), дуумвират (2009), тандем (2009), аватар (2010), сити-менеджер (2010), стартап (2015, 2017), креакл (2013), карантин (2020), селфи (2014, 2015), брекзит (2016), реновация (2017), биткоин (2017), блокчейн (2017), хайп (2017), баттл (2017), фейк (2017), харассмент (2017, 2018), репосты (2018), абьюз (2019), монстрация (2019), протест (2019), пандемия (2020), коронавирус (2020), ковид (2020), криптовалюта (2017), локдаун (2020), зум (2020)
Гл. и гл. словоформы (6)	Оккупай (2012), Допускай! (2019), Отпускай! (2019), зайдет (2019), прокачать (2019), топить за (2019)	
Прил. (4)	Гибридный (2015), токсичный (2017, 2018), вирусный (2017, 2018), клоачный (2019)	

Таблица 2.

Общее число окказиональных «слов года»: 46	
Сущ. (38)	Автозак (2019), альфа-самец (2011), безвиз (2017), брежневизация (2011), госдура (2013), диссергейт (2013, 2014), запрещенка (2015), зашквар (2018), зомбоящик (2009), ихтамнеты (2018), кадыринг (2016), кибервойна (2016), кривосудие (2012), крымнаш (2014), ковидиот (2020), коронакризис (2020), кощунницы (2012), лабутены (2016), ленинопад (2016), санкционка (2017), наружа (2020), нооскоп (2016), огнеборцы (2010), околкремля (2010), панк-молебн (2012), пересидент (2016), предпенсионеры (2019), религархия (2012, 2013), самоизоляция (2020), святобесие (2013), скульптуробесие (2016), стабилизец (2018), телененавидение

	(2018), трампизм (2016), удаленка (2020), хамодержавие (2019), царебожники (2017), цифровизация (2018)
Гл. (3)	Депардировать (2013), свиолончелить (2016), обсирились (2016)
Прил. (3)	Антикризисный (2009), прикремленные (2013), самозанятые (2019)
Вводное слово	Имхо (2007)
Часть термина	нано- (2007)

2.2. ЗНАЧЕНИЕ «СЛОВ ГОДА»

К видам лексического значения относят сигнификативное и денотативное значения. «Сигнификативное значение лексической единицы представляет специфически языковое отражение действительности» [СРЯ 1989: 175]. Денотативное значение – «предметное значение, характеризующее связь лексической единицы с обозначаемым объектом» [Там же: 178]. Становясь «словами года», стационарные слова изменяют значение, новообразования формируют свое значение. Ниже рассматривается значение «слов года» по следующим рубрикам: а) собственные имена, б) нарицательные имена (исконные и заимствованные), в) иноязычные слова, г) новообразования, д) прилагательные и глаголы.

2.2.1. «Слова года» – собственные имена

Отличительной чертой собственных имен является то, что «они только называют объект, но не выражают никакого понятия» [Современный русский язык 2009: 194]. Значение собственного имени «заключено в его связи с денотатом» [ЛЭС 1990: 473].

Собственные имена составляют около 32,5% состава «слов года». «Слова года»-собственные имена мы разделили на три группы:

- 1) антропонимы: Шевчук (2010), Карл (2015), Димон (2017);
- 2) топонимы: Распадская (2010), Речник (2010), Болотная (2012), Бирюлево (2013), Новороссия (2014), Украина (2014), Крым (2014);
- 3) другие: ЕГЭ (2009), Евромайдан (2013), Левиафан (2015), «Новичок» (2018), ЧВК Вагнер (2018).

В примерах из НКРЯ представлены два типа употреблений собственных имен, ставших «словами года». Первый тип употреблений связан с основной функцией собственного имени – служить «для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [ЛЭС 1990: 473], ср.:

1. Юрий **Шевчук** раз пошел бить физиономию Филиппу Киркорову, и потом много лет неинтересно об этом рассказывал [А. Ю. Колобродов. Игорь Тальков, «Ласковый май» и другие исторические события // «Волга», 2011].

2. Я совершенно убежден, что настоящий рок — это там, где Гребенщиков, Бутусов, **Шевчук**, Макаревич [протоиерей Дмитрий Климов, М. В. Строганова. Цой не дает нам дремать (2015)].

3. Жили они все вместе, сначала в **Бирюлеве**, на окраине Москвы, а потом переехали на улицу Надежды Константиновны Крупской, поближе к центру и университету, так как мама Вити в нем преподавала. [Борис Буянов. Про Аглаю Гусякову // «Волга», 2013]

4. Кстати, Виктор Котелевский, генеральный директор ЧОП «Конкорд», охранявшего Покровскую овощебазу, 30 лет отслужил в МВД и пришел на базу

сразу после увольнения из ОВД района Западное **Бирюлево**. [коллективный. Передел именем Бирюлево // «Русский репортер», 2013]

5. Пять лет назад, в ночь с 8 на 9 мая 2010 года, на кузбасской шахте «**Распадская**» прогремели два взрыва. [Сергей Кудияров. Возвращение в кризис // «Эксперт», 2015. НКРЯ]

6. Снос домов в московском поселке «**Речник**» начался в январе 2010 года. [обобщенный. Прошло пять лет... // «Русский репортер», № 3 (181), 27 января 2011]

Появившаяся в нулевые годы буквенная аббревиатура *ЕГЭ* (единый государственный экзамен) вызвала трудности в идентификации обозначаемого объекта:

7. Но для начала: что такое **ЕГЭ**? Несмотря на то, что почти все граждане знают, как это расшифровать, мало кто представляет его суть. [Александр Адамский. Результаты неубедительны // «Время МН», 2003].

ЕГЭ демонстрирует вариативность грамматического рода. Будучи несклоняемым, *ЕГЭ* должно принимать грамматический род опорного слова *экзамен*, то есть принадлежность мужскому роду, однако в примерах встречаем «проклятое» *ЕГЭ*:

8. Только кому пишет, если он так за это проклятое **ЕГЭ** держится? [Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина (2008)].

В НКРЯ обнаружено 310 примеров с данным «словом года». В них представлена преимущественно негативная оценка *ЕГЭ* как особой процедуры и определяются возможности метафорического употребления аббревиатуры *ЕГЭ*:

9. Это был бы такой культурный ЕГЭ: мы узнали бы реальное положение дел с кругозором школьников. [Андрей Архангельский. Броненосец Матроскин // «Огонек», 2013].

Слово *ЕГЭ* было очень быстро усвоено носителями языка, так что от *ЕГЭ* образовалось производное имя лица с интерфиксом «-ш-» и суффиксом «-ник» – *егэшник*:

10. В этом году разразился скандал: удачливых «егэшников» из провинции оказалось так много, что это вызвало крайне негативную реакцию у москвичей... [Андрей Колесников. Общество равных возможностей // «Известия», 2003.07.24].

Второй тип употреблений «слов года» – собственных имен демонстрирует формирование у них нового значения. С этим значением данные имена становятся победителями или номинантами конкурса «Слово года». Новое значение возникает в результате метонимического переноса.

Н.Д. Арутюнова дает следующее определение метонимии: «Троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [ЛЭС 90: 300]. В когнитивной лингвистике метонимия понимается как «когнитивный процесс, при котором одна концептуальная сущность (средство), обеспечивает доступ к другой концептуальной сущности (мишень) в пределах одной и той же когнитивной модели» [Ревзина 1969]. «Метонимическое отображение происходит внутри единой концептуальной области, структурированной им (идеализированная

когнитивная модель – ИКМ)» [Лакофф 2004: 375]. Два основных типа метонимических переносов – «часть/целое» и «часть/часть», когда элемент ситуации выступает как заместительный знак целой ситуации и отсылает к ней. Е.В. Падучева использует понятие концептуальной структуры и подчеркивает, что «эта структура соотносится с фрагментом реальности» [Падучева 2004: 190]. Метонимия определяется «как сдвиг фокуса внимания при концептуализации реальной ситуации, иначе говоря, как изменение соотношения между фигурой и фоном» [Там же]. Иначе говоря, внутри одной ситуации название одного из ее компонентов может становиться обозначением целой ситуации. Именно это происходит с «словами года» – собственными именами. Подобные «ситуационные значения» собственных имен характерны для разговорной речи [РРР 1973: 427-431]. Сходство «слов года» с ситуативно обусловленными номинациями в разговорной речи состоит в том, что и там и здесь метонимические номинации возникают спонтанно и понимаются только в соотношении с конкретной ситуацией. Далее возможно расширение значения:

11. Итак, связка этнического криминала и силовиков наиболее опасна, и именно она и есть то явление, которое лежит в основе **Бирюлева** как термина для обозначения некоей многоплановой проблемы. [Голая эффективность теневой экономики // «Русский репортер», 2013].

Однако во всех случаях подобные номинации сохраняются в языковой памяти социального коллектива ровно столько, сколько сохраняется память о вызвавшем их событии.

Метонимический перенос может включать в себя интертекстуальную отсылку. Примером является «слово года» *Левиафан*. Таково название фильма

А. П. Звягинцева (2014), в свою очередь отсылающего и к библейскому чудовищу, и к произведению знаменитого английского философа Томаса Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». *Левиафан* как метафорическое обозначение государства, становясь «словом года», обретает конкретного референта:

12. Столкновение с властью, коррупция, беспредел — все это узнаваемо, эка невидаль, об этом много писали и снимали, — но не это, вероятно, так задело и продолжает задевать всех. Не случайно слово «**Левиафан**» стало одним из главных слов нашего политического словаря» [Ярошенко 2016:332].

13. Самоуправляющиеся предприятия не успели толком организовать, а их уже поглотил бюрократический **Левиафан**. [Илья Смирнов. Старческий маразм левизны // «Октябрь», 2013].

Иную интертекстуальную отсылку содержит «слово года» *Карл*. В словаре «Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2015» находим следующее толкование: «КАРЛ*, межд. разг. Эмоциональное подчеркивание какого-л. явления, выражение удивления, возмущения, огорчения, обиды и т. п.» [НВРЛ 2020: 52]. Слово связано с распространением интернет-мема, появившегося после выхода сериала «Ходячие мертвецы» Ф. Дарабонта (2010–2021 гг.). «Отец по молчанию сына понимает, что его мать умерла, и эмоционально называет его имя (Карл – Л.И). В мемах с диалогом отца и сына на фоне кадров из сериала отец восклицает: «Карл!», огорчаясь из-за других событий. Первый российский мем появился в 2015 г., после того как в интернете распространились фотографии с празднования Масленицы в Ставрополе, где людей кормили блинами с железных лопат:

14. — Пап, давай роллы закажем? — Карл, когда я был в твоём возрасте, мы стояли за забором и жрали блины с лопат. С лопат, **Карл!**» [Там же].

В НКРЯ имеется единственный контекст с данным мемом:

15. Брелоки и скейты (скейт только что дрогнули Hermes. Hermes, **Карл!**) — это пока, пара-тройка лет — и новое поколение сможет себе позволить основную коллекцию» [Ксения Гощицкая. Знакомьтесь, Лена Шейдлина — художник из Петербурга с аудиторией больше, чем у Первого канала (2017.09.04)].

Говорящий выражает удивление и, вероятно, некоторую степень возмущения относительно того, что французский дом высокой моды «Hermes» выпустил («дропнул» — от англ. «drop») коллекцию скейтбордов. Отсылка к интернет-мему, с одной стороны, подчеркивает ироничность высказывания, с другой — делает акцент на эмоциональном отношении говорящего. Фактически *Карл* выступает как междометие.

2.2.2. «Слова года» – нарицательные имена

Выделяются следующие типы значений «слов года»:

I. Становясь «словом года», слово сохраняет свое стационарное значение. Если слово многозначное, сохраняется значение соответствующего лексико-семантического варианта. Подобное слово является нейтральным или книжным, с такими словами не связана «экспрессия формы». Статус «слова года» им обеспечивает актуальность семантики. Достаточно вспомнить о таких «словах года» последних лет, как «пандемия», «коронавирус», «вакцина».

II. «Слово года» сохраняет стационарное значение, но при этом конкретизирует его. «Значение слова – отражение в слове того или иного явления

действительности <...> В основе значения знаменательного слова лежит именно **понятие**, содержащее общие существенные признаки какого-то отрезка действительности, т. е. такие признаки, которые дают возможность объединить единичные предметы и явления в определенные классы» [Шмелев 1977: 58]. С этим определением вполне согласуется значение тех слов, исконных и заимствованных, которые в статусе «слова года» соотносятся с конкретным референтом. Таким образом, значение «слова года» формируется в результате конкретизации его денотативного компонента. Приведем в качестве примера «слова года» *выборы* (2007, 2016).

Существительное «выбор» является многозначным, при этом форма множественного числа лексикализована и имеет значение «избрание путем голосования (депутатов, главы государства, должностных лиц, членов общественных организаций)» [БТС 2000: 86]. Примеры, представленные в НКРЯ, наглядно показывают «конкретизацию» выборов за счет указания места, времени, выбираемого должностного лица:

1. Также в обращении Борис Ельцин отметил: «Посмотрев, с какой надеждой и верой люди проголосовали на **выборах** в Думу за новое поколение политиков, я понял: главное дело своей жизни я сделал [31 декабря // РИА Новости, 2006.12].

2. Переворот в Таиланде произошел после многочисленных выступлений против Чинавата, перед этим прошедшие в стране **выборы** были признаны нелегитимными, а их результаты — аннулированы [Семь терактов в столице Таиланда - есть жертвы // NEWSru.com, 2006.12].

3. США по-прежнему обвиняет россиян в атаках на серверы и вмешательстве в президентские **выборы** [WP: «российские хакеры» атаковали американские электросети // Коммерсант, 2016.12].

Понятно, что для российских избирателей наиболее значимыми являются выборы в их собственной стране, и эта конкретная соотнесенность определяет помещение слова «выборы» в список номинантов 2007 года.

Другим примером может служить слово *коррупция*. Его словарное значение – «[от лат. *corruptus* – грабеж, разорение] Подкупность, продажность государственных чиновников, общественных деятелей, политиков» [БТС 2000: 721]. Коррупция имеет многие и разные проявления и всегда вызывает негативную эмоциональную реакцию. Оно стало «словом года» в связи с конкретным событием – принятием пакета законов о противодействии коррупции в 2008 году, ср. примеры из НКРЯ:

4. По мнению первого замглавы МВД России Александра Чекалина, подобные меры снизят уровень **коррупции** на российских дорогах [Мария Чебатко. За гаишниками будут следить // <http://www.rbcdaily.ru/2008/02/04/focus/318603.shtml>, 2008].

5. Этот законопроект был подготовлен в соответствии с Национальным планом противодействия **коррупции** и направлен на повышение прозрачности заключения договоров [Дума планирует принять закон о правах на землю при стройке в Сочи // РИА Новости, 2008.12].

III. Слово в статусе «слово года» не изменяет своего значения, но приобретает нового референта. Таким образом, здесь можно говорить о «расширении» значения за счет экстенционала лексической единицы. Слово *полиция* вошло в состав «налоговой полиции» (в России с 1995 года). Слово

становится «словом года» как новая номинация российской милиции (2001 г.). Контексты употребления показывают постепенное усвоение носителями русского языка нового наименования, ср.:

6. И чем финансировать ту же милицию (поправь меня, если я все проспал и ее уже в **полицию** переименовали), лучше создать особое военизированное формирование для обороны трубы [Герман Садулаев. Таблетка (2008)].

7. — **Полиция**, милиция — какая разница? Полиция — даже красивее. «Как в американских фильмах», —говорил Муса [Герман Садулаев. Шалинский рейд (2009) // «Знамя», 2010].

8. А зачем милицию в **полицию** хотят переименовать? [коллективный. Форум: История — это то, что с нами будет (2010)].

9. Но, приехала милиция, ой, **полиция**))) Выбила пару дверей и окон — и дело пошло значительно веселей [коллективный. Форум: А есть ли позитив в готике? (2011)].

10. — И еще я слышал, что многие, кто в милиции-**полиции** работал, начинают книги писать, — подхватил обрадованный Дзюба, — строят сюжеты на своих делах, которыми занимались [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)].

Отчасти тот же тип представлен в «слове года» *прогулка*. Основное значение слова *прогулка* — «хождение на открытом воздухе или поездка на недалекое расстояние для отдыха, развлечения» [БТС 2000: 2011]. В том случае если цель прогулки изменяется, она может стать вынужденной (второе значение слова «прогулка» — «шутл. Вынужденное хождение куда-л. Каждодневные прогулки на почту. Надоели эти прогулки по магазинам!» [Там же]. «Слово года»

прогулка (номинант конкурса 2019 г.) становится обозначением «хождения на открытом воздухе» как способ выражения несогласия части социума. Таким образом, *прогулка* обретает новый референт, при этом значение слова модифицируется, слово нередко помещается в кавычки, ср.:

11. 8 ноября перед началом слушаний в Кисловодске ингушский активист Магомед Хазбиев попытался собрать граждан на «**прогулку**» в знак протеста против уголовного преследования семи активистов [Муса Мурадов. Ингушские богословы попросили за активистов // Коммерсант, 2020.11].

12. В Госдуме предложили приравнять пикетные очереди и массовые **прогулки** к митингам и отменять акции из-за «угрозы теракта» [В Госдуме предложили приравнять пикетные очереди и массовые прогулки к митингам и отменять акции из-за «угрозы теракта» // NEWSru.com, 2020.11].

IV. Значение «слова года» опирается на переносное (метафорическое) значение слова. В словарном описании многозначного слова *дно* присутствуют примеры употребления слова в переносном значении («Дно общества. Опуститься на дно. Идти ко дну (нравственно опускаться)»). [БТС 2000: 86]. «Слово года» *дно* (2016) строится на этой метафоре и расширяет сферу ее применения («дно экономики»), «дно кризиса»). Используются устойчивые глагольные сочетания «тянуть ко дну», «достичь дна», «оттолкнуться от дна» и др., ср.:

13. Победители получают чугунные гири с намеком на то, что подобные предприниматели тянут ко **дну** экономику Свердловской области [Итоговый выпуск (вечерний) – 15.10.04 18:45 – Екатеринбург // Новый регион 2, 2004.10].

14. И хотя пока кризис даже не достиг **дна**, экономика так или иначе развивается, что является шансом для бизнесменов пересмотреть старые модели ведения бизнеса» [Артем Опарин. Подрасти на кризисе // РБК Daily, 2009.02].

15. Свежие новости с экономического фронта не оставляют поводов для оптимизма: по данным Минэкономразвития, нашу страну ждет рецессия уже в I квартале следующего года, **«дна»** экономика может достичь в середине 2015-го [Кирилл Журенков. Покупай или проиграешь // «Огонек», 2014].

16. В отличие от своего предшественника, Орешкин предпочитает искать не **дно** экономики, а педаль газа для нее [Подготовил Марат Селезнев. Вечно молодой // lenta.ru, 2016.11].

17. Представители турбизнеса уже заговорили о том, что **дно** кризиса в отрасли пройдено [Инга Токманцева. Выезд с ограничениями // «Однако», 2009].

18. Можно долго рассуждать о **дне** кризиса: нащупали мы его или нет, оттолкнулись от **дна** или не оттолкнулись [Елена Пылаева. Статистические данные: российская экономика скорее падает, нежели всплывает // Московский комсомолец, 2016.10].

19. Действительно, если присмотреться к статистическим показателям, то можно найти подтверждение того, что **«дно»** кризиса пройдено и не за горами экономический рост [Ирина Бадмаева. Как банки обеспечивают рост российской экономики // Московский комсомолец, 2016.11].

20. Безусловно, у главы правительства есть на это основания: **дно** кризиса позади [Григорий Коган. Ростом не вышли // lenta.ru, 2017.03].

Многие контексты «слов года» содержат оценку событий и явлений, номинациями которых эти слова становятся. Оценка может быть позитивной и

негативной. Тем самым «слова года» становятся своего рода зеркалом, в котором отражаются воззрения социального коллектива.

2.2.3. «Слова года» – иноязычные слова

Особого рассмотрения требует вопрос о значении «слов года», которые мы отнесли к иноязычной лексике. В статье «Русский взгляд на «западные концепты»: языковые данные» А.Д. Шмелев выделяет два типа адаптации концептов. Первый тип – «ассимиляция заимствуемого концепта, т. е. встраивание его в русскую языковую картину мира», второй тип – «усвоение» заимствуемого концепта <...> В целом можно сказать, что ассимиляция заимствуемого концепта имеет место при заимствовании, тогда как «усвоение» происходит в тех случаях, когда используется русский аналог иноязычного выражения (возможно, ранее заимствованный; однако прямой зависимости здесь нет» [Шмелев 2012: 309]. В качестве примера «ассимиляции» А.Д. Шмелев приводит заимствованное французское прилагательное *délicat* – «деликатный», заимствованное в XVIII веке; примером «усвоения» может служить слово «проблема», заимствованное в XVIII веке, в результате семантического калькирования получившее во второй половине XX века значение «обстоятельство, мешающее гладкому, нормальному беззаботному ходу вещей» [Шмелев 2012: 321]. Оба процесса – адаптации и ассимиляции – представлены в «словах года», но говорить о «встраивании» передаваемых концептов, передаваемых «словами года», в русскую языковую картину мира, на наш взгляд, преждевременно – для подобных заключений требуется более продолжительный временной интервал.

Показательным является исследование Е.В. Какориной «Иноязычное слово в речевом узусе разных социальных групп (по данным социолингвистического опроса)». Задача исследования состояла в «выявлении культурного компонента языковой личности: совокупности знаний и представлений о культурных феноменах, таких, как актуальные общественные события, действия политиков и т. п.» [Какорина 2003: 457]. Материалом послужили иноязычные слова разной степени освоенности (имидж, менеджер, импичмент, электорат и др.), которые частью входят в ключевые слова текущего момента и в модные слова. Информанты были разделены на группы: школьники 9 – 10 классов, информанты с высшим филологическим образованием в возрасте 30 – 40 л., информанты старше 60 лет с высшим или среднетехническим образованием. Все информанты – из Москвы и из города Королева. Достаточно предсказуемы выводы о консервативности информантов старше 60 лет. Но и школьники, и молодые люди 30 – 40 лет, то есть самая открытая новому часть населения, испытали серьезные трудности в определении значений иноязычных слов. Е.В. Какорина делает следующий вывод: «Включенность носителей языка в массовую коммуникацию и их принадлежность к массовой культуре приводит к неспособности полноценно использовать словарный запас языка» [там же: 461].

Контексты употребления иноязычных «слов года» представлены в НКРЯ в разном объеме (например, для слова «абьюз» найдено всего 6 контекстов, в то время как для «блокчейн» – 39), так что не все типы употребления могли быть учтены.

Неполная освоенность иноязычных «слов года» проявляется в их написании: одно и то же слово может писаться с прописной и строчной буквы, с кавычками и без кавычек, с дефисом и без него, ср.:

1. [Светлана, nick] Из прочитанных советов сделала вывод: чтобы долго не разбираться, что это — жуки, **покемоны** или одна из разновидностей протоплазмы... [коллективный. Форум: Реставрация книг. Переплетное дело (2010)].

2. Наручные часы всех эпох, вплоть до детских часов с **Покемоном** [Ирина Глущенко. Старые вещи // «Знание - сила», 2010].

3. Если референдум приведет к «**брекзиту**», то начнется масштабный отток капитала», — сказал «Эксперту» Ян Герхард, аналитик компании IHS Global Insight [Н. Федотовский. «Брекзит»: по тормозам // «Эксперт», 2016].

4. Мы вспомнили только что про «**Брекзит**» или арабскую весну, отчего бы не вспомнить про недавние события в Армении, когда в Москве было много опасений по поводу «майданного» сценария смены власти в республике, что для России всегда было болезненным и опасным вариантом? [Евгений Примаков: о гуманитарной политике и немного о внешней в целом // Vesti.ru, 2020.01].

5. В этой номинации сначала лидировали «хайп» и «**биткоин**» — слова, актуальные не только для России [Ксения Туркова. В объятиях «домоганта». Какие слова стали главными в 2017 году // «Сноб», 2017].

Ассимиляция иноязычных слов происходит на грамматическом и синтаксическом уровнях, на уровне сочетаемости. Иноязычные слова встраиваются в русский синтаксис, занимая разные позиции в предложении:

а) Иноязычное слово занимает позицию подлежащего и распространяется атрибутивным определением:

6. В апреле 2006 года в ЦЕРНе, знаменитом швейцарском Центре исследования элементарных частиц, вступит в строй новый **коллайдер**. [Александр Грудинкин. В начале была струна? // «Знание — сила», 2003];

7. Самый передовой современный **коллайдер** – Большой адронный – будет набирать статистику следующие 10-15 лет. [М. Роговая. К началу Вселенной // «Кот Шрёдингера», 2016];

8. Ну ладно, скажет какой-нибудь недоверчивый **креакл**, допустим, в ракетных и ядерных технологиях Россия действительно по какому-то недоразумению умудрилась выйти на передовые позиции, зато в сегменте прикладного хай-тека, в производстве модных девайсов, без которых немислима жизнь современного продвинутого потребителя, чем можете похвастать? [Непересекающиеся России // lenta.ru, 2015.07.29];

9. Что сделали простой английский **креакл** МакЛарен (кстати — полуеврей-полушотландец) и простая английская **креаклиха** Вивьен Вествуд? [Национализация креативного класса // Комсомольская правда, 2014.05.16];

10. Во всех трех новинках есть функция съемки жестом, ранее представленная только в смартфонах LG премиум-класса: одно движение руки, три секунды – и отличное **селфи** готово! [Потребление // «Эксперт», 2015];

б) Иноязычное слово входит в состав словосочетаний, состоящих из существительных:

11. Харассмент, **абьюз** или домогательства [Харассмент, **абьюз** или домогательства // Известия, 2018.03.03];

12. По-моему, это какой-то фейк или **троллинг**. [Сергей Бурлаченко. Сорвиголова // «Дальний Восток», 2019].

«Объясняющее слово» может находиться в составе приложения:

13. Самая знаменитая научная установка в мире, Большой адронный **коллайдер** (БАК) в Женевском ЦЕРНе (Европейская организация по ядерным исследованиям), наконец возобновляет работу после более чем двухлетнего перерыва. [Коротко // «Эксперт», 2015].

в) Иноязычное слово входит в глагольное сказуемое. Этот стимулирующий понимание слова контекст можно продемонстрировать на примере слова «блокчейн». Блокчейн определяется через слово «технология», раскрывать эту технологию помогают следующие контексты:

14. Сегодня крупнейшие аукционные дома начали внедрять **блокчейн** в систему торгов. [Как человечество научилось защищать свои произведения: от авторских подписей до QR-кодов // 2018];

15. С ним солидарны многие представители банковской сферы – **блокчейн** позволит существенно сократить время на выдачу кредитов, торговлю акциями и проведение других крупных сделок. [Диана Смольякова. Разбор: что такое биткоины и почему за них вступается Павел Дуров (2017.08.29)];

16. В качестве примера можно привести технологию **блокчейн**, благодаря которой исключаются кража данных и мошенничество. [Н. А. Ревенко. Цифровая экономика Китая: новый этап экономического развития страны // «Информационное общество», 2017].

В подобных контекстах нет объяснения того, как именно устроен блокчейн, однако контексты позволяют создать представление о блокчейне как об аффективной и перспективной технологии;

г) Иноязычное слово находится в позиции предиката. Иноязычное слово может распространяться оценочным определением:

17. Информация распространяется, и не важно, **фейк** или истинная правда. [Поколение Путина. Восемнадцатилетние -- о выборах, демократии и «особом» пути страны (2018.03.01) // «Сноб», 2018];

18. Интервью опубликовано на странице «Монте-Кристо» в Контакте и Павлов подтверждает, что это не **фейк**, а его реальное интервью [КП «Монте-Кристо». Новости (2015)].

19. А можно поднять немыслимый хайп вокруг какой-нибудь нелепой административки – как было с задержанием мальчишки на Арбате. [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019]; В соцсетях по этому поводу хайп чудовищный – и никакого эффекта! [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019].

Обращаясь к значению, можно выделить два типа употреблений иноязычных «слов года». Первый из них предполагает знание говорящим значения слова и понятность его адресату (независимо от того, обозначает ли оно новое понятие / новый предмет и имеет русский эквивалент). Показательным является употребление аббревиатуры ИМХО. В НКРЯ наибольшее количество контекстов из «слов года» приходится на ИМХО, но нет ни одного, в котором давались бы расшифровка этой аббревиатуры (*in my humble opinion* – по моему скромному мнению). При этом и пишущим, и читающим хорошо знакомо это сокращение: ИМХО употребляется как вводное слово в начале, в середине, в конце предложения совершенно так же, как употребляется русское вводное слово «по-моему» с тем отличием, что может помещаться в скобки, а также не выделяться запятыми:

20. **Имхо**, лучше с такой скоростью не ездить на отечественных машинках -- бензина много вылетает, да и вообще они не предназначены для этого. [Форум об автовождении (2003)];

21. Просто, **ИМХО**, о подростках так не поговоришь, как о малышах -- в том числе из уважения к самим этим подросткам: -) Ведь некоторые из них могут не прийти в восторг от обсуждения их проблем в столь широкой аудитории. [Наши дети: Подростки (2004)];

22. Квартира как квартира, **имхо**. [Самая дорогая квартира в Нижнем за 16 000 000 рублей. Что в ней есть? (2015)].

Немалая часть «слов года» зафиксирована в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина и в «Толковом словаре русского языка начала XXI века» под редакцией Г. Н. Складневской. Это означает, что до приобретения статуса победителя или номинанта акции данное слово уже вошло в узус. Однако такая же подача слова как уже известного характерна и для слов, отсутствующих в словарях. Еще одним примером может служить слово «мундиаль». Ни один из контекстов, имеющихся в НКРЯ, не содержит толкования, то есть оно предполагается известным получателю:

23. Если мы выиграем **Мундиаль**, я нагишом обегу вокруг обелиска в центре Буэнос-Айреса», – заявил Марадона. [Общество вкратце // «Однако», 2010].

В пределах высказывания может помещаться не одно, а несколько неосвоенных заимствований. В таких случаях создается «густой контекст» иноязычной лексики:

24. Поверьте мне на слово, невозможно понять новое поколение, всех этих **креаклов**, хипстеров и прочих мерчандайзеров, не принимая в расчет того,

что все они с раннего отрочества — супруги заэкранной тьмы (выражение «экранный дровича», более точно передающее суть вещей, кажется мне слишком вульгарным) [Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)];

25. «Статусы», «лайки», «комментарии», «**репосты**, «твиты» — все это начинает переживаться человеком как реальные социальные отношения [П. В. Ополе. Социальное усложнение: тенденции и перспективы // «Информационное общество», 2017];

26. Возрождение хип-хопа, взлет **баттл-рэпа**, легитимизация киберспорта, становление ультра-урбанизма, плато Снэпчата, блогеры как медийные лица... Вы многое пропустили, хотя все это было прямо под носом [Александра Манькова. Про Гнойноксимиона, 17-летних и почему вы старперы, а не стартаперы (2016)];

27. На базе **блокчейна**, **биткойна** и других подобных технологий возникли сотни **криптовалют**, используемых для различных целей и сфер бизнеса [Сможет ли криптовалюта обеспечить развитие цифровой экономики в России? // «Информационное общество», 2017].

28. Неслучайно темами номера стали сетевой провайдинг, криптовалюты и технология **блокчейн**, развитие идеи электронного правительства, перспективы открытого образования. [Т. В. Ершова. Приметы цифровой эпохи // «Информационное общество», 2017].

В подобных «густых» контекстах синтаксис и грамматика нормативна, лексика же «микширована»: неосвоенных и освоенных заимствований бывает иной раз больше, чем лексики исконной.

Второй тип употреблений характеризуется пояснением значения иноязычного слова. Здесь возможны следующие стратегии:

а) Для иноязычного слова предлагается русский перевод:

29. В буквальном переводе с английского слово «**коллайдер**» означает «сталкиватель». [А. М. Городницкий. Тайны и мифы науки. В поисках истины (2014)];

б) Предлагаются различные толкования слова:

30. Pokemon GO — игра с элементами дополненной реальности, основанная на японском мультсериале «**Покемон**». [На совещании в Банке России появились **покемоны** // lenta.ru, 2016.07.21];

31. Да еще застойной себяшкой — ну, **селфи** по-нынешнему — в нос тычет. [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019];

32. Ну и я тут такой, **креакл**, типа, креативный класс. [Ольга Боброва. Найдите десять отличий. Дело «двойника» Олега Воротникова Андрея Лукьянова как повод посмотреть на нас самих образца 2012 года // Новая газета, 2017.12.20];

33. Примерами активного созидательного поведения является обмен информацией, опытом, эмоциональными переживаниями, тогда как к активному девиантному поведению относятся разжигание конфликтов, дезинформирование и оскорбление собеседников, **троллинг** — агрессивное и издевательское поведение участника («тролля»), заинтересованного в публичности, узнаваемости, эпатаже [8, с. [Т. А. Бочарова. Информационно-коммуникативное поведение пользователей внутри веб-сообществ // «Информационное общество», 2017];

34. Научный **троллинг** в переводе на русский означает: не стоит надумывать полумистические концепты, и для решения трудной проблемы сознания просто нужна новая научная парадигма, которая сломала бы хребет галилео-декартовской [Наталия Дерикот. «Очень трудная проблема сознания». Наука до сих пор не понимает, как работает наш разум — но у нее есть несколько идей (2019)];

35. Но, аннигилируя электроны и позитроны, физики обнаружили неожиданный факт: на этих установках рождаются новые частицы, которых в природе нет, но которые существовали в первые мгновения жизни Вселенной. Сейчас такие установки называют **«коллайдерами»**. Пионеры из Сибири [М. Роговая. К началу Вселенной // «Кот Шредингера», 2016].

в) Иноязычное слово толкуется через «примерные образцы»:

36. Один из самых известных примеров – это **стартап**, создавший очень популярное мобильное приложение Prisma: команда разработчиков предложила сервис для обработки фотографий с возможностью стилизации под того или иного художника. [А. В. Гусев, С. Л. Добридюк. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // «Информационное общество», 2017];

37. **Стартап** Magic Pony Technology разработал технологию, для улучшения качества фото- и видеоизображений в реальном времени [С. Соколова. Борьба с котами и понимать людей // «Кот Шредингера», 2016].

Контексты употребления иноязычных «слов года» показывают, что некоторая часть этих слов становится популярной и очень быстро усваивается носителями языка. Другая часть иноязычных слов проходит через процесс

толкования и объяснения. «Густые» контексты предполагают адресатов, имеющих известный набор специальных знаний.

2.2.4. «Слова года» – прилагательные и глаголы

Прилагательные и глаголы составляют незначительное число «слов года». Среди «слов года» последних десятилетий XXI века – к прилагательным относятся *антикризисный* (2009), *«прикремленные»* (2013), *«гибридный»* (2015), *«токсичный»* (2017 и 2018), *«вирусный»* (2017), *самозанятые* (2019), *«клоачный»* (2019). К глаголам относятся *оккупай* (2012), *депардировать* (2013), *свиолончелить* (2016), *обсирились* (2016), *Допускай!* (2019), *Отпускай!* (2019), *зайдет* (2019), *прокачать* (2019), *топить за* (2019).

В ряде случаев значение имени прилагательного в статусе «слова года» представляет собой семантическую кальку. Однако семантическое заимствование может параллельно или одновременно рассматриваться и как автономное развитие нового значения вне влияния чужого языка. Приведем рассуждения Л.П. Крысина относительно «крутой» и «круто» («крутой парень» — «это круто»). Обычно здесь видят кальку английских «cool» и «tough», «но что мешает нам считать это значение слов «крутой» и «круто» результатом саморазвития их семантики?» [Крысин 2002: 31]. Л.П. Крысин показывает, что от значения слова «крутой» – «суровый, строгий», которое реализуется в сочетаниях типа «крутые меры», «крутой характер», «один и вполне органичный шаг к значению до значения «решительный» и «быстрый», а также “вообще оставляющий сильное впечатление”» [Там же]. М.А. Кронгауз включает анализ таких прилагательных в раздел «ключевые слова эпохи» и анализирует, в частности, прилагательные «правильный», «продвинутый», «адекватный»,

«вменяемый», «элитный», «эксклюзивный» и т. д. [Кронгауз 2008]. Лексикографические портреты прилагательных с новым переносным значением даны в монографиях И.Б. Левонтиной [Левонтина 2016а и 2016б], см. также в статье И Лицюнь [И Лицюнь 2019].

В концепции Н.Д. Арутюновой переносное значение прилагательных, глаголов и наречий представляет собой когнитивную метафору. [Арутюнова 1999]. Приведем примеры значений «слов года» прилагательных, основанных на когнитивной метафоре:

1. Авторы доклада сами удивляются: «Это весьма необычно, поскольку Российская Федерация имела лишь небольшое число **«токсичных»** активов в разгар кризиса... // «Знание - сила», 2010].

2. В фейсбуке есть даже группа **«Токсичные родители»** [Ксения Туркова. Токсичный рыбагейт и ихтамнет-2 // «Сноб», 2018].

3. **«Вирусная реклама»** — одна из самых новых и модных технологий продвижения товаров на постсоветском пространстве [Андрей Константинов, Григорий Тарасевич. Будущее рекламы: вирусы, слежка и мимикрия // «Русский репортер», № 1 (1), 17-24 мая 2007].

4. Ранее комиссия ученого совета ВШЭ по академической этике порекомендовала Гусейнову принести публичные извинения за свои «непродуманные» и «излишне эмоциональные» слова о том, что сегодня «вся страна» говорит на **«клоачном»** языке [Раздел «Общество». Комиссия ВШЭ извинилась перед назвавшим русский язык убогим профессором // gazeta.ru, 2019.11].

Особенностью значений глагольных «слов года» по сравнению с «словами года» других частей речи является их принадлежность к сниженному стилистическому ярусу, ср.:

5. «Тренд на траты в играх, безусловно, сохранится, но какая именно игра **зайдет**, а какая нет, предсказывать сложно [Дмитрий Шестоперов. Россияне выбрали «Великого султана» // Коммерсант, 2020.01].

6. Этот формат, если **зайдет**, будут его развивать [Netflix открыл «Бар “Эдди”» // Коммерсант, 2020.05].

7. Все это может сделать только живой бухгалтер или собственник/руководитель бизнеса, который в достаточной степени **прокачает** свою финансовую грамотность [Росчерком мышки // Известия, 2019.08]

8. А мы «топим», «топим», «топим», да, мы **топим** за «Спартак» [Николай Роганов. Воспитание жестокости и другие «неизвестные» темы прошедшей недели // Советский спорт, 2013.03].

9. И вот она сваливает в Австралию в разгар перестройки, вместе с сыном, я даже сам до сих пор не понимаю, как, и теперь мы пишемся по электронной почте, она утверждает, что Австралия — это континент-Невьянск, то есть там сплошь Невьянск и **топит за** родные березки [А. Б. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него // «Волга», 2016].

10. Хулиган говорит на восьми языках, а по выходным **топит** за «Верону» — клуб, который представляет его родной город [Евгений Бакин. Страны, где победил футбольный нацизм // lenta.ru, 2017.10].

11. «Это очень циничная братия, они могут отчаянно **топить** за абсолютно противоположные мировоззрения [Лидер группы «Чайф» призвал протестующих в Екатеринбурге к объективности // lenta.ru, 2019.05].

12. Означает ли это, что мы в Москве «топим» за Трампа? [Перед выборами американцы запаслись оружием и научились стрелять // Vesti.ru, 2020.11].

Некоторые глагольные «слова года» – словоформы представляют собой цитаты-лозунги, то есть являются интертекстуальными отсылками – техника, нехарактерная для русского языка (в отличие от китайского).

2.2.5. «Слова года» – новообразования

Выше приводилось определение лексического значения слова, принадлежащее Д.Н. Шмелеву, в соответствии с которым в основе значения слова лежит понятие (в другой терминологии – сигнификат). В основе понятия лежат «такие признаки, которые дают возможность объединить единичные предметы и явления в определенные классы». Дж. Лайонз, рассматривая соотношение в слове между формой, значением и референтом, также подчеркивает, что «форма связывается со своим референтом через опосредующее значение» [Лайонз 1978: 428]. Между тем «слово года» - новообразование связано со своим референтом непосредственной связью, так что «понятие» может либо выработаться, либо не выработаться вовсе.

Среди новообразований представлены потенциальные и окказиональные слова (см. 2.1.2.). Статус слова как стационарного или потенциального не всегда устанавливается однозначно. Например, слово *кошунница* отсутствует в БТС, и его следует считать окказиональным (с модификационным значением женскости). Однако и *кошунник*, и *кошунница* («кто кошунствует») есть в словаре Даля [Даль 1979: 183], то есть с равным основанием его можно считать архаизмом. Акад. В.В. Виноградов, обсуждая вопрос о непрерывности слова «в

его историко-семантическом развитии», писал о том, что непрерывность слова «вовсе не тождественна с активным его употреблением из поколения в поколение в рамках одного коллектива» [Виноградов 1999:25]. Слово может вести «потенциальное существование», по выражению акад. В.В. Виноградова, вплоть до того времени, пока оно вновь окажется востребованным уже совсем иным социальным коллективом. Слово *кошунница* может служить примером такого «потенциального существования».

Другой случай представлен образованным по способу сложения окказиональным словом *хамодержавие*. В НКРЯ находим такой пример употребления данного слова:

1. Копала свинья землю, ну и копай, так нет же, равенства захотелось! Самодержавие сменить хамодержавием? Проклятые картузники хотели завоевать казаков? [В. Лихоносков. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 3-4 (1983)]

В данном контексте *хамодержавие* – тоже окказиональное слово, но с одним из номинантов конкурса «Слово года» оно никак не связано, ибо соотнесено с событиями иного, давнего времени. Возможность порождения разными людьми одного и того же слова имеет прецеденты в разговорной речи, так что в отличие от *кошунницы*, окказиональный статус данного новообразования не изменяется.

Сделав эти необходимые оговорки, мы можем перейти к вопросу о том, как формируется значение окказионального слова и какими знаниями должен обладать носитель языка, чтобы опознать значение этого слова. В этом «опознании» складываются две составляющие. Первая из них – это словообразовательное значение. «То общее, что свойственно значению ряда производных слов и отражено в их формальном строении, т. е. связано с

семантикой форманта, является их словообразовательным значением» – пишет Е.А. Земская [Земская 2005:28]. Второй составляющей является то конкретное лицо, предмет или событие, номинацией которого становится окказиональное слово. Так, слово-номинант *планшетник*, словообразовательное значение которого – «носитель предметного признака», «неодушевленный предмет» [РГ-80,1, 183, 184], обретает лексическое значение «небольшой компьютер». В НКРЯ представлены многочисленные употребления этого слова, ср.:

2. **Планшетник** в базовой комплектации поступит в продажу по цене около 800 долларов [Lenovo показала серию планшетов-трансформеров // Vesti.ru, 2012.10.10].

3. С помощью фронтальной камеры смартфон или **планшетник** незаметно делает серию снимков в тот момент, когда с ним производятся определенные действия — например, нажатие на экран. [Игорь Агапов. Смартфоны с Android будут фотографировать своих похитителей // Известия, 2012.10.09].

Ни в одном из примеров, приведенных в НКРЯ, значение слова *планшетник* не определяется. Иначе говоря, оно становится уже не окказиональным, а стационарным словом русского лексикона. Резкое повышение частотности вкупе с отсутствием экспрессивности со стороны формы говорит о том, что, как номинант «слова года», *планшетник* характеризуется актуальностью семантики и массовостью употребления. Это реакция на новое (в данном случае реакция на новый предмет), но не на само слово.

Среди окказиональных «слов года» довольно много случаев, подобных *планшетнику*. Таковым является и слово *предпенсионер*. Оно отсылает нас к слову «пенсионер» (и тогда это именная префиксация), но также и к

прилагательному «предпенсионный» и к сочетанию «предпенсионный возраст» (тогда следует говорить о компрессии – «человек предпенсионного возраста»). Перед нами потенциальное слово, потребность в котором возникла в связи с изменением закона о пенсионном возрасте:

4. После повышения пенсионного возраста в 2018 году, предпенсионерами стали считать людей, которым осталось 5 лет до назначения страховой пенсии. [Пособия по безработице предпенсионерам предложили повысить // Парламентская газета, 2021.12.07].

Прозрачность внутренней формы (словообразовательной структуры) слова поддерживается совместным употреблением мотивирующего и мотивируемого слова:

5. Пенсионеры и предпенсионеры найдут в кабинете справки и выписки, подтверждающие назначение выплат или право на льготы. [Что ждет пенсионеров до конца 2021 года // Парламентская газета, 2021.05.24].

Предпенсионер – имя лица, наделенное сигнификативным значением. Слово показывает высокую частотность и в кульминационный пик, и в посткульминационный период. Но все же о полной «встроенности» этого слова в лексическую систему русского языка говорить преждевременно. В многочисленных контекстах из НКРЯ не представлена форма единственного числа *предпенсионерка*; нет конкретно-референтных употреблений типа *предпенсионер Петров*: *предпенсионеры* не распространяются атрибутами.

Номинанты акции «Слово года» *санкционка*, *запрещенка*, *удаленка*, *блокировка* «совмещают в своем значении присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака (действия, состояния) со значением существительного как части речи» [РГ-80, 1: 157]. Е.А. Земская относит такие

слова к компрессивному словообразованию. В самом деле, словообразовательное значение не дает возможность определить конкретного референта подобных окказионализмов. Номинантами акции «Слова года» они становятся в результате соотнесения с конкретным событием, знание о котором имеется у участников конкурса. Эмоциональная реакция социального коллектива связана не со словом, а с событием.

Во всех приведенных примерах окказиональные слова становятся «словами года» благодаря актуализации означающего. По большей части это потенциальные слова, ср. *огнеборцы, кибервойна, самоизоляция, самозанятые, трампизм, цифровизация, автозак, царебожники*, которые имеют шансы войти в лексикон языка. Другую группу составляют окказиональные слова, которые становятся «словами года» благодаря актуализации означаемого. Фокус внимания во второй группе направляется в первую очередь на слово, в котором в разных вариантах представлены элементы языковой игры. Доступ ко второй составляющей – лицу, предмету, событию, номинацией которого выступают окказиональные слова года с актуализацией означаемого, оказывается затрудненным. Само явление, вызвавшее подобную номинацию, сменяется другими событиями, и потребность в его номинации устраняется. Окказиональные слова с актуализованным означаемым обладают яркой экспрессией и, как правило, содержат оценку. Обратимся вновь к примерам.

Окказиональные слова *кривосудие, святобесие, скульптуробесие, ленинопад, коронавирус* образованы способом чистого сложения и сложения с суффиксацией. Словосложение характеризуется высокой продуктивностью в русском языке, и понимание окказионального слова опирается на его словообразовательное значение. Здесь также имеет место соотнесенность и

противопоставленность конкретным лексическим единицам русского языка: *правосудие/кривосудие*, *листопад/ленинопад*, *мракобесие/святобесие*.

Рассматривая историю слова *мракобесие*, В.В. Виноградов пишет о том, что «с 10-29-х годов XIX века *-бесие* становится активной формантой, с помощью которой в русском литературном языке производится много слов» и приводит многочисленные примеры новообразований с этим формантом: *стихобесие*, *чинобесие*, *книгобесие*, *итальянобесие*, *славянобесие*, *москвобесие*, *цветобесие*, *кнутобесие*, *плясобесие* [Виноградов 1999: 326-327]. Само слово *мракобесие*, как указывает акад. В. В. Виноградов, возникло как перевод названия французской комедии начала XIX века «*La manie tenebre*», в котором означает «страсть». Новообразования с *-бесие* оказались недолговечными». «Многие из них исчезли так же быстро, как породившая их мода (например, *цветобесие*, *стихобесие*, *славянобесие*, *москвобесие* и т.п.» [Там же: 329-330]. Такова же и судьба слова *святобесие*, существование которого в языке ограничено временным циклом в составе слов – номинантов акции «Слова года». Актуализация означаемого, имеющая место в этом слове, имеет два аспекта. Первый аспект состоит в том, что формант *-бесие* в русском языковом сознании ассоциируется со словом *бес* и с теми словами, которые имеются в церковнославянском лексическом фонде, ср. *идолобесие*, *чревобесие*, *гортанобесие* [Виноградов 1999: 324]. Второй аспект состоит в возможности вывести значение новообразования *святобесие* из его словообразовательного значения. Ясно, что перед нами сложное слово «с подчинительным (неравноправным) отношением основ» [РГ-80, 1: 242]. Однако дальше этого пойти не удастся, поскольку каждое конкретное окказиональное слово этого словообразовательного типа демонстрирует свою «интерпретацию» этой модели. Так, модное когда-то слово *кнутобесие* имеет значение: «Слишком

частое употребление кнута, злоупотребление кнутом» [Там же: 327]. *Кнут* в данном случае метонимически указывает на ситуацию использования кнута, которая конкретизируется достаточно неожиданным образом – речь идет об извозчиках. Акад. В.В. Виноградов пишет о значении для русского языкового сознания подобных новообразований в церковнославянском языке. Формант *-бесие* в конечном счете может быть интерпретирован как «бесовская страсть» и отсюда проистекает отрицательная оценка. Такие окказионализмы, потеряв конкретного референта, фактически утрачивают свой номинативный статус.

Собственно, такова судьба многих окказиональных «слов года», которые формируются по конкретному образцу. Так, глагол *депардировать* следует отнести к глаголам, мотивированным существительным, ср. *бригадир – бригадирить, шахтер – шахтерить* и под. [РГ 1980, 1:335]. Окказиональным глагол *депардировать* становится потому, что в качестве мотивирующего существительного выступает собственное имя, метонимически указывающее на поступок лица, носящего данное имя. Понятно, что событие, вызвавшее к жизни данный глагол, достаточно быстро вытесняется из языковой памяти носителей языка. Отсюда результат: слово теряет конкретного референта, равно как свое номинативное предназначение, теряет далее и значения «современность», «актуальность семантики»; просуществовав в течение небольшого временного промежутка, оно «уходит в небытие».

Слово года *диссергейт* образовано также по конкретному образцу, ср. *Уотергейт*. Варианты написания – «Диссергейт» и «диссергейт». *Диссергейт* является названием общественной организации и вместе с тем «общественной инициативы»:

6. Напомним, разоблачения плагиаторов в рамках общественной инициативы «Диссергейт» подвигли государство на реформу системы присвоения ученых степеней. [Дмитрий Медведев внес изменения в порядок присуждения ученых степеней // Коммерсант, 2016.04.11].

В НКРЯ обнаружилось всего шесть контекстов с данным словом, и во всех случаях *Диссергейт* употребляется как собственное имя:

7. «Диссергейт» вряд ли вызовет серьезные финансовые потери отечественных вузов. [Внутренний аудит образования // Ведомости, 2015.10.13].

В данном случае очевидно, что вхождение этого «слова года» в состав собственных имен русского языка находится в прямой зависимости от существования самой организации.

2.3. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ «СЛОВ ГОДА»

В главе 1 мы рассмотрели вопрос о тематических группах «слов года», выделяемых в разных языках, с подсчетом процентного соотношения тематических групп, частичным перечислением входящих в них слов и типологическим сопоставлением. В отношении русских «слов года» были сделаны следующие наблюдения: а) по сравнению с результатами акции «Слово года» в других странах среди русских «слов года» значительная часть относится к тематической группе «Политика» (64%); в этой группе преобладают «слова года», относящиеся к внутренней жизни России (22%). Лишь слова *беженцы* и *брекзит* совпали с выбором «Слов года» в других странах, б) только в русских «словах года» отсутствует тематическая группа «Экология», в) из русских «слов года» только одно («крымнаш») «образовано не по структурным законам русского языка», остальные являются (в этом смысле) национально маркированными» [Сергиенко и Евсюкова 2021].

Тематические группы русских «слов года» мы выделяем на материале слов-победителей и слов-номинантов конкурса. Далее рассматриваются три вопроса: а) тематические группы русских «слов года» и «языковая картина мира», б) состав тематических групп русских «слов года», в) реконструкция языковой личности участников конкурса по информации о тематических группах.

Выделение тематических групп производится исходя из обозначаемого, относящегося к неязыковой действительности. Конкретное явление, мотивировавшее появление «слово года», квалифицируется на основе понятийной классификации лексики, и таким образом возникают тематические группы «Экономика», «Политика» и т. д. В результате получается своеобразный идеографический словарь «слов года». В XX веке создание идеографических словарей явилось одним из важнейших направлений в лексикографии, равно как в изучении лексической системы языка. И именно с идеографическими словарями оказались связанными понятия «картина мира» и «языковая картина мира». «В принципах классификации и группировки понятий, в способах установления зависимостей между ними, безусловно, отражается известное представление о внешнем мире, некоторая «картина мира», – пишет Ю.Н. Караулов [Караулов 1976: 267]. Картина мира в идеографическом словаре (словаре-тезаурусе) характеризуется, во-первых, универсальностью, поскольку она охватывает по возможности всю лексику, и во-вторых, статичностью («структура идеографических словарей составляет <...> один из компонентов «картины мира», а именно статический ее компонент...» [Караулов 1976: 259].

В работах, посвященных «словам года», тематические группы выделяются эмпирически, вне какого-либо соотношения с понятийными классификациями, принятыми в идеографических словарях. Между тем такое сопоставление

является продуктивным. Оно показывает прежде всего неполноту той картины мира, о которой говорят применительно к «словам года». Из неё исключены целые понятийные области. Если воспользоваться классификацией Халлига и Вартбурга [Караулов 1976: 256], такой понятийной областью является «Вселенная», включающая в себя разделы «Небо и небесные тела», «Земля», «Растительный мир», «Животный мир», раздел «Душа и разум» в понятийной области «Человек», априорные понятия (такие, как Бытие, Пространство, Время и др.). Таким образом, «картина мира» сквозь призму «слов года» является фрагментарной, она высвечивает те области знания об актуальной неязыковой действительности, которые вызывают эмоциональное переживание в возможном сочетании с оценкой. Другой аспект сопоставления состоит в том, что тематические группы позволяют выделить изменения в той или иной понятийной области, которые могут быть преходящими или, напротив, закрепляющимися в языке. Таким образом, само понятие о картине мира сквозь призму «слов года» обретает динамическую составляющую: речь идет о картине мира, актуальной для вполне конкретного исторического периода.

Разделение на тематические группы может быть произведено разными способами – так же, как по-разному строятся идеографические словари. В понятийной области «Человек» в классификации Халлига и Вартбурга выделяются «Человек как общественное существо» и «Социальная организация и социальные институты». Эти разделы с входящими в них рубриками вполне подходят к распределению «слов года» по тематическим группам, но, например, такой важнейший раздел, как «Наука и техника», сюда не включается. В «Синописе идеографической классификации» в Словаре В.В. Морковкина также выделяется класс «Человек», а внутри него – «Человек в обществе»,

включающий социальную организацию общества [Морковкин 1984: 255-263]. В конечном счете мы остановились на таком разделении русских «слов года» на тематические группы, которое не совпадает полностью с тезаурусными классификациями, но и не противоречит им. Это следующие тематические группы: «Общество», «Культура», «Религия», «Наука и техника», «Природа». Тематическая группа «Общество» является самой обширной, ибо она включает в себя и экономику, и политику. Напротив, тематическая группа «Природа» сводится к рубрике «Погода». Подчеркнем, что в тематическую группу «Общество» включаются экономика и политика:

I. Общество: выборы, пиар, гендер, великодержавность, война, коррупция, волатильность, нефть, зомбоязык, Медвепутия, дуумвират, тандем, огнеборцы, околоремля, Распадская, Речник, сити-менеджер, Шевчук, рокировка, альфа-самец, брежневизация, коррупция, инновация, оккупай, карусель, митинг, Евромайdan, депардировать, диссергейт, Бирюлево, прикремленные, святобесие, санкции, бандеровцы, Новороссия, война, Украина, диссернет, геополитика, изоляция, Крым, страна-изгой, санкции, терроризм, дальнобойщики, стартап, запрещенка, гибридный, милитаризм, выборы, трампизм, кадыринг, ленинопад, свилончелить, офшоры, моча, обсирились, дальнобой, скульптуробесие, кибервойна, пересидент, токсичный, баттл, криптовалюта, безвиз, домогательство, Димон, санкционка, стартап, монстрация, Трампутин, царебожники, токсичный, пенсия, ЧВК Вагнер, харассмент, ихтамнеты, репосты, телененавидение, блокировка, стабилизец, допуская, пытки, предпенсионеры, транзит, отпуская, зайдет, автозак, клоачный, прокачать, топить за, абьюз, самозанятые, прогулка, импичмент,

коронавирус, ковид, самоизоляция, удаленка, зум, пандемия, вакцина, наружжа, карантин, коронакризис, локдаун, ковидиот, самосожжение.

II. Культура: *гламур, блог, раскрутка, имхо, аватар, Левиафан, Димон, креакл, троллинг, Карл, селфи, допинг, лабутены и божествование, хайп, фейк, вирусный и нелюбовь, автокефалия, мундиаль, репосты, вирусный, зашквар и телененавидение.*

III. Религия: *панк-молебен, кривосудие, кощунницы, религархия, покемоны.*

IV. Наука и техника: *нано-, коллаيدر, инноград, планшетник, нооскоп, биткоин, блокчейн, цифра, цифровизация.*

V. Природа: *смог, жара, морозы, сосуля.*

В отличие от идеографических словарей в «слова года» входят прилагательные и глаголы, собственные имена. Их значение как «слов года» изменяется по сравнению со словарным в результате сужения / расширения значения, метонимии и метафоры. По выходе из временного цикла «слова года» возвращаются к исходному значению, но пребывание в статусе «слова года» или номинанта не проходит для них бесследно. Т.В. Шмелева писала о раскрытии потенциала «слов текущего момента»: образовании дериватов, расширении сочетаемости. Подобным образом и «слова года» также раскрывают скрытые в них возможности как единиц языка.

Особо следует сказать об окказиональных словах. Как уже было сказано, они не формируют сигнификативного значения и непосредственно соотносятся с предметами и явлениями внеязыковой действительности. Как единицы языка, окказиональные слова реализуют инновационную (креативную) функцию. Но не менее важна людическая функция, о которой пишет В.Г. Гак, рассматривая

языковое варьирование: «...оно может широко использоваться и в игровой функции. Люди часто играют словами, языком. Такая игра привлекает доступностью, но вместе с тем позволяет выразить определенные эмоции» [Гак 1998: 371].

Тематические группы имеют общий признак с семантическим полем как лексической категорией языка – «однородность понятийного содержания» [СРЯ 1989: 232]. Однако другие характеристики семантического поля (наличие доминанты, иерархическая структура) у тематических групп отсутствуют. В этом «слова года» сходны с ключевыми словами текущего момента и модными словами. Это текущие и подвижные словесные объединения, маркированные по отнесенности к определенному этапу в функционировании литературного языка и конкретизирующие специфику этого этапа.

Выделение тематических групп «слов года» и характеристик этих слов как единиц языка позволяет сделать некоторые заключения о языковой личности участников голосования в акции «Слово года». В социолингвистике принято говорить о языковом сообществе – совокупности людей, говорящих на одном языке, объединенных различными связями [Крысин 2001: 20], характеризующемся в количественном и в качественном отношениях. Языковое сообщество близко к понятию языкового коллектива в его противопоставленности языковому коллективу (см. гл. 1). Языковые сообщества акции «Слово года» в разных странах разнятся в количественном отношении. Общей чертой языковых сообществ является участие в интернет-коммуникации. Для языковой личности участников голосования акции «Слово года» на русском языке характерны следующие черты: а) владение русским литературным языком, каким он сложился в последние десятилетия XX века. Это означает, в том числе,

знание просторечия-2 и использование его в общении вкупе с обценной лексикой; б) использование языка в креативной и игровой функции с целью создания номинаций явлений внеязыковой действительности, представляющихся общественно значимыми и побуждающих к эмоциональному восприятию и оценке.

2.4. «СЛОВА ГОДА» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В китайской лингвистике не принято различать ключевые слова текущего момента, модные слова и «слова года». Все три лексических множества называются модными словами. Признаками модных слов считаются распространенность, массовость и популярность. Временные периоды, характерные для ключевых слов текущего момента, модных слов и «слов года», не принимаются во внимание. Так, в работе [Jinxiang 2007: 51] к модным словам отнесена китайская общественно-политическая лексика 50-80-х гг. XX в. («председатель Мао», «народная коммуна», «учиться у Лэй Фэна», «культурная революция», «углубление реформ» и под.), которую естественно отнести к ключевым словам текущего момента. И повторим: все «слова года», ставшие победителями акции «Слово года» на протяжении двух первых десятилетий XXI века, в китайской традиции называются модными словами.

Словосочетанию «модное слово» в китайском языке соответствуют две единицы. Китайское 时尚词 (shíshàngcí) («мода», «модный») состоит из иероглифов 时 (shí) – «время», «сезон» (т. е. «существующий в определенном времени) и 尚 (shàng) – «ещё», «всё ещё», «пока ещё». Китайское 流行语 (líuxíngyǔ) («модный, популярный») состоит из иероглифов 流 (liú) – «течь»,

«волна», «распространяться (количественно и территориально)» и 行 (xíng) – «ход», «на ходу», «проходить (о времени)». Оба слова включают в себя иероглиф со значением «модный», но в первом слове имеется прямое указание на время, а во втором представлена пространственная метафора, передающая идею времени. Два китайских слова различаются по характеру сочетаемости: первое сочетается с номинациями внешнего облика человека, его одежды, поведения, образа жизни. С этим словом соединяются представления о вкусе и престиже. Китайское 流行的 (líuxíngde) сочетается со словами, обозначающими цвет, фасон, наряд, песню или другие культурные артефакты. С этим словом связываются представления об эстетической привлекательности называемого объекта. Поиск в КСКЯ выдал два документа и два вхождения по слову 时尚词 (shíshàngcí) и пятьсот документов и более пятисот вхождений по слову 流行语 (líuxíngyǔ). Таким образом, можно считать, что представление о модном слове в языковом сознании носителей китайского языка воплощено во втором китайском слове.

Сопоставление китайских и русских «слов года» мы будем проводить по тем параметрам, которые равно приложимы и к русскому, и к китайскому языку, несмотря на несходство их грамматического строя. Сюда относятся: 1. Внешние и внутренние заимствования. 2. Значение «слов года». 3. Тематические группы «слов года».

2.4.1. Внешние и внутренние заимствования

В китайском языке существуют современный литературный язык, классический литературный язык вэньянь (общий письменный язык до начала XX в.) и диалекты. Сходство между русским и китайским языками состоит в том, что в обоих языках в состав модных слов («слов года») входят стилистически маркированные внутренние заимствования. Но источники заимствований различны: социально окрашенные жаргоны в модных китайских словах не представлены. Их место занимают заимствования из северного (不折腾 свободный от суматохи, 不差钱 деньги достаточны) и южного (怼 инт. словами опровергать, возражать) диалектов китайского языка.

Лаконичность и семантическая насыщенность вэньяня активно используются в современном китайском языке, особенно в речи представителей элиты и в языковой игре пользователей сети. Например: 不忘初心 (не забывая об исходной цели), 砥砺前行 (упорно и смело двигаться вперёд), 文明互鉴 (взаимное обучение между культурами), 店小二 (официант), 神器 (устар. царские регалии), 洪荒之力 (жарг. первозданная сила).

Обращаясь к внешним заимствованиям, следует прежде всего сказать о значении английского языка. В научной литературе распространились термины «linguistic imperialism» и «cultural imperialism» для обозначения доминирующего положения в современном мире английского языка и в целом англоязычной (американской) культуры. «Наряду с лингвистическим империализмом важнейшим компонентом концепции культурного империализма является

медийный, или информационный, империализм (media imperialism). Термин «media imperialism» используется в англоязычных исследованиях <...> для обозначения передела мирового информационного пространства в пользу наиболее сильных и влиятельных в политическом, экономическом и технологическом отношении стран» [Добросклонская 2005: 44]. Среди китайских «слов года» мы также найдем англицизмы: 秒杀 (seckill), 新常态 (new normal), 创客 (maker), 区块链 (blockchain), 硬核 (hardcore), 霸凌主义 (bullying). Однако в сравнении с русским языком их немного (8,5%). Одно из возможных объяснений – двойственная позиция носителей китайского языка в отношении английских заимствований: в целом это отношение отрицательное, хотя оно частично и преодолевается в заимствованиях – «словах года». Другая возможная причина меньшего числа английских заимствований среди «слов года» в китайском языке состоит в тех трудностях, которые возникают при передаче английского слова средствами китайской фонетики. Следует также отметить наличие «восполняющего донора», каковым по отношению к китайскому языку выступает японский язык.

«Слова года» – внешние заимствования в китайском языке:

а) из английского языка: 秒杀 флэш-распродажа (seckill), 口红效应 эффект губной помады (the lipstick effect), 供给侧 сторона поставщика (supply-side), 新常态 новая норма (new normal), 创客 новатор (maker), 区块链 блокчейн (blockchain), 硬核 хардкор (hardcore), 霸凌主义 буллинг (bullying), 气场 харизма (харизма), 赞 лайк, лайкать (like), 点赞 ставить лайк (give a like);

б) из японского языка: 宅男宅女 (задрот, задротка), 控 (заядлый болельщик), 吐槽 (жаловаться), 逆袭 (отыграться), 断舍离 (выкинуть барахло), 佛系 (пофигизм).

2.4.2. Значение китайских «слов года»

В китайском языке, в отличие от русского, большая часть «слов года» приобретает значение в результате интертекстуальных отсылок. «Под интертекстуальными отсылками понимается непосредственное упоминание имен и неявные аллюзии к объектам, процессам и событиям внетекстовой реальности произведения. Это географические названия, литературные реминисценции, исторические факты, политические имена и события, социальные явления, объекты культуры и бытовые реалии» [Игнатов 2018: 1]. Представлены также расширение значения, метонимия и метафора. Выделим основные модели формирования значения «слов года» в китайском языке.

I. «Словом года» становится языковая единица, принадлежащая одному из диалектов китайского языка. Таким является слово 不折腾 – «свободный от суматохи». Однако, прежде чем стать «словом года», это слово вошло в речь руководителя Ху Цзиньтао (председатель КНР с 2003 по 2012 год), посвященную юбилею Китайской коммунистической партии. И именно как интертекстуальная цитата из этой речи оно становится модным и значимым. При этом изменяется значение: «свободный от суматохи» – это не то, что привязано к конкретной бытовой ситуации, а метонимическое обозначение определенной программы государственного строительства, о чем и говорилось в названной речи. Таким образом, перед нами два процесса: а) становясь «словом года», слово становится принадлежностью литературного языка, б) происходит расширение значения:

«слово года» выступает как номинация одного из принципов государственного строительства в Китае. Оно соотнесено с конкретным моментом, его значение актуально, слово получает широкое распространение. С данным значением китайское buzheteng (запись произношения слова 不折腾) было заимствовано в английский язык.

1. Слово 不差钱 (деньги достаточны) из северо-восточного диалекта китайского языка становится «словом года» как интертекстуальная отсылка к одноименной «китайской пародии» (традиционная форма представления о мелочах в повседневной жизни людей). На сцене китайского традиционного праздника Весеннего фестиваля 2009 года известный комик Чжао Бэньшань использовал это выражение в своем спектакле. При этом изменяется значение: «деньги достаточны» – это не то, что привязано к конкретной бытовой ситуации, а метонимическое обозначение «мнимое богатство».

2. Из диалекта слово 怼 (обижаться) становится «словом года» как интертекстуальная цитата из речи инструктора телепрограммы «Настоящий мужчина». В ней один из звезд после наказания и с чувством обиды спросил: «Это и есть обижаться?», и в ответ на вопрос инструктор уверенно выразил свое мнение: «Да, это есть обижаться. Без обиды нет прогресса!». Впоследствии слово 怼 (обижаться) расширяется значениями «опровергать; ругаться, сратся (разг.)».

3. Из кантонского диалекта слово 山寨 (укрепленный пункт в горах) по сходству укрепленности получило метафорическое значение «укрепленное место для частного производства электронных аппаратур», и получило значение

«подделка, копия, самопальный и неофициальный» как результат метонимического переноса названия местности на то, что в них производится.

II. «Словом года» становится языковая единица, заимствованная из японского языка.

4. 宅男宅女(задрот, задротка) – «редко выходящий из дома человек». Это слово становится «словом года» в китайском языке в соотнесении с ситуацией, распространившейся в китайском социуме: общение в интернете (особенно это относится к детям и одиноким людям) поглощает непосредственное общение. «Слово года» выступает как обозначение этой ситуации. По сравнению со значением японского заимствования можно говорить о конкретизации (сужении) значения.

5. Первое значение слова 控 (kòng) – «контролировать», которое заимствовано из японского языка «kan», в японском языке произношение слова «kan» похоже на начало английского слова complex (псих. комплекс). Японцы используют 控 (kòng) для обозначения людей с определенным комплексом. Это слово становится «словом года» в китайском языке в соотнесении с ситуацией, распространившейся в китайском социуме: в социальных сетях появились разные выражения вроде заядлый болельщик, например, 微博控 (заядлый болельщик микроблога), 萝莉控(лоликон, этим термином обозначают влечение к девочкам допубертатного, или раннепубертатного возраста, или схожими с ними по внешним параметрам и людей, имеющих склонность к такой форме педофилии). «Слово года» выступает как обозначение этой ситуации. В сравнении со значением японского заимствования можно говорить о расширении значения.

6. Слово 吐槽 было семантическим заимствованным из японского языка и стало «словом года» в значении «ворчать, жаловаться, плакаться». В японских комиксах и мультфильмах это слово обозначает «выставлять напоказ чужие недостатки» для юмористического эффекта. По мере увеличения частоты употребления значение слова меняется: а) в метонимическом значении: «лицо, вызвавшее насмешку или вопрос» и «содержание насмешки», б) в расширенном значении «насмехаться, язвить; ворчать, жаловаться, плакаться».

7. Слово 断舍离 (выкинуть барахло) как интертекстуальная цитата из книги «Магическая уборка» японской писательницы Мари Кондо становится «словом года». При этом изменяется значение: «выкинуть барахло» – это не то, что привязано к конкретной бытовой ситуации при домашней уборке, а метонимическое обозначение избавления от привычек или ненужных межличностных отношений. По сравнению со значением японского заимствования можно говорить о расширении значения.

8. Слово 佛系 (пофигизм) – «наплевательское отношение, равнодушие к кому-либо, чему-либо». Слово стало «словом года» как интертекстуальная цитата из японского мужского модного журнала, в нем описывается новый тип мужчин, у которых свой ритм жизни и нежелание взаимодействовать с девушками. В китайском языке 佛系 расширяется новыми значениями: «равнодушный, безразличный; пассивный», например, 佛系男(дзен-пофигист), 佛系女(дзен-пофигистка), 佛系的生活态度(пассивное отношение к жизни).

III. «Словом года» является языковая единица, заимствованная из английского языка. Здесь возможны несколько случаев. Один из них – 秒杀 (флэш-распродажа). Слово становится актуальным после запуска сайта для

покупок, выгодных для покупателя, и программы 秒杀. По сравнению с английским seckill – специальное слово для онлайн-игр – происходит расширение значения. Выражение 口红效应 (эффект губной помады) заимствовано из английского «the lipstick effect», которое впервые было отмечено во времена Великой депрессии 1930-х в США на презентации исследования по экономике: было установлено, что потребители, особенно женские покупатели, экономят на роскошных дорогостоящих вещах, но приобретают помаду из эконом-сегмента с целью получения эмоционального удовлетворения. Выражение становится модным в результате его соотнесения с кризисом китайской экономики 2008 года. И слово 口红 (губная помада) получило метонимическое значение «менее дорогая роскошь».

9. 新常态 – «новая норма», калька с английского «new normal», которое изначально описывало процесс медленного и болезненного восстановления западной экономики после мирового финансового кризиса 2008 года, некоторые охарактеризовали его как «низкий рост экономики, высокая безработица, высокий долг», но сейчас слово стало «словом года» в метонимическом значении «стадии развития китайской экономики (от высоких темпов роста к средним, переход к модернизации структуры и инновациям)».

10. Слово 硬核 (хардкор) заимствовано из английского «hardcore». По сравнению с английским hardcore – основные, основополагающие элементы чего-либо, происходит расширение значения данного специального слова. В 1950-х и 1960-х годах оно использовалось для обозначения обнаженных сексуальных изображений, не имеющих художественной ценности, и позже использовалось в области музыки, особенно в более громком и сумасшедшем

хардкор-панке (Hardcore Punk). В настоящее время выражение «хардкор» применимо к области игр, имея в виду игроков, у которых более высокий профессиональный порог, более высокая сложность и лучшая управляемость. В китайском языке оно стало «словом года» в значении «профессиональный, качественный, трудный», например, 硬核科幻片 (хардкорный научно-фантастический фильм). По сравнению со значением английского заимствования можно говорить о конкретизации (сужении) значения.

11. Слово 气场 (харизма) – способность личности в интеллектуальном, духовном или каком-нибудь другом отношении, взывать к «сердцам» других людей, заимствовано из английского термина «charisma» и стало «словом года» как интертекстуальная цитата из книги «Charismatic Leadership in organizations». В китайском языке расширяется значениями «обаяние, обаятельный, харизматический». Слова 赞 (лайк, лайкать) и 点赞 (ставить лайк) заимствованы из английского слова «like» в социальных сайтах, и в китайском языке происходит расширение значения, они входят в литературный язык для выражения одобрения.

IV. «Словом года» является языковая единица, принадлежащая китайскому литературному языку. Здесь действуют следующие механизмы: а) интертекстуальная отсылка. В качестве донора могут выступать газетные статьи, фильмы, телевизионные шоу, культурные феномены, различные публикации в интернете, б) метафора, в) расширение либо сужение значения. «Словом года» приобретает соотнесенность с актуальным событием или явлением и становится средством его обозначения. Длительность существования «слова года» может быть достаточно краткой либо оно пополняется новым значением. Об

интертекстуальной отсылке можно говорить применительно к следующим китайским «словам года»:

а) большое число «слов года» становится известным как интертекстуальные цитаты из речи политических деятелей. Слово 和 (мир) было выбрано как модное слово после того, как оно появилось на церемонии открытия Олимпиады в Пекине, выражая желание государства стремиться к миру. Слово 中国梦 – «китайская мечта», действующий социально-политический курс и лозунг КНР, был озвучен председателем Си Цзиньпином в ноябре 2012 г.;

б) немалое число «слов года» представляет собой интертекстуальные цитаты из книг, фильмов, телевизионных шоу и песни. 不抛弃不放弃 (не сдавайся) – классическая реплика героя военного телесериала «Солдаты идут на штурм»; 元芳，你怎么看？ (Юаньфан, как ты думаешь?) – повторяемая реплика героя сериала «Легендарный Ди Жэньцзе»; 非诚勿扰 (нечестных прошу не беспокоить) – название романтической комедии у режиссера Фэн Сяогана 2008 г.; 裸婚 (голый брак) – название китайского телесериала 2008 г., 舌尖上的中国 (Китай на кончике языка) – название документального фильма, посвященного китайской кухне; 穿越 (путешествие по времени) – один из самых популярных видов романов и телесериала; слово 忐忑 (непокойный) стало модным по причине хита одноименной песни, что в 2011 году певица Го Линна выполняет всю песню только китайскими междометиями с чрезвычайно сильной выразительностью.

V. В особую группу выделяются «слова года», значение которых не связано с использованием интертекстуальной отсылки как первого шага в формировании этого значения. Сюда относятся: 拐点 (переломный момент).

Данное слово является математическим термином. Значение «слова года» появляется в результате его соотнесения с кризисом китайской экономики. Метафорическая концептуализация кризиса основана на выделении выпуклых и вогнутых мест на математической кривой и перепадов, характеризующих кривую линию развития китайской экономики. И в китайском сериале «голый брак» – это форма брака, когда пара не пытается сначала прочно встать на ноги и стать финансово независимыми. Как правило, это не включает в себя свадьбу, кольцо, дом, машину или медовый месяц. Эта практика контрастирует с традиционным китайским обычаем, когда родители помогают обеспечить имущество для браков своих детей. Общеизвестно, что это экономный способ для любящих партнеров вступить в брак в условиях огромного экономического давления, с которым сталкивается молодое поколение Китая в XXI веке. И слово 裸 (голый) расширяет значение, например, 裸官 (голый чиновник) – китайский неологизм, употребляемый для обозначения государственных служащих, семьи которых проживают за пределами страны, и имущество которых также выведено за пределы страны и зарегистрировано не на самих чиновников, а на членов их семей. В русском переводе иногда называются также «голыми богачами».

12. В китайском языке «слово года» 蜗居 – «каморка» содержит образную метафору: в прямом значении это слово означает «дом улитки», то есть очень небольшое тесное помещение. Эти имплицитно присутствующие характеристики актуализируются в метафоре, так что возникает яркий наглядный образ. «Слово года» 囧 – «смущение, неловкость, конфуз» – это иероглиф-смайлик, похожий на удивленное лицо с поникшими глазами и открытым ртом. Это иконический знак и одновременно результат метонимического переноса, внешнее выражение смущения становится

обозначением переживания эмоции. Свою роль играет и значение данного иероглифа в древнекитайском языке: «прозрачное окно», «свет, светлый, озаренный». Метафорический образ делает прозрачным внутренним состоянием.

13. 躲猫猫 – «прячущийся кот», китайское название игры в прятки. В феврале 2009 г. в изоляторе временного содержания провинции Юньнань произошел инцидент, получивший затем название «прячущийся кот»: двадцатичетырехлетний мужчина умер после того, как его поместили в камеру, полиция сообщила о том, что он случайно умер, врезавшись в стену во время игры в прятки; окончательное расследование показало, что этот человек был избит до смерти. С тех пор «прячущийся кот» обладает множеством новых значений – от «скрывать факты» до «уклоняться от надзора».

Итак, формирование значений «слов года» в китайском языке происходит на основе интертекстуальных отсылок, сужения/расширения значения, метонимии и метафоры. Особенностью метафорических значений китайских «слов года» является то, что сама метафора «порождается» конкретным событием и обладает яркой образностью. Необходимо отметить также высокую социальную и культурную значимость акции «Слово года» в китайском социуме. Об этом пишет китайский исследователь Чжоу Хайчжун: «Как феномен популярной культуры, выбор «Слова года» является акцией развлекательной, образовательной и познавательной, имеющей научную и практическую значимость. Эта акция не только побуждает людей передать в родном языке социальные изменения и собственную позицию в жизни, но и мотивирует их своими действиями защитить языковую экологию и свой «духовный очаг»;

акция «Слово года» позволяет описать состояние людей и происходящие в Китае события в историко-культурном контексте [Zhou Haizhong 2000, см. также Лицюнь 2019].

2.4.3. Тематические группы китайских «слов года»

Китайские «слова года» распределяются по следующим тематическим группам

I. Общество: 山寨 (поддельный, копия, самопальный); 雷 (сильно удивлять); 囧 (смущение, неловкость, конфуз); 和 (мир, мирный, гармония); 口红效应 (эффект губной помады); 拐点 (переломный момент); 宅男宅女 (задрот и задротка); 不折腾 (не устраивать возню); 躲猫猫 (прячущийся кот); 被就业 (быть устроен на работу); 纠结 (мучиться, терзаться); 钓鱼 (удить рыбу); 秒杀 (флэш-распродажа); 蚁族 (муравьиное племя); 围观 (обступить со всех сторон); 二代 (отпрыск, второе поколение); 拼爹 (полагаться на родственников); 亲 (милый, дорогой); 我反正信了 (Я все равно верю); 坑爹 (жулик, мошенник, обманщик, ловкач); 吐槽 (плакаться, ворчать, жаловаться); 气场 (харизма, обаяние); 悲催 (печали, беды, несчастье); 高富帅 (высокий, богатый, красивый); 压力山大 (большое давление); 接地气 (близкий к простому народу); 中国梦 (китайская мечта); 光盘 (диск); 倒逼 (форсировать, вынуждать); 顶层设计 (проектирование верхнего уровня); 新常态 (новая норма); 打虎拍蝇 (бороться с коррупцией на всех уровнях); 你懂的 (понятный); 失联 (потерять связь); 高大上 (высочайший, внушительный, классный); 获得感 (чувство удовлетворения); 创客 (новатор, стартапер); 有钱就是任性 (У богатых свои причуды); 剁手党 (Интернет-шопоголики); 吃瓜群众 (неосведомленные массы); 小目标 (малая цель); 供给侧 (внутреннее предложение); 套路 (стратегия, хитросплетения); 不

忘初心(оставаться верным первоначальной цели); 砥砺前行(закаляться и идти вперед всеми силами); 共享(совместное использование); 有温度(теплый); 流量(трафик); 我可能*了假的*(ненастоящий); 命运共同体(сообщество с единой судьбой); 店小二(официант); 教科书式(классический, типичный); 退群(выход из организации); 文明互鉴(взаимное обучение культуре); 996 (режим работы с девяти утра до девяти вечера и шесть дней в неделю); 霸凌主义(буллинг); 人民至上, 生命至上(народ превыше всего, жизнь превыше всего); 逆行(тот, кто идет против течения); 后浪(последняя волна, новое поколение); 直播带货(продажный стриминг); 双循环(двойная циркуляция); 打工人(подрабатывающий); 内卷(инволюция, нерациональная конкуренция).

II. Культура: 不抛弃不放弃(не отказывайся от соратников, не сдавайся); 非诚勿扰(нечестных прошу не беспокоить); 不差钱(деньги достаточны); 裸婚(голый брак); 蜗居(укрытие улитки); 给力(клевый, крутой); 神马都是浮云(все плавающие облака); 围脖(микроблог); 控(фанат, заядлый болельщик); 帝(король, император); 达人(знаток, мастер); 穿越(путешествие во времени); 伤不起(хрупкий, уязвимый, чувствительный); Hold 住(выдержать, стерпеть); 卖萌(прикидываться милым); 忐忑(неспокойный); 元芳, 你怎么看?(Юаньфан, как ты думаешь?); 舌尖上的(на кончике языка); 躺着也中枪(случайно получать повреждение); 中国式(китайский стиль); 赞(лайк, лайкать); 最美(самый красивый); 逆袭(отыгаться); 大 V(известный микроблогер); 女汉子(пацанка); 土豪(нувориш); 奇葩(чудак); 点赞(лайкать); 断崖式(резкий, обрывистый); 断舍离(выкинуть барахло); 萌萌哒(милый, забавный, симпатичный); 颜值(индекс привлекательности); 宝宝(малыш ласково); 脑洞大开(необычное воображение); 网红(Интернет-знаменитость); 主要看气质(не надо обращать большое внимание на внешний вид); 洪荒之力(первозданная сила); 工匠精神

(характер мастера); 一言不合就(чуть что); 友谊的小船说翻就翻(Лодка дружбы перевернулась); 葛优躺(полулежа); 蓝瘦香菇(синий тонкий гриб); 油腻(засаленный, грязный); 尬(неловко); 怼(опровергать, возражать); 打 call(горячо поддерживать кого-то); 锦鲤(кари); 官宣(официальное объявление); 确认过眼神(уточнить по взгляду); 融梗(заимствовать сюжет или идею); *千万条, *第一条(прежде всего); 柠檬精(чувствовать зависть); 我太难/南了(Мне слишком трудно); 我不要你觉得, 我要我觉得(важно не то, как ты думаешь, а то, как я думаю); 飒(проворный); 神兽(инт. сленг ребенок, школьник); 凡尔赛文学(версальская литература).

III. Религия: 佛系(пофигизм).

IV. Наука и техника: 正能量(положительная энергия); 微(микро); 神器(чудесное приспособление); 互联网+(Интернет+); 区块链(блокчейн); 硬核(хардкорный, крутой).

V. Природа: 低碳(низкоуглеродистый).

Между тематическими группами русских и китайских «слов года» имеются сходства и различия. Сходство состоит в большом объеме тематической группы «Общество» и в незначительном объеме тематических групп «Наука и техника» и «Природа». В тематической группе «Общество» среди русских «слов года» преобладают слова, относящиеся к политике, среди китайских «слов года» преобладают слова, относящиеся к благосостоянию людей. Еще одно различие состоит в большем объеме тематической группы «Культура» в китайском языке по сравнению с той же группой в русском языке и в отсутствии в китайском языке тематической группы «Религия».

2.5. Выводы к ГЛАВЕ II.

1. «Слова года» принадлежат конкретному временному периоду и связаны с процессами, происходящими в тот же период в литературном языке.

2. «Слова года» как единицы языка наделены системными свойствами, которые определяют их функционирование в дискурсе и востребованность языковым коллективом.

3. «Слова года» делятся на исконные, заимствованные, иноязычные и окказиональные. Большой объем внешних заимствований и иноязычных слов соответствует интенсивному процессу проникновения заимствованной лексики в русский литературный язык последних десятилетий XX века и первых десятилетий XXI века.

4. К новообразованиям относятся потенциальные и окказиональные слова. Потенциальные слова образуются «обычными словообразовательными средствами» (Е.А. Земская). Среди «слов года» представлены приемы, специфические для окказионализмов: междусловное наложение, контаминация, слияние, образования по конкретному образцу. В новообразованиях «слов года» находят выражение тенденция к словотворчеству, характерная для русского языка последних десятилетий XX в. – первых десятилетий XXI века. В «словах года» находят выражение приемы языковой игры. «Дурновкусие» присущее модным словам конца XX века (В.Г. Костомаров) распространяется на часть «слов года».

5. «Слова года» передают значение «современность» и «актуальность семантики». Актуальность семантики определяется «социальным коллективом» участников акции «Слово года». Значение «слов года» зависит от их системных

характеристик. Формирование значения «слов года» происходит по тем же моделям, которые представлены в системе языка: расширение / сужение значения, метонимия, метафора.

6. Собственные имена – антропонимы и топонимы – выступают средством индивидуализации объекта либо в результате метонимического переноса указывают на ситуацию, в которой участвуют обозначенные собственным именем лицо или место.

7. Значение «слов года» – нарицательных существительных формируется по нескольким моделям.

8. Наричательные существительные – исконные и заимствованные, однозначные и многозначные – сохраняют прямое значение в статусе «слова года» и могут расширять либо сужать его за счет экстенционала слова. Значением «слова года» может становиться переносное (метафорическое) значение.

9. Иноязычные слова заимствуются вместе со своим значением, которое передается при употреблении в статусе «слова года». «Слова года» – неосвоенные заимствования могут употребляться без распространителей, сопровождаться объяснением значения, входить в состав перечислительных рядов и заполнять одновременно разные позиции в предложении, создавая «густой» иноязычный контекст. Употребление иноязычных слов в статусе «слова года» влияет на ассимиляцию неосвоенных заимствований в языке.

10. Окказиональные «слова года» разделяются по признаку: актуализация означающего – актуализация означаемого. Актуализация означающего характерна для потенциальных слов. Окказиональные слова с актуализацией

означаемого становятся не востребованными вместе с утратой актуальности их семантики.

11. «Слова года» делятся на тематические группы «Общество», «Культура», «Религия», «Наука и техника», «Природа». В русском языке основная часть «слов года» относится к тематической группе «Общество».

12. Национальная специфика русских «слов года» ярко проявляется при сопоставлении со «словами года» в китайском языке. Среди китайских «слов года» имеются заимствования из китайского классического литературного языка *вэньянь*, заимствования из японского языка и в ограниченном количестве заимствования из английского языка. Значение китайских «слов года» формируется на основе интертекстуальных отсылок. Представлены расширение значения, метонимия и метафора. В тематической группе «Общество» среди русских «слов года» преобладают слова, относящиеся к политике, среди китайских «слов года» преобладают слова, относящиеся к благосостоянию людей. Тематическая группа «Культура» имеет в китайском языке значительно больший объем по сравнению с той же группой в русском языке. Тематическая группа «Религия» в китайских «словах года» не представлена.

13. В китайском языке «слова года» первых десятилетий XXI века внутренними являются заимствования из диалектов и классического литературного языка, внешними являются заимствования из английского и японского языков.

ГЛАВА III. «СЛОВО ГОДА» КАК ЕДИНИЦЫ

ДИСКУРСА

«Слова года», так же как ключевые слова текущего момента и модные слова, характеризуются высокой частотой употребления в дискурсе. Под дискурсом понимается реальное использование языка. «Реальное использование языка – это языковая коммуникация между двумя или несколькими индивидуумами» [Кибрик 2019: 127]. Коммуникация может осуществляться как в письменной, так и в устной форме. Для «слов года», ключевых слов текущего момента и модных слов характерно также то, что они пребывают в своем статусе в течение определенного временного промежутка, после чего либо возвращаются в словарь, либо уходят из языка. Возникает вопрос, можно ли придать какое-то объективное выражение названным характеристикам «слов года». Данный вопрос может быть решен положительно при обращении к понятиям объективной и субъективной частотности «слов года». По аналогии с жизненным циклом можно говорить о временных циклах «слов года». Настоящая глава посвящена временным циклам «слов года». Вводится понятие временного цикла, рассматриваются временные циклы слов-победителей и слов-номинантов конкурса «Слова года», выявляется связь временного цикла «слова года» с его свойствами как единицы языка, определяется типология представленных временных циклов.

3.1. ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ ЧАСТОТНОСТЬ «СЛОВА ГОДА». ПОНЯТИЕ ВРЕМЕННОГО ЦИКЛА

Понятие субъективной частотности было введено М. Краузе. Субъективная частотность выявляется в результате лингвистических экспериментов и опросов носителей языка [Краузе 2007: 103; Лицюнь 2019]. Субъективная частотность слова базируется на индивидуальном словаре говорящего и на субъективном восприятии актуальности его семантики и распространенности. Понятие субъективной частотности получило глубокое лингвистическое обоснование в работах московской группы ученых под руководством Р.М. Фрумкиной. Чтобы выявить субъективную частотность «слов года», нужно опираться на языковой опыт носителей языка. Метод Р.М. Фрумкиной базируется на гипотезе о том, что существует связь между «языковым опытом» индивидуума и структурой его внутреннего лексикона. «Языковой опыт» как результат переработки языковой информации рассматривается в качестве единого продукта, который охватывает всю языковую деятельность индивидуума: чтение, письмо, говорение и прослушивание [Фрумкина 1971: 9]. Введя понятие «отложенного интервала», Р.М. Фрумкина показала, что субъективная частотность динамична. Именно это мы наблюдаем в «словах года»: субъективное ощущение соответствует субъективной частотности слова во внутреннем лексиконе носителя языка в конкретный временной промежуток. Процедура выборов «слова года» сопоставима с методом «последующих» интервалов. В самом деле, «словом года» может стать то слово, «взрывная частотность которого приходится на первые месяцы того же года. Дальше следует тот самый «отложенный интервал», в течение которого «слово года» реализует свои возможности как единица языка

и может либо остаться в активной памяти носителей языка, либо перейти в пассивное знание вместе с потерей актуальности того события, которому оно служит номинацией.

Объективная частотность определяется в результате подсчетов употребления «слов года» по данным лингвистических корпусов. Объективная частотность русских «слов года» определялась по данным НКРЯ на временном отрезке 2000–2022 гг. Для наглядного изображения были построены графики объективной частотности «слов года». Объективная частотность не определяется для тех слов, которые не вошли в НКРЯ. К ним относятся собственные имена, а также различного рода новообразования. В нашем списке «слов года» русского языка XXI в. таких слов 37, что составляет около 24,2% от общего объема словаря.

Что же дают субъективная частотность и объективная частотность для исследования функционирования «слов года» в дискурсе? Объективная частотность определяется на протяжении двух десятилетий. Это небольшой, но все же вполне значимый исторический период. Субъективная частотность выявляется применительно к конкретному году. Академик В.В. Виноградов писал о необходимости сочетать «объективно-исторический подход» с «субъективными свидетельствами современников», чье восприятие может быть несвободно от влияния «злобы дня» [Виноградов 1999: 36, 32]. Субъективная частотность передает восприятие «социального коллектива», состоящего из участников конкурса «Слово года». Объективную частотность мы рассматриваем как объективно-историческое свидетельство. Объективная частотность представлена в графиках, которые фиксируют пики

употребительности слова – одного или нескольких на протяжении двух десятилетий.

Совместное рассмотрение субъективной и объективной частотности служит основанием для введения понятия временного цикла модного слова. Тот год, когда слово стало победителем конкурса «Слово года», рассматривается как кульминационный пик временного цикла. По отношению к кульминационному пику период, представленный на графике объективной частотности, может быть условно назван предкульминационным периодом, а тот, который следует за кульминационным пиком модного слова – посткульминационным. Пик употребительности и кульминационный пик «слова года» могут совпадать или не совпадать между собой; пик употребительности может предшествовать кульминационному пику или следовать за ним. Временные циклы «слов года» непосредственно связаны с системными свойствами слова (исконное – заимствованное – иноязычное слово; стационарное – потенциальное / окказиональное, однозначное – многозначное).

Графики, представленные в работе, являются результатом поиска той или иной единицы в НКРЯ. Работа с НКРЯ позволяет пользователю сделать автоматическую обработку данных, в том числе речь идет и о построении графиков частотности. Однако учитывается не абсолютная частотность, т. е. количество употреблений единицы в заданном основном корпусе за тот или иной промежуток времени, а относительная частотность, под которой понимается частота встречаемости слова на миллион словоформ (распределение по годам).

В главе 1 обсуждался вопрос о связи «слов года», модных слов и ключевых слов текущего момента с функционированием языка во времени. На наш взгляд, построение временных циклов в совокупности с жизненными циклами слов и их

системными свойствами позволяет более выпукло представить динамические процессы в языке в той связке, о которой мы уже упоминали: человек – язык – мир.

Ниже рассматриваются по отдельности временные циклы «слов года» – победителей конкурса «Слово года» и слов-номинантов данной акции.

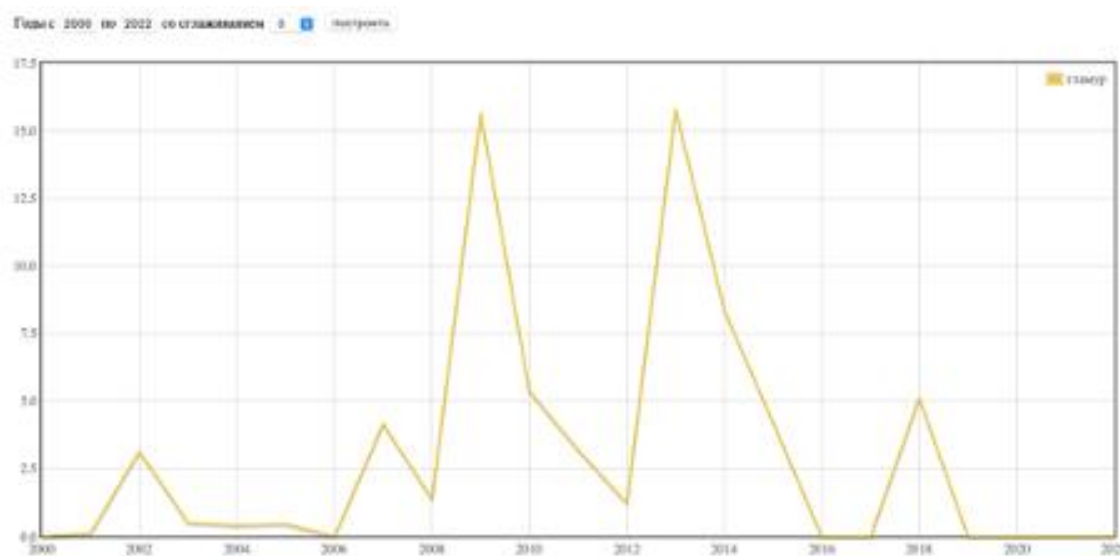
3.2. ВРЕМЕННЫЕ ЦИКЛЫ СЛОВ-ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА «СЛОВО ГОДА»

Таблица 3 – Слова-победители конкурса «Слово года» (2007–2020 гг.)

Год	Слово-победитель
2007	гламур
2008	кризис
2009	антикризисный, перезагрузка
2010	аватар, жара
2011	полиция
2012	Болотная
2013	госдура
2014	Крымнаш
2015	беженцы
2016	брекзит
2017	реновация
2018	«Новичок»
2019	протест
2020	обнуление

3.2.1. Слово-победитель 2007 г.

На рисунке 1 представлен график объективной частотности слова *гламур*, ставшего победителем конкурса «Слова года» в 2007 г. Согласно «Толковому словарю иноязычных слов» Л. П. Крысина, «ГЛАМУР, *мн.* нет, *ж.* [англ. *glamour* обаяние, чары: роскошь, шик <фр. *glamour* обаяние, привлекательность]. Внешний блеск (в одежде, украшениях, косметике и т. п.), внешняя привлекательность. **Гламурный** – внешне привлекательный, шикарный (преимуществ. о женщинах)» [Крысин 2012: 208].

Рисунок 1. Объективная частотность слова «гламур» (2000–2022 гг.)

Гламур – иноязычное слово, адаптированное на протяжении первых десятилетий XXI века и ставшее освоенным заимствованием. Опираясь на график, мы можем выделить несколько пиков употребительности слова *гламур*, приходящихся на 2002, 2007, 2009, 2013 гг.; 2000–2005 гг., 2006–2007 гг., 2008–2011 гг., 2012–2015 гг., 2017–2019. Временные промежутки между пиками объективной употребительности позволяют проследить процесс освоения концепта иноязычного слова и формирование оценки явления, называемого *гламуром*. Временной отрезок 2000–2001 гг. показывает процесс вхождения

слова *гламур* в русский язык и появление производного от него прилагательного *гламурный*. Попытка толкования состоит в поиске близкого по значению русского слова. *Гламур* предстает как притягательный объект, наделенный социальным престижем:

1. Специально для «Домового». Никто не знает, что такое **гламур**. Но все хотят им обладать [Яна Зубцова, Алина Уланова. Урок гламура от Пенелопы Крус (2002) // «Домовой», 2002.10.04. НКРЯ].

2. Но американский дизайнер Ральф Лоран, чей статус главного знатока, ценителя и создателя **гламура** уже давно никем не оспаривается, публично назначил испанскую актрису Пенелопу Крус Самой Гламурной Женщиной и отдал ей право рекламировать Самый Гламурный Аромат — Glamourous [Яна Зубцова, Алина Уланова. Урок гламура от Пенелопы Крус (2002) // «Домовой», 2002.10.04. НКРЯ].

3. Никто не знает, что такое **гламур**. Но все хотят им обладать [Яна Зубцова, Алина Уланова. Урок гламура от Пенелопы Крус (2002) // «Домовой», 2002.10.04. НКРЯ].

Гламур появляется в контекстах вместе с такими словами, как *вечеринка, праздник, карнавал, развлечения, роскошь*, ср. употребление данного слова в перечислительном ряду:

4. Канн обожает **гламур**: шик, блеск, красоту, ажиотаж [Юрий Гладильщиков. Лео тоже стал бандитом. А Каннский кинофестиваль достиг своего апогея (2002) // «Известия», 2002.05.21. НКРЯ].

В.И. Новиков включил *гламур* в «Словарь модных слов» и продемонстрировал прием языковой игры, разделив слово на *гламур* и

предложил следующее шутовское толкование: «Гламур» в современном сознании – это «глянец, блеск плюс «амур» [Новиков 2017: 51]. Можно считать, что сам факт шутовского толкования косвенно свидетельствует об усвоении концепта. Во временном промежутке 2002–2008 гг. наблюдаются спады и небольшие подъемы объективной частотности слова. Гламур «диверсифицируется» (*французский гламур, гламур для арт-тусовки* и др.). Начиная с 2006 года наблюдается резкое повышение частотности слова, и в 2008 году оно становится «словом года». Самым интересным в этот временной промежуток является резкая смена оценки:

5. Дама, которая считает, что спонсорство не в моде, наверное, сочла бы, что выглядит она решительно негламурно. **Гламур** — жуткое слово. Это для меня что-то вроде Вия. Внешний блеск, пышность, признание публики — и это все, чего следует желать в жизни [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008].

6. Как только открываешь любую книгу, так сразу понимаешь, что в ней показаны **гламур**, глянец, грязь и гадость [Чингиз Абдуллаев. Мистерия эпохи заката (2007)].

Так, в приведенных контекстах отрицательное отношение говорящего к гламуру выражается благодаря характеризующему предикату «жуткое слово» и интертекстуальной отсылке к повести Н.В. Гоголя «Вий» или благодаря помещению слова в один ряд с «грязь» и «гадость».

Вместе с тем *гламур* начинает пониматься очень широко. Ему дается социологическое объяснение:

7. Ибо второе по распространенности объяснение общественного интереса к светскому миру формулируется так: жизнь звезд — это мечта общего

пользования, сказка о Золушке. И нужна она, потому что побеждает земное притяжение обыденной жизни. Шахри Амирханова, элегантнейшая девица, светский персонаж, с двадцати лет главный редактор благородного глянца (Harper's Bazaar, пилотная версия Tatler), и не сомневается, что успех звездного мира в его сказочной природе: «Все хотят верить в сказку. **Гламур** — это сказка нашего времени. Если ходить по улицам — все серое, люди серые, страшно. На самом деле **гламур** — он очень маленький, простому люду его не заметить. Те же героини **гламура** — они простые, для них это работа [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008].

Примеры употребления слова «гламур» в период 2008–2012 гг. отличаются исключительным разнообразием. Главное в них — это дальнейшее осмысление понятия гламура, более узкое и более широкое его понимание, выдвижение разных точек зрения и разных оценок. Предлагаются различные определения гламура:

8. Словом-2008 названо «**гламур**»: оно точно обозначило целую эпоху позднепутинского правления [М. С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей (2008)].

9. **Гламур** как неотъемлемая часть современной массовой культуры давно преодолел географические барьеры и стал глобальным явлением. [Ю. В. Щербинина. «Просто найдись...» // «Волга», 2009].

10. Очевидно, что постсоветский **гламур** в России, приобретший, как пишет Лариса Рудова, «гротескные формы», — это явление, прямо противоположное советской утопии [Анна Шор-Чудновская. Понять постсоветского человека // «Неприкосновенный запас», 2009].

11. Если определение понятия «**гламур**» вызывает затруднения, то его визуальная идентификация доступна всем [Ю. В. Щербинина. «Просто найдись...» // «Волга», 2009].

12. Сегодня, если жить хочешь, утром надо быть одним, вечером другим, а ночью чтоб вообще тебя не видно...». В этом утверждении раскрывается, кстати, обратная сторона **гламура** — феномена пока еще весьма слабо отрефлексированного в языковом и — шире — культурном общественном сознании. И, пожалуй, первая наиболее последовательная попытка сделать это средствами художественной литературы предпринимается Виктором Пелевиным в романе «Ампир В», где в образной форме дается популярное пояснение и устанавливается связь понятий «**гламур**» и «дискурс». Так, поначалу главный герой Рома воспринимает дискурс как «что-то умное и непонятное», а **гламур** — как «что-то шикарное и дорогое». В этом смысле, вероятно, можно применить к пелевинскому слиянию этих слов — «**гламуродискурсу**» — известное определение «светский треп» [Ю. В. Щербинина. «Просто найдись...» // «Волга», 2009].

13. **Гламур** — это обман, обещание скорого эффекта и красивой жизни, обещание тупиковое, лишённое смысла [Анна Шор-Чудновская. Понять постсоветского человека // «Неприкосновенный запас», 2009].

14. **Гламур** — безыдейная идеология, которую отличают огромное влияние на мышление и поведение все большего числа людей и при этом абсолютное безразличие к ценностям, вовлекающим людей в общество, цивилизацию, историю [Лариса Рудова. Гламур и постсоветский человек // «Неприкосновенный запас», 2009].

15. Глянец — да; но совсем не **гламур**, подразумевающий конгениальное форме игрушечно-самодовольное содержание [Александр Гаррос. Груз 70 // «Эксперт», 2009].

Еще одна особенность *гламура* – преимущественная отнесенность к женщинам и образу жизни женщины:

16. А то и **гламур** пойдет — светские дивы, главные редакторши журналов о селебритиз, дамы-продюсеры, или уж совершенно невыносимые, в прелестных платьях [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008].

17. **Гламур** — это как раз тот образ, в котором женщина выглядит очень ухоженной, эффектной и живущей в достатке, что совершенно не означает, что она пустышка [Влад Лисовец. Выглядеть на все сто // «Психология на каждый день», 2010].

Гламур связывается также с обществом потребления:

18. **Гламур** тянет целый шлейф индустрии, заинтересованной в активном, безудержном потребителе [Ольга Маховская. Гламурный невроз // «Психология на каждый день», 2010].

Подведем промежуточный итог в рассмотрении слова «гламур». Предкульминационный период временного цикла совпал с началом жизненного цикла данного слова в русском языке. В этот период происходит адаптация слова и выражаемого им концепта. Кульминационный пик наступает в 2007 году, когда *гламур* становится победителем конкурса. Данный выбор свидетельствует о восприятии слова носителями языка как современного, распространенного и вызывающего эмоционально-оценочное отношение к обозначаемому им

явлению.

Период после кульминационного пика мы обозначаем как посткульминационный. Слово *гламур* «встроилось» в русскую языковую картину мира и доказало свою коммуникативную востребованность. Таким образом, посткульминационный период стал продолжением жизненного цикла слова. В этот период пики употребительности дважды нарастают. *Гламур* закрепляется в поле негативной оценки и одновременно – в поле «сложных» явлений, требующих не только «осмеяния», но и дальнейшего познания:

19. О неведомых мне моих читателях могу лишь предположить, что это люди с мозгами, которых тошнит от пошлого **гламура** [коллективный. Анкета // Litera_Dnepr, 2012].

20. Рассказывая о дорогих и красивых бытовых предметах, **гламур** стимулирует людей на добывание денег ради обладания такими вещами. Не будем, однако, забывать, что **гламур** — это не только красивое, но исключительно бытовое и внешнее. Русская и советская культура всегда оценивали оба эти параметра резко отрицательно [И. Г. Милославский. Говорим правильно по смыслу или по форме? (2013)].

21. А вот **гламур** должен становиться все сложнее, потому что чем люди глупей, тем они делаются капризней и требовательней... [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)].

22. Если магическая ограда становится видна, она больше не магическая. То есть ее больше нет — и бесполезно делать на метр выше. Нам нужно вывести **гламур** и дискурс из зоны осмеяния... Энлиль Маратович вдумчиво кивнул. — Чтобы дискурс и **гламур** эффективно выполняли свою функцию, человек ни в

кчем случае не должен смотреть на них критически, тем более анализировать их природу [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)].

Формы проявления *гламура* как «эстетики материально-телесной культуры» (определение В. И. Новикова) исследуются в историческом научном дискурсе применительно к XX веку:

23. После отмены карточной системы периода Великой Отечественной войны общедоступные рестораны возобновили свою работу. К началу 1950-х годов в крупных городах шла уже довольно бурная ресторанный жизнь, но присущая в основном представителям привилегированных слоев сталинского общества. Ресторанно-банкетная составляющая сталинского **гламура** предполагала роскошную кухню [Н. Б. Лебина. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю // Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015].

24. Фаворитом мужской моды стал бостоновый костюм. Он аккумулировал черты сталинского **гламура** в повседневности. Самыми важными критериями в данном случае были добротность и солидность. Власть не только спокойно, но даже одобрительно относилась к тому, что среди ответов на вопрос главной комсомольской газеты страны о самом счастливом дне в 1934 году был, в частности, и рассказ о дне «покупки бостонового костюма за 180 рублей». Конечно, подобные вещи не были доступны основной массе горожан [Н. Б. Лебина. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю // Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015].

Гламур появляется в художественных текстах, описывающих вымышленный мир:

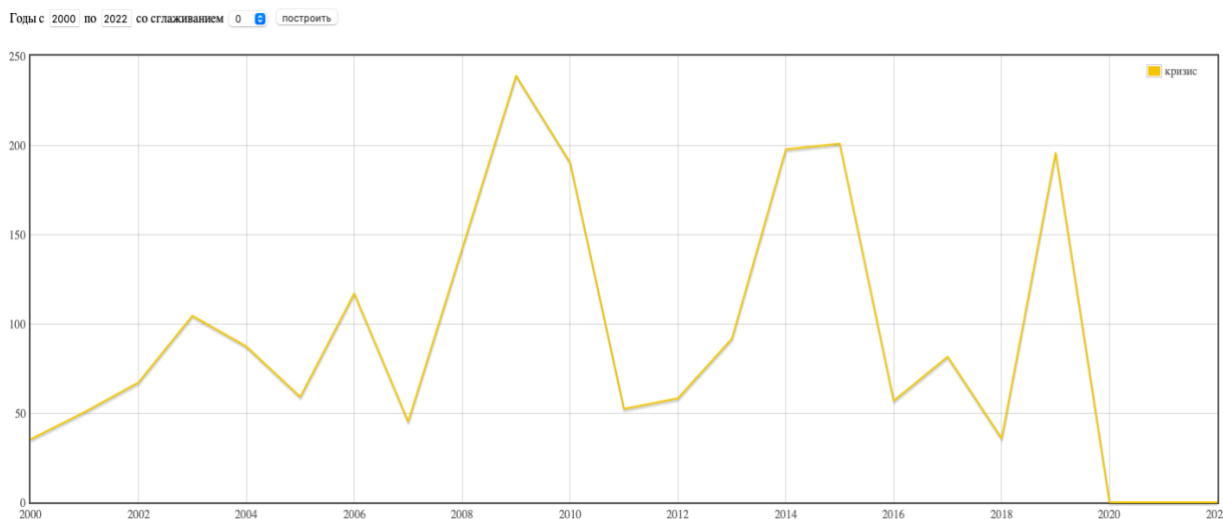
25. От жилища Ани с мамой он не ожидал особого **гламура**. Подсознательно готовность к скромности быта несостоявшейся телезвезды зародилась в нем при виде устюжского вокзала [Елена Сафронова. Так проходит слава земная // «Бельские просторы», 2018].

И здесь уже совершенно понятно, что *гламур* теряет признак «связь с современностью», обеспечивший ему статус победителя в конкурсе «Слово года», и входит в лексический фонд русского языка в качестве полностью освоенного заимствования, равно пригодного к использованию в разных дискурсах (в ТРСЯ приводится без стилистических помет [ТСРЯ 2007:247])

3.2.2. Слово-победитель 2008 г.

В 2008 г. «словом года» стало слово *кризис*. В «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина значение данного слова описывается следующим образом: «КРИЗИС, м. [нем. Krisis <греч. krisis поворотный пункт]. 1. Обусловленное противоречиями в развитии общества расстройство экономики, сопровождающееся безработицей и обнищанием населения. *Страна переживает глубокий экономический кризис* // Ср. депрессия (во 2-м знач.), рецессия, стагнация, стагфляция. 2. Резкий, крутой перелом в чем-л. *Кризис в течении болезни. Кризис власти.* 3. разг. Затруднительное, тяжелое положение. *У меня кризис с деньгами*» [Крысин 2012: 170]. Кризис – давно освоенное заимствование, так что его временной цикл в качестве «слова года» составляет

часть его жизненного цикла. Значение слова «кризис» как победителя конкурса, формируется на основе его первого значения как многозначного слова.

Рисунок 2. Объективная частотность слова «кризис» (2000–2022 гг.)

Функционирование слова *кризис* до 2008 года мы рассматриваем как предкульминационный период его временного цикла. На графике видно, что этот период характеризуется повышениями его объективной частотности в 2004 г. и в 2006 г. И поскольку нас интересует прежде всего экономический кризис, представим относящиеся к нему примеры из НКРЯ:

1. И лишь когда в России разразился августовский финансовый **кризис** и Томас прочитал в «Новых известиях», что цены на недвижимость стремительно падают, он испытал удовлетворение от того, что угадал и вовремя избавился от тульской квартиры [Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)].

2. Одной из компаний, выигравших от **кризиса** 1998 года, оказалось представительство ЗАО «КоммерсантЪ» [Екатерина Васильева. PR по-петербургски: из тени в свет перелетая // «Рекламный мир», 2000.02.15].

3. Это якобы умерит пыл финансовых спекулянтов, спровоцировавших, как считается, азиатский финансовый **кризис** 1997-1998 годов, российский

дефолт 1998 года и такие же бразильские неприятности [Георгий Бовт. Кошмар халявы // «Известия», 2001.08.29].

4. Тем более что одним из первых зампредов Банка России стал Андрей Козлов — автор схемы перевода вкладов населения из шести комбанков в Сбербанк после **кризиса** 1998 года [Елена Мязина, Наталья Орлова. Герман Греф вызывает огонь на себя. Позиции по гарантированию вкладов согласованы // «Известия», 2002.06.04].

5. Так, например, в 1997 году, самом успешном до августовского **кризиса** следующего года, он оценивался в 1 890 – 2 460 миллионов долларов [Алексей Панкин. Медиатормоз // «Отечественные записки», 2003].

6. Последствия экономического **кризиса** 1990-х гг. в полной мере повлияли на такую науко- и ресурсоемкую область, каковой является военный космос [Анатолий Перминов. Кризис в военно-космической деятельности преодолен // «Воздушно-космическая оборона», 2004.04.15].

7. К таковым в первую очередь относится банковский **кризис** лета 2004 года [Василий Кошкин. Большой спрос малого бизнеса // «Эксперт», 2004.12.13].

Конкретное событие *кризиса* маркируется через указание на страну, год, месяц. Это именно то сужение значения слова (конкретизация референта), о которой говорилось в главе 2. Разумеется, в предкульминационный период слово *кризис* используется отнюдь не только по отношению к экономическому кризису. Кризис может быть военным (*балканский, чеченский кризис*) и *кризисом власти; демографическим; юношеским кризисом, кризисом тридцатилетних и кризисом среднего возраста; кризисом в искусстве, культуре, театре, творческим, духовным и душевным; кризисом психики, антропологическим, экологическим кризисом* и под. В НКРЯ представлены многочисленные

примеры, в которых *кризис* подвергается диверсификации и соответствует значению «поворотный пункт», «резкий крутой перелом в чем-л.».

Период 2007–2010 гг. отражает заинтересованность носителей русского языка в проблемах мировой экономики – в большинстве контекстов речь идет об экономическом кризисе 2008 г., быстро распространившемся по всему миру. Переживание этого конкретного события определило выбор слова года в 2008 г. (кульминационный пик субъективной частотности слова «кризис»). Показательно, что экономический кризис находит отражение в дискурсе, изначально весьма далеком от сферы экономики. Так, о финансовом кризисе рассуждают представители церковной власти:

8. Наверное, самым ярким тому примером является экономический **кризис**, который мы сейчас переживаем [Служения и встречи Святейшего Патриарха Кирилла // Журнал Московской Патриархии № 2, 2010].

9. Почему мы говорим о **кризисе**? Почему создан Экономический совет при Патриархе? Мы не преследуем утилитарных целей, но предлагаем некий нравственный критерий [С. В. Чапнин. Интервью с В. Легойдой, председателем Синодального информационного отдела // Журнал Московской Патриархии № 1, 2010].

В период «кульминационного пика» многозначное слово *кризис* продолжает свой жизненный цикл, реализуя все присущие слову значения. Об этом говорят контексты, в которых речь идет о политическом, демографическом кризисах, о кризисах в повседневной жизни, когда человек попадает «в тяжелое затруднительное положение».

В посткульминационный период возрастает число примеров, в которых *кризис* в разных областях человеческой деятельности выступает как предмет научного осмысления:

10. О **кризисе** направления говорит и экспонентный рост гипотез [Евгения Сидорова, Михаил Федонкин. Зарождение жизни: от истоков к природе настоящего // «Наука в России», 2011].

11. Ни для кого не секрет, что бум информационно-коммуникационных технологий сильно повлиял на экономические, социальные и психологические модели и привел (надеемся, временно) к некоторой аутизации и мизантропизации, к **кризису** культуры личного общения, к атомизации общества и целому ряду других проблем [Т. В. Ершова. Предаться живой сердечной доброте // «Информационное общество», 2011].

12. Идею о **кризисе** понимания ранее высказал И. М. Ильинский: «Человек все больше лишается внутреннего спокойствия, внутренней тишины и сосредоточенности, без которых невозможна интеллектуальная деятельность – размышления и понимание [Э. К. Погорский. Некоторые проблемы перехода к информационному обществу: кризис в сознании человека // «Информационное общество», 2011].

13. В мире, зыбком от информационных потоков, зыбким становится сам человек, так как переизбыток противоречивой информации шизофренирует его, происходит рефлексивный **кризис**, растет антиномичность сознания [А. Н. Ильин. От информационной дезориентации к поверхностному потреблению информации // «Информационное общество», 2014].

14. Соответственно, **кризис** современного школьного образования в России объясняется то дурным влиянием советской школьной политики, то,

гораздо чаще, следствием того, что советское наследие незаслуженно забыто [коллективный. Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) (2015)].

Появляются и новые виды кризисов:

15. На фоне успехов феминистического движения и революции# MeToo мир переживает **кризис** маскулинности [Елена Кушнир. Пацаны не плачут. Кризис маскулинности в истории и на экране (2019)].

16. Шла вторая волна феминизма, и итальянец Марко Феррери снимал свой очередной пессимистичный фильм о мужском **кризисе** [Елена Кушнир. Пацаны не плачут. Кризис маскулинности в истории и на экране (2019)].

В свое время Т.В. Шмелева в статье о кризисе 2008 г. отметила отсутствие в публичном дискурсе «катастрофических» метафор типа *пропасть, бездна, тупик* [Шмелева 2009: 66]. Они отсутствуют и в последующие годы: на вызов *кризиса* следует адекватный ответ:

17. Москва ответила на вызовы последнего **кризиса** многими правильными шагами: либерализовала патентную систему и много сделала для развития малого и среднего бизнеса; последовательно минимизировала доли в непрофильных активах (в том числе в ЦУМе, гостиницах «Метрополь» и «Националь», Банке Москвы и т. д. [В. Л. Иноземцев. Чего вы не знаете о Москве // «Сноб», 2018].

18. Да, пока есть в России такие люди, наш народ не уничтожат никакие реформы со всякими оптимизациями, никакие **кризисы** да разные санкции [Мар. Салим. Помереть некогда // «Бельские просторы», 2018].

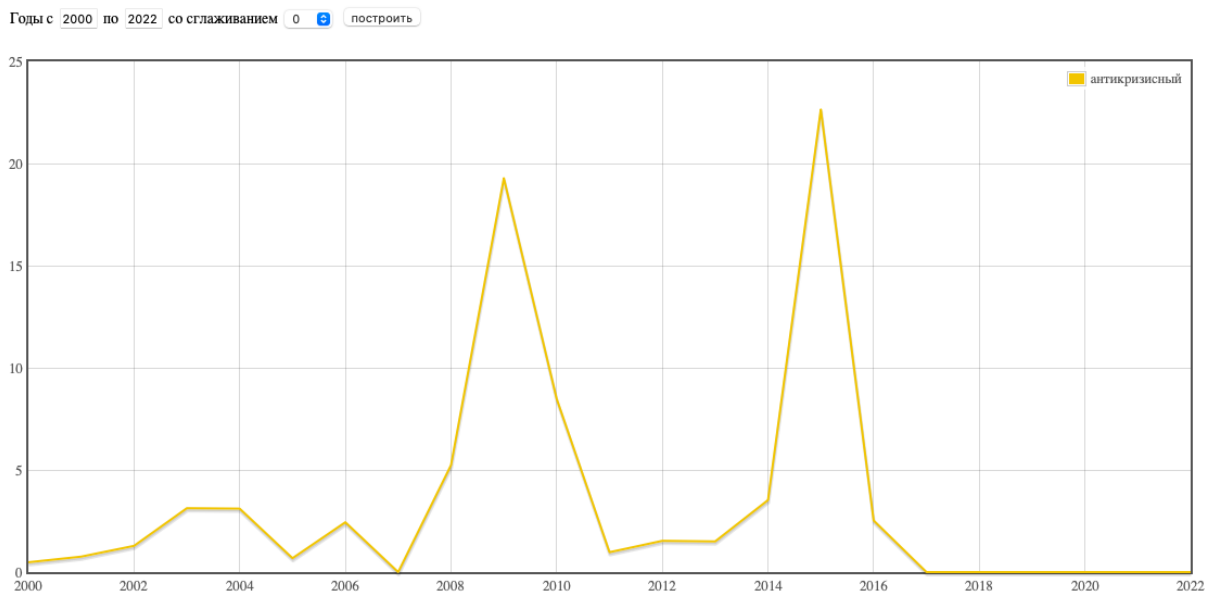
Завершая рассмотрение двух слов-победителей конкурса «Слова года», мы хотели бы обратить внимание на соотношение субъективной и объективной частотности этих слов. У слова *гламур* кульминационный пик временного цикла (передающий субъективное восприятие слова и стоящего за ним явления) и пик употребительности жизненного цикла (объективная частотность) совпадают между собой, и дальше в посткульминационный период объективная частотность единожды достаточно резко возрастает. У слова *кризис* примерно та же и еще более впечатляющая картина, поскольку значительное возрастание объективной частотности наблюдается дважды. К сказанному можно добавить, что слова года не повторяются, то есть каждый раз выбирается новое слово. Возможно, это связано с психологией и языковой памятью носителя языка: пережив эмоционально значимое для него событие, он обретает опыт, заставляющий в следующий раз назвать общественно значимым иное событие и выбрать «словом года» его обозначение.

3.2.3. Слово-победитель 2009 г.

В 2009 г. «словам года» были названы два слова: *антикризисный* и *перезагрузка*. Такой результат получился в силу того, что мнения профессионального жюри и результаты интернет-голосования разделились. *Антикризисный* – потенциальное слово, образованное путем добавления префикса «анти-» к прилагательному «кризисный», в свою очередь образованному от существительного «кризис» с помощью суффикса «-н-». «АНТИ... [*греч. anti... против...*]. Приставка, по значению соответствующая русскому «противо...», используемая для образования слов со значением противоположности, противодействия, враждебности и т. п. (*напр.:*

антиобщественный, античастица, антифашист)» [Крысин 2012: 34]. На рисунке 3 представлен график объективной частотности слова

«антикризисный».

Рисунок 3. Объективная частотность слова «антикризисный» (2000–2022 гг.)

Слово *антикризисный* получает статус «Слова года» вслед за словом *кризис*. Графики этих слов обнаруживают близость в следующем отношении. Кульминационный пик слова *антикризисный* следует непосредственно за кульминационным пиком слова *кризис*. Смысл здесь состоит в том, что за кризисом следуют обычно антикризисные меры. Такая же последовательность наблюдается и в дальнейшем: пик объективной частотности слова «кризис» в 2014 году, а слова *антикризисный* – в 2015 г. Различие между двумя словами состоит в том, что у слова *кризис* его временной цикл располагается на значительном удалении от начала его жизненного цикла, а у слова *антикризисный* временной цикл близок к началу его жизненного цикла.

Слово *антикризисный* мы отнесли к потенциальным, поскольку оно отсутствует в толковых словарях. Но фактически оно достаточно активно

использовалось в узусе. На протяжении 2000-2004 гг. можно наблюдать рост числа примеров в НКРЯ со словом *антикризисный* в текстах, в том или ином виде затрагивающих темы финансов, экономики и менеджмента (деловые журналы «Карьера», «Коммерсантъ-Власть», общественно-политическая газета «Известия»):

1. Это руководитель аудиторско-консалтинговой фирмы «Юникон» Андрей Дубинский, президент «Группы Альянс», занимающейся **антикризисным** управлением, Зия Бажаев, рекламщики Сергей Лисовский (Premier SV) и Юрий Заполь (Video International) [Дмитрий Симаков, Светлана Буданова, Александр Трушин. Капитальное строительство // «Карьера», 2000.02.01].

2. Естественно, как и в любом другом бизнесе, в рекламном начался спад. Была разработана своего рода **антикризисная** программа. Руководство компании предприняло шаги для оптимизации затрат [Лидеры на рынке размещения // «Наружная реклама России», 2000.08.17].

3. Беляев пробыл в должности руководителя завода ровно год и показал себя блестящим менеджером по **антикризисным** мероприятиям [Владимир Салмин. Блестящие менеджеры. Горьковский автозавод меняет директора // «Известия», 2001.11.19].

4. «Не знаю, конечно, как будет в этот раз, — говорит он, — но раньше, когда вводилось **антикризисное** управление, предприятие приводили к полному банкротству, делили собственность, причем собственность переходит в те руки, которые этим процессом занимались, то есть к тем, кто назначал **антикризисных** управляющих [Олег Жунусов. То потухнет, то погаснет.

Разработан проект реформирования энергетики Дальнего Востока // «Известия», 2002.03.26].

5. Впрочем, будет ли цена устройства и обслуживания одинакова во всех регионах России — пока остается вопросом, на который в самарском офисе «Вессолинка» «Делу» ответить не смогли. **Антикризисный маркетинг.** Говорить о переменах, которые произойдут на самарском пейджинговом рынке в связи с выходом на него качественно новой услуги, в настоящее время очень сложно [Юрий Мамаев. Другая сторона пейджинга // «Дело» (Самара), 2002.04.18].

В приведенных контекстах встречаем следующие сочетания: *антикризисное управление, антикризисная программа, антикризисные мероприятия, антикризисный маркетинг.* Прилагательное *антикризисный* характеризует действия, направленные на предотвращение кризиса или нивелирование последствий кризисной ситуации. *Антикризисный* входит наименование должности или профессии: *антикризисные управляющие*, ср. также:

6. Кроме того, поскольку, по словам наших источников, период «информационных войн между Кремлем и Белым домом», а также нестабильная ситуация в самом правительстве позади, «Алексею Волину просто скучно работать на своей нынешней должности, где его талант **антикризисного** менеджера уже не находит своего применения» [Ольга Тропкина, Максим Гликин. Волин займется крышеванием олигархов // «Независимая газета», 2003.03.12].

7. Благодаря умелым действиям команды **антикризисных** управленцев нового губернатора Сергея ДАРЬКИНА Приморский край перестал быть

«проблемным» регионом [Ольга Журман. В Приморье тепло. И зимой, и летом // «Российская газета», 2003].

8. Будучи по своей природе **антикризисным** менеджером, Кох, безусловно, смог навести порядок с финансовыми потоками, восстановить управляемость партийными структурами, однако новых идей предложить так и не смог [Георгий Ковалев. Споры о пристяжных // «ПОЛИТКОМ. РУ», 2003.06.24].

9. На листовку Виктора Маркова с лозунгом «Профессия — **антикризисный** управляющий» доклеивался «довесок» с информацией, чем занимается **антикризисный** управляющий [Александр Крутов. Листовочные войны // «Богатей» (Саратов), 2003.11.27].

10. В рамках осуществления этой программы консорциумом двух вузов — МИСИ и СГСЭУ — Чуйченко прошел обучение по специальности «Маркетинг» и получил диплом **антикризисного** управляющего [Александр Свешников. Курский соловей для саратовского губернатора // «Богатей» (Саратов), 2003.11.20].

11. Наконец, в публичной политике надо говорить о появлении принципиально нового типа «специалистов от экономики» — «**антикризисных** менеджеров» [Сергей Туркин. Блеск и нищета российской политической экономики // «Неприкосновенный запас», 2003.09.12].

Несмотря на общее увеличение числа контекстов подобного употребления, отражающих некоторую популярность такого рода занятия, все же в сознании большинства носителей русского языка *антикризисный управляющий* представляется чем-то новым и не до конца понятным. Об этом свидетельствует пример 9, в котором говорится, что само наименование профессии

сопровождалось «довеском» – пояснением того, «чем занимается антикризисный управляющий». Показательны в этом плане кавычки, в которые заключено сочетание «антикризисные менеджеры». Вместе с тем новая профессия получает легитимный статус – возможность получить диплом по новой профессии. Одновременно отмечаем и увеличение популярности этой профессии: можно закончить вуз и получить диплом «антикризисного управляющего» (пример 10).

На период 2005–2006 гг. приходится всего семь контекстов с прилагательным *антикризисный*, но при этом появляются новые сочетания:

12. В его основе договоренность о радикальном расширении прав и полномочий союзных республик, согласовании **антикризисной** экономической политики [Егор Гайдар. Гибель империи (2006)].

13. Практически возможности реализации **антикризисной** Программы уменьшаются с каждым днем [Егор Гайдар. Гибель империи (2006)].

На кульминационном пике временного цикла частотность прилагательного *антикризисный* резко возрастает. Наряду с уже рассмотренными появляются новые сочетания: *антикризисные меры (мера), антикризисное регулирование, антикризисные вливания, антикризисный пакет*, ср.:

14. В пользу этого вывода говорит и история мировых кризисов, и возросшее количество стран — активных инноваторов, и нарастание глобальных и национальных проблем, решение которых опирается на инновации, и даже практические **антикризисные** меры [А. А. Дынкин. О перспективах глобального инновационного развития (2008) // «Вестник РАН», 2009].

15. В «Микроне» снижение цен считают лишь первой **антикризисной** мерой: «Мы снизили цену и издержки на 20 процентов, это первый шаг был»

[Вера Краснова, Анастасия Матвеева. Свадьба дела с идеалом // «Эксперт», 2009].

16. «В продвижении мер **антикризисного** регулирования пионером была Россия, – заявил РБК daily гендиректор Агентства политических и экономических коммуникаций Дмитрий Орлов [Павел Захаров. Судьба мировой экономики решится в ноябре // <http://www.rbcdaily.ru/2008/10/24/focus/387505.shtml>, 2008].

17. Основной причиной стабилизации экономических показателей России в середине года являются **антикризисные** вливания средств Резервного фонда в бюджетную систему при фактической «заморозке» всей экономики [Олег Григорьев, Михаил Хазин. Укусит ли змея свой хвост? // «Однако», 2009].

18. «Новый **антикризисный** пакет включает три основных направления работы: уменьшение расходов правительства, снижение налогов и поддержку для различных секторов экономики, включая малые и средние предприятия», — пояснил РБК daily эксперт Economist Intelligence Unit Герард Уолш [Владимир Павлов. Японская торговля ушла в минус // <http://www.rbcdaily.ru/2009/04/23/world/411923.shtml>, 2009].

Итак, можно утверждать, что статус «слова года» прилагательное *антикризисный* получает как отвечающее признаку «связь с современностью», «актуальность». Значение слова является абсолютно прозрачным, поскольку вытекает из его словообразовательной структуры. В стилистическом плане слово является нейтральным (возможно, ближе к книжности) и никакой эмоциональной реакции не вызывает. *Антикризисный* почти не выходит за пределы экономического, ср. единственный в нашей выборке пример, когда сочетание *антикризисная мера* используется применительно к ЕГЭ:

19. Общество воспринимает переход к ЕГЭ как действие, вызванное отчаянной необходимостью, что-то вроде **антикризисной** меры [Ю. Неретин. ЕГЭ: перспективы и эволюция // «Наука и жизнь», 2008].

Слово *антикризисный*, войдя во «внутренний лексикон» носителя языка, сохраняется для дальнейшего использования. В посткульминационный период объективная частотность прилагательного *антикризисный* резко снижается («антикризисное восстановление экономики»), однако в 2015 году жизненный цикл этого слова включил в себя новый подъем объективной частотности, опять-таки вызванный экономической ситуацией. *Антикризисный* с легкостью входит в новые сочетания:

20. «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», которые создают благоприятные условия регулирования в сфере небанковского микрофинансирования, а также включение микрофинансирования в 2009 г. в число федеральных **антикризисных** приоритетов как эффективного механизма борьбы с безработицей через самозанятость [коллективный. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования (2011)].

21. Это создает развилку: активная **антикризисная** политика или экономия стабфонда и сокращение расходов [коллективный. 2012: год фиктивных перемен // «Русский репортер», 2012].

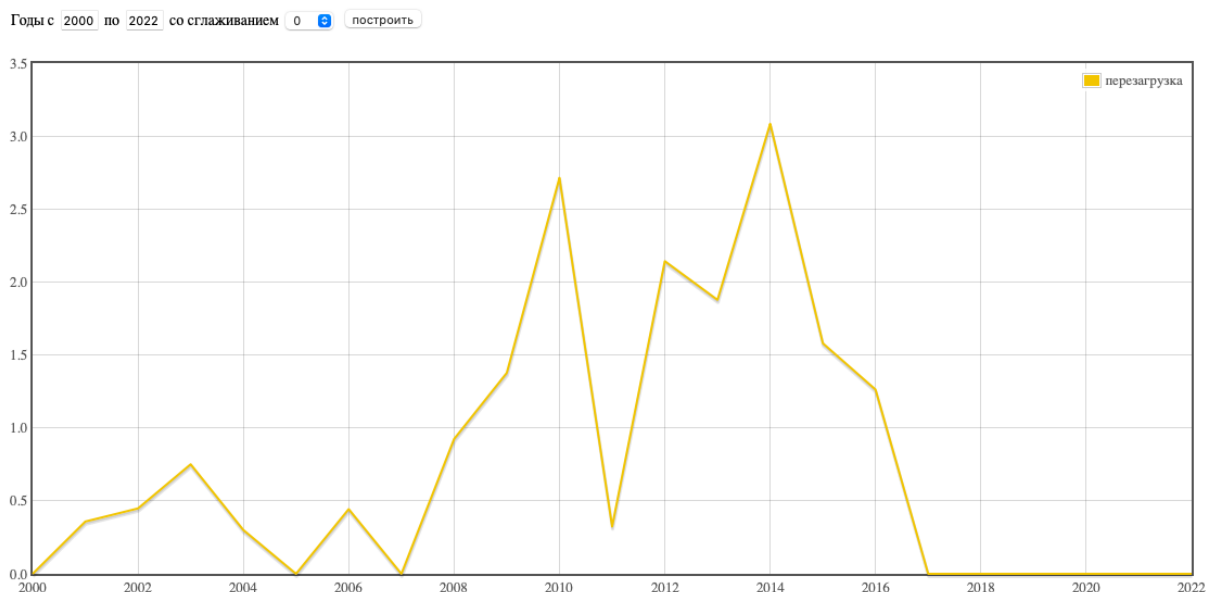
22. При сохранении текущего низкого уровня прибыльности банковский сектор, скорее всего, не способен в долгосрочной перспективе привлечь достаточно инвестиций в собственный капитал для сохранения хотя бы нынешнего уровня активных и пассивных операций относительно величины

российского ВВП. Эскиз **антикризисной** политики ЦБ. От действий Банка России будет зависеть, как быстро сдуется потребительский пузырь — не только в сфере кредитования, но и в сфере собственно потребления, масштабы которого непропорциональны возможностям производства [коллективный. В плену старой парадигмы // «Эксперт», 2014].

Вторым победителем конкурса «Слово года» в 2009 году стало слово «перезагрузка». Между *антикризисный* и *перезагрузкой* есть семантическая связь: и то и другое слово указывает на изменение ситуации по сравнению с имевшейся прежде. Слово *перезагрузка* является синтаксическим дериватом глагола *перезагрузить*, который в свою очередь образован путем добавления префикса «пере-» к глаголу «загрузить» («загружать»). «Загружать» — полисемичный глагол, в БАС находим следующие значения: «ЗАГРУЖАТЬ, аю, аешь, несов.: загрузить, ружу, рузишь, прич. страд. прош. загруженный, ая, ое, сов.; перех. 1. Заполнять грузом <...> 2. Перен. Обеспечивать работой на полную мощность, давать работу в нужном количестве <...> 3. Засыпать закладывая руду, топливо и т. п. в плавильную печь, домну и т. п. <...> 4. В информатике — заполнять информацией запоминающее устройство [БАС: 142]. В «Толковом словаре русского языка XXI века» глаголы *перезагрузить* (*перезагружать*), *перезагрузиться* (*перезагружаться*) представлены как однозначные со стилистической пометой *информ.* Слово *перезагрузка* («повторная загрузка операционной системы...» [ТСРЯ 2007:723] также толкуется как однозначное и

специальное (относящееся к сфере информатики). Обратимся к графику объективной частотности слова *перезагрузка* (рисунок 4).

Рисунок 4. Объективная частотность слова «перезагрузка» (2000–2022 гг.)

Период 2000–2004 гг. отмечен 23 вхождениями, 14 из которых отсылают к сфере информационных технологий. Приведем некоторые из них:

1. Интерфейс CompactPCI поддерживает динамическое удаление и добавление устройств (Hot Swap), т. е. контроллеры могут быть добавлены в систему, удалены и заменены без выключения системы и **перезагрузки** операционной системы (ОС) [Технология сетевого взаимодействия интеллектуальных периферийных контроллеров по системной шине // «Геоинформатика», 2001.08.23].

2. Устранялась она как на компьютере — **перезагрузкой**, то есть выключением и включением двигателя [Федор Александров. Audi A4 3.0 Qattro: 12100 км // «Автопилот», 2002.11.15].

3. Причем вредить вирус начинает не сразу, а лишь после следующей **перезагрузки** системы [Александр Латкин. Вирус человеческих душ. Билл Клинтон возвращается // «Известия», 2002.03.25].

4. Браузер легко позволяет организовать возможность повторения таких действий путем **перезагрузки** Web-страницы — возврата к исходному виду [Н. Н. Подольская, А. А. Подольский. Компьютерная обучающая программа для подготовки инженерно-технического персонала автоматизированной системы управления воздушным движением // «Информационные технологии», 2003.09.29].

5. Программа выполнила недопустимую операцию и будет закрыта, если ошибка будет повторяться, обратитесь к разработчику — «Enter» — повторное нажатие клавиш «Ctrl», «Alt» и «Del» приведет к **перезагрузке**... [Надежда Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003].

Принадлежность термина к компьютерному дискурсу подтверждает лексика, используемая в качестве прямого дополнения при отглагольном существительном *перезагрузка* или более общий контекст употребления («повторное нажатие клавиш «Ctrl», «Alt» и «Del» (5). Так, среди перечисленных примеров видим сочетания «перезагрузка (операционной) системы» (1 и 3) и «перезагрузка Web-страницы» (4). Кроме того, отмечаем также и непосредственное объяснение значения: под «перезагрузкой» понимается «выключение и включение двигателя (компьютера)» (2) или «возврат к исходному виду web-страницы» (4), но вероятно сам факт наличия объяснения может быть объяснен спецификой источника (2 контекст – технический осмотр, 4 контекст – фрагмент из учебного пособия).

Таким образом, повышение объективной частотности слова *перезагрузка* следует связать с освоением носителем языка нового значения этого слова.

Однако параллельно слово *перезагрузка* употребляется в переносном значении, не отмечаемом в словарях:

6. Ставка делалась на смысловую **перезагрузку** традиционных, общепринятых форм [А. А. Сидякина. Маргиналы // «Уральская новь», 2002].

7. Нужна модернизация левых, **перезагрузка** матрицы, если угодно. Это обеспечит **перезагрузку** всей России [Сергей Доренко. Левые силы - перезагрузка // «Завтра», 2003.08.13].

Здесь мы имеем дело с метафорическим переносом, при котором общество рассматривается как сложно организованная кибернетическая структура, какой является в изначальном компьютерная среда. Так, совершая перенос свойств компьютерной реальности на общественную реальность, носитель языка предполагает, что общество тоже можно *перезагрузить*, т. е. обновить исходные данные, добавив новую информацию и приняв во внимание новые условия. Такие же представления отражаются в примере, приходящемся на 2005–2006 гг.:

8. Это не анархия, а проект, направленный на стирание традиционных социокультурных институтов и социальных образований, а потом возможно создание инициаторами проекта и других социальных образований, после некой **«перезагрузки»** всего [Конфликт цивилизация (миф или реальность) (2006)].

Здесь кажется важным графическое оформление единицы *перезагрузка*. А.А. Зализняк выделяет две функции кавычек: передача «чужого слова» (говорящий по тем или иным причинам использует в своей речи слово, которое он не считает «своим»; это может быть, в том числе, «чужое» значение обычного слова литературного языка, например, сленговое *рассекать* или *зажигать*) [Зализняк 2007] или отражение «своего смысла» (говорящий вкладывает в употребляемое слово нестандартный смысл; кавычки являются сигналом того, что слушающий должен произвести некоторую операцию коррекции, чтобы правильно декодировать смысловое задание говорящего) [Там же]. В

приведенном примере говорящий не полностью уверен, что написание без кавычек будет однозначно воспринято читающим.

Именно в метафорическом значении перезагрузка становится победителем конкурса «слова года» в 2009 г. Написание слова *перезагрузка* в кавычках встречается также в примерах 2007–2010 гг. (кульминационный пик субъективной частотности). *Перезагрузка* пишется в кавычках и без кавычек. Кавычки в этом случае – это уже не сигнал «собственного смысла» говорящего, а коннотация к словам Барака Обамы о **перезагрузке** («reset») как о центральном пункте его будущей внешнеполитической программы [Эпштейн 2009]. Это как раз то употребление кавычек, которое А.А. Зализняк определяет как функцию передачи «чужого слова».

9. Реальная «**перезагрузка**» системы взаимоотношений, пересмотр отживших представлений, возможность измениться и набраться сил и умений для противодействия новым рискам — либо косметический ремонт сложившейся модели миропорядка без ревизии базовых цивилизационных ценностей, возврат к пресловутой «стабильности» [Вызовы человечеству: выбор ответной стратегии // «Знание - сила», 2009].

Кавычки обретают еще одну функцию – вложить в слово «зловещий» смысл, обратный подразумеваемый позитивной оценке:

10. Кстати, динамика террористической активности — это лучший бюллетень о здоровье еще одного дежавю последних лет, «**перезагрузки**» [Михаил Леонтьев. От редакции // «Однако», 2010].

В посткульминационный период употребление слова *перезагрузка* в новом значении («обновление», «переосмысление») продолжает увеличиваться во

временном промежутке 2012–2016гг., достигая пика объективной частотности в 2014 г. Основная часть примеров содержит употребление слова *перезагрузка* в новом значении:

11. **Перезагрузка** губернаторского корпуса началась уже в новогодние каникулы [Инга Воробьева. Кремлевские смотрины для Дагестана // <http://www.rbcdaily.ru/2010/01/12/focus/451431.shtml>, 2010].

12. Происходит **перезагрузка** научной и инновационной политики. Власть, бизнес, общество ждут от этой сферы большего, чем она смогла продемонстрировать в последние десять-двенадцать лет [Дан Медовников, Андрей Фурсенко. Научные нужды страны // «Эксперт», 2014].

13. Поэтому вероятное отстранение российской сборной от Игр-2016 — это не только проигранная политическая борьба, но и шанс на **перезагрузку** и переосмысление того, как вести себя в будущем [неизвестный. По всем статьям // «Огонек», 2016].

Полагаем, что резкий и продолжительный рост объективной частотности слова *перезагрузка* связан с его освоением носителями русского языка. Будучи сначала словом специальной сферы употребления и приобретая постепенно метафорическое переносное значение, эта лексема расширяла контексты и возможности использования. Выстроить временной цикл слова *перезагрузка* в соотношении с его жизненным циклом оказывается достаточно сложным делом. С активизацией «компьютерного» значения слово как будто порывает со своей прежней историей, связанной с многозначным глаголом «загружать». Акад. В.В. Виноградов писал о «противоречии» между постулируемой исторической непрерывностью слова и между прерывностью его активного употребления» [Виноградов 1999: 26]. Возможно, в случае со словом *перезагрузка* оправдано

говорить именно о прерывистости жизненного цикла слова *перезагрузка*. Приведем здесь и другое замечание акад. В.В. Виноградова о «непрерывности существования слова в истории: «...не может быть признано непрерывным существованием многократно возобновляющееся образование таких производных слов, которые в индивидуальной и даже коллективной речевой деятельности самостоятельно возникают как новые слова» [Виноградов 1999: 29].

3.2.4. Слово-победитель 2010 г.

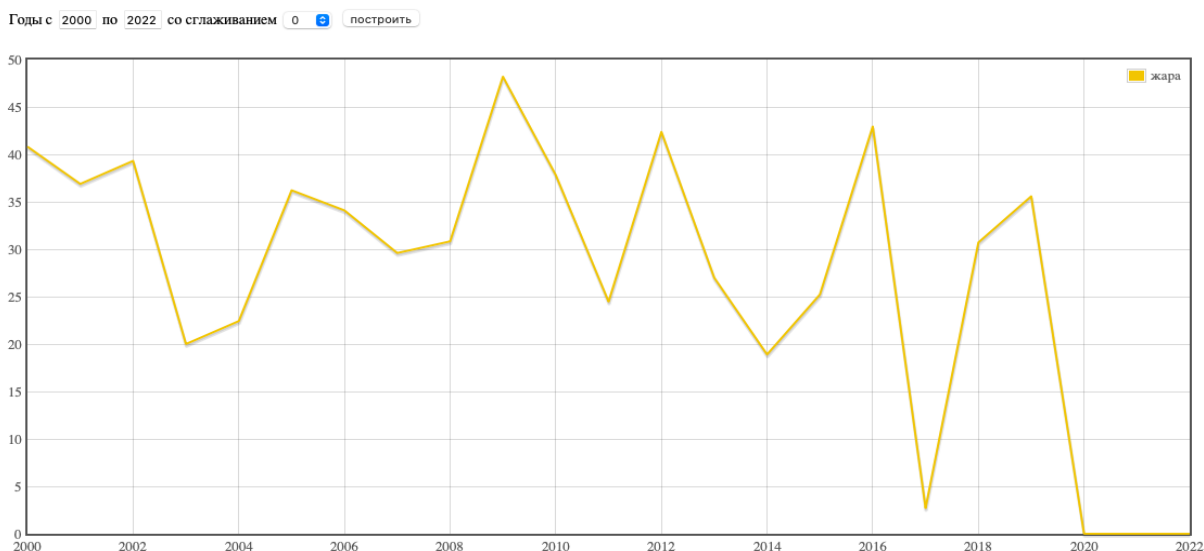
В 2010 г. экспертный совет конкурса избрал победителем слово *аватар*, а участники интернет-голосования – слово *жара*. Эти очень разные слова объединяет один признак: связь с современностью, или актуальность (В декабре 2009г. состоялась российская премьера научно-фантастического фильма «Аватар» Дж. Камерона. Московское лето 2010 г. было исключительно жарким). В остальном же, повторим, между этими словами нет ничего сходного.

Временной цикл слова *Аватар* начинается с кульминационного пика субъективной частотности. «Аватар» – название фильма, то есть это собственное имя. Л. Столович помещает *Аватар* в один ряд с *ник* и *юзерник* [Столович 2012: 34]. *Аватар* как нарицательное имя (получившее вскоре форму *аватарка*) – это «изображение профиля в социальных сетях». Возникает другая интертекстуальная отсылка, раскрытая в единственном контексте на это слово в НКРЯ: «Экзотический термин АВАТАРА, которым у нас манипулировали только специалисты по индуизму и буддизму, в наши дни обрел новую жизнь. В интернет-сообществе так принято называть картинку (изящную, монструозную или смешную), которая на страничке выставляется вместо фото автора.

Картинка-визитка становится «воплощением» тайных чувств или дремлющих в человеке черт. В АВАТАРЕ (АВАТАРКЕ) находят прибежище мечты: внутренний образ, крепко сидящий внутри пользователя, зачастую не похожий на то, что автор видит в зеркале. Священный термин, обозначающий воплощение божества, с чьей-то легкой руки получил хождение и стал повсеместно употребим. [Владимир Иваницкий. Иконка & Аватарка // «Знание – сила», 2010]. Отсутствие данных в НКРЯ не позволяет построить график объективной частотности ни для *аватар*, ни для *аватарка*, однако их включение в интернет-словарь кажется несомненным.

Жара – исконное многозначное существительное. В БТС представлено следующее толкование: «ЖАРА, -ы; ж. 1. Горячий, сильно нагретый воздух (в знойный день или в жарко натопленном помещении). В доме невыносимая ж. От жары мучительно хочется пить. Ж. постепенно спадает, ослабевает (становится прохладнее). 2. Жаркая погода, зной. Летняя ж. Стоит ж. От длительной жары земля потрескалась» [БТС: 299–300]. График изменения объективной частотности представлен на рисунке 5.

Рисунок 5. Объективная частотность слова «жара» (2000–2022 гг.)

Как можно заметить на приведенном графике, слово *жара* имеет достаточно высокую частоту использования в русском языке. График представляет собой резкие перепады: быстрый рост показателя объективной частотности сменяется таким же стремительным снижением. Кульминационный пик субъективной частотности совпадает с пиком объективной частотности, но и в пред-, и в посткульминационном периоде наблюдаются подъемы объективной частотности.

В период 2000–2002 гг. *жара* в большей части примеров представлена во втором из зафиксированных в БТС значений. Выраженное прилагательным определение передает значение «выше нормы»: *страшная, удушающая, невыносимая жара*. Типичны и сочетания *такая жара* с тем же значением. *Жара* может соотноситься с конкретным проявлением жаркой погоды в определенном пространственно-временном локусе либо называть типовую климатическую норму:

1. Манила — это миллионы людей и машин, вечные пробки, лачуги и небоскребы, **удушающая жара** и стопроцентная влажность [Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999-2003)].

2. И вот мы с Теодором в страшную **жару** под 40 градусов стали репетировать этот спектакль [А. С. Демидова. Бегущая строка памяти (2000)].

3. И охота им в такую **жару** устраивать гонки по раскаленной улице? [Вадим Бурлак. Хранители древних тайн (2001)].

4. В первый день нового 1968 года в окрестностях Йоханнесбурга стояла невыносимая **жара** [Александр Мельник. Гостя из космоса // «Формула», 2001.02.15].

Как и прилагательное *жаркий*, *жара* является параметрическим словом. Понятие нормы является относительным, что отчетливо проявляется в сопоставлении:

5. Учитывая также, что чемпионат мира-2003 пройдет летом в Барселоне в открытом бассейне, 40-градусную **жару** в Волгограде следует признать благом; хотя кое-кто капризно и придерживается прямо противоположного мнения [Андрей Митьков. Афины-2004: первое приближение. Главный итог чемпионата России по плаванию // «Известия», 2002.07.11].

Одна и та же температура оценивается в Москве как *дурная жара*, однако при дополнительной мотивации (отдых, курорт) становится привлекательной:

6. Как и в прошлом году, повторился климатический катаклизм — до мая лежал снег, ночные заморозки чуть не до середины июня, а затем — дурная жара за **тридцать** градусов [Виктор Мясников. Водка (2000)].

7. — А лучше — в Таиланд! Тридцать градусов **жары**, море... Путевка самая дешевая — семьсот долларов... [Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000-2002) // «Октябрь», 2002].

В словарях не отмечается метафорическое использование слова *жара* для обозначения высокой степени проявления какого-то действия или состояния:

8. Трясущимися руками я достаю сигарету. — Что, я сильно напился?.. — робко спрашиваю я. — Воще **жара!** [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)].

Такое употребление следует отнести к просторечию-2, учитывая и произношение наречия «вообще». Но возможна и языковая игра, когда *жара* называет и некую накаленную ситуацию, и жаркую погоду:

9. Горячее политическое лето перешло просто в **жару**, когда были достигнуты рекордные по величинам температур дни и ночи и такие же рекордно низкие уровни рек, в том числе и батюшки Рейна [М. Гроссман. Горячее лето Германии // «Богатей» (Саратов), 2003.11.20].

На пике субъективной и объективной частотности слово *жара* сохраняет значение «жаркая погода, зной», но приобретает конкретного референта, а именно жаркую погоду в России. В примерах эксплицитно выражается эта пространственно-временная закреплённость: *жара 2010 года, московская жара, в нынешнем году, этим летом, в России, в Москве*. Эмоциональные определения фактически отсутствуют, остается только одно: *аномальная жара*:

10. Аномальная **жара**, практически все лето гостившая на европейской части России, продолжает последовательно сводить на нет все прогнозы экспертов относительно урожая зерновых в нынешнем году [Призрак голодной зимы // <http://www.rbcdaily.ru/2010/08/18/market/503563.shtml>, 2010].

11. Фокин А. Аномальная **жара** 2010 года: капризы природы или «злой умысел»? [А. Фокин. Аномальная жара 2010 года: капризы природы или «злой умысел»? // «Наука и религия», 2010].

12. Эти процессы, модернизация в нашей стране начались в непростое для всего мира время — время глобального кризиса, а минувшим летом мы столкнулись с аномальной **жарой** и пожарами [Дмитрий Медведев. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // «Российская газета», 2010].

В связи с последним примером отметим сочетание *жара* и *пожары*. В числе номинантов на «слово года» в 2010 году оказалось слово *огнеборцы* – судя по отсутствию в словарях, потенциальное слово, образованное путем сложения основ «огн-» и «-бор-» и присоединения суффикса «-ец-» («-ц-») для обозначения субъекта действия. *Огнеборец* близко по значению к «пожарный», и ясно, что появление этого слова в списке номинантов непосредственно связано с *жарой* 2010 года. В данном случае существенно, что слово *огнеборец* следует отнести к высокой лексике, создающих образ мужественных людей, делающих благородное дело.

В посткульминационный период слово *жара* демонстрирует еще несколько подъемов объективной частотности. Лишь некоторые примеры содержат отсылку к аномальной жаре 2010 года. В реплике И.Г. Милославского фокус внимания смещается на прозвучавший в выступлении Ю. Лужкова глагол *истерить*:

13. Выступая в связи с **жарой** и задымлениями летом 2010 года, Юрий Лужков, призвал москвичей *не истерить*. Этот глагол полностью соответствует нынешним тенденциям в русском языке. Вопрос лишь в том, от какого именно существительного образован глагол *истерить*: от *истерия* или от *истерика*? Как известно, *истерика* — это «припадок истерии» [И. Г. Милославский. Говорим правильно по смыслу или по форме? (2013)].

Временной цикл слова *жара* составил часть жизненного цикла этого слова и не изменил его значения. Кроме публичного дискурса, оно употреблялось и употребляется в повседневном дискурсе и в художественных текстах:

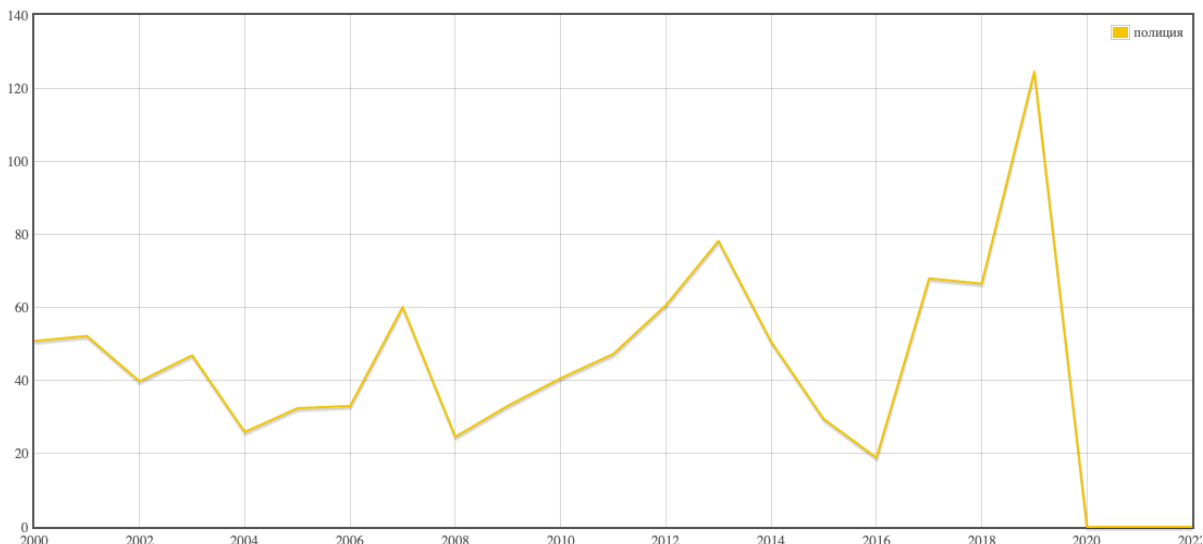
14. Прошлым летом во время тридцатиградусной **жары** в интерьере Агатовых комнат было прохладно [Е. К. Зелинская, Б. П. Игдалов. Хранитель сокровищ (2015)].

15. Стоит **жара**, с кустов черничника осыпаются листки и ягоды. Губы, языки и пальцы у детей синие. Кошка где-то в траве, ее не видно, только время от времени она мяучит то там, то тут, то ли зовет куда-то, то ли ищет чего. Женщина бледна и насторожена, она смотрит то на детей, то на небо [Вадим Шамшурин. Вокруг кошки // «Волга», 2016].

3.2.5. Слово-победитель 2011 г.

«Словом года» 2011 г. было названо слово *полиция*. Согласно словарю Л.П. Крысина «ПОЛИЦИЯ, *ж.* [нем. *Polizei*]. 1. *мн.* нет. В нек-рых странах (с 2011 года и в России): административный орган государственной безопасности и общественного порядка. Служить в полиции. // Ср. жандармерия, милиция (в 1-м знач.). 2. *собир.* Работники этого органа. Поднять на ноги всю полицию. // Ср. милиция (во 2-м знач.). 3. *разг.* Здание, помещение, где находятся работники этого органа. Арестованного привезли в полицию. // Ср. милиция (в 3-м знач.).» [Крысин 2012: 260]. График объективной частотности слова *полиция* представлен на рисунке 6.

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

Рисунок 6. Объективная частотность слова «полиция» (2000–2022 гг.)

Полиция – полностью освоенное заимствование. Слово многозначно, лексико-семантические варианты связаны метонимически: организация/члены или организация/местоположение организации. *Полиция* используется в дискурсе во всех трех значениях, статус «слова года» получает вследствие переименования. Это случай в известном смысле обратный слову *жара*: референт слова *жара* постоянно изменяется, но название остается прежним, в то время как референт слова *полиция* как обозначающего административный государственный орган не изменяется, но название становится иным.

График объективной частотности показывает, что в пределах измеряемого двадцатилетия объективная частотность слова периодически возрастает и в до- и в посткульминационном периоде. Кульминационный пик субъективной частотности наступает в 2011 году, а очередное повышение объективной частотности происходит позже – в 2013 году. Такое несовпадение двух частотностей мы наблюдаем у ряда слов-победителей и номинантов конкурса.

Полиция используется в самых разных контекстах и в разных дискурсах.

Мы выделили те контексты, которые являются наиболее типичными:

А. Контексты, в которых *полиция* выступает в качестве названия правоохранительного органа Российской империи (речь идет о Департаменте полиции при Министерстве внутренних дел Российской империи). Референция отсылка осуществляется как при помощи непосредственного названия организации (3), так и с помощью указания на время и место действия, описываемого в контексте, так и с помощью (1). Указание на время также возможно при перечислении ряда прецедентных феноменов («экипаж царя», «придворные дамы», «знать» (2) и «Преображенский приказ», «Тайная канцелярия» и «слово и дело [государево]» (5) или прецедентных имен (4):

1. 20 июля 1914 года в Санкт-Петербурге **полиция** находилась в весьма затруднительном положении [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)].

2. За экипажем царя следовал пышный кортеж придворных, дам, сановников, генералов и прочей знати, сопровождаемый отрядом казаков и конной **полиции** [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)].

3. Письма с химическим текстом или с шифром фотографировались или отправлялись в Особый отдел Департамента **полиции** [Владлен Измозик. Черный кабинет // «Родина», 2000].

4. Александр III (1845-1894) — один из самых «хозяйственных» и прямодушных русских царей. Усилил роль **полиции** и местной администрации [А. Шубин. Путь к благополучию (2000)].

5. Мы видели его, этот мощный аппарат насилия: учреждения тайного политического сыска (Преображенский приказ, Тайная канцелярия), система

доносительства («слово и дело», фискальная вертикаль); **полиция**, армия, расквартированная по всей стране, выполняющая, в частности, и полицейские функции [Ольга Чайковская. Великий царь или Антихрист? // «Звезда», 2001].

6. Мы знаем случаи, когда “ношение неприличной дворянину одежды” или также “неприличной дворянину” бороды становилось предметом тревоги политической **полиции** и самого императора» [Н. Б. Лебина. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю // Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015].

Б. Контексты, в которых говорится о полиции других государств и населенных пунктов, которых передается прилагательным определением: *австралийская, австрийская, бельгийская, голландская американская, лондонская, парижская, тайландская* полиция и под. Возможный вариант – *местная* полиция:

7. Какие гадости можно ожидать от австралийской **полиции** — это Кустов знал, а Бугалин мог только догадываться [Анатолий Азольский. Монахи // «Новый Мир», 2000].

8. Мы надеялись, что пока их курьеры будут объясняться с австрийской **полицией** по поводу фальшивых доверенностей, мы выпытаем, кто за всем этим стоит [Петр Акимов. Плата за страх (2000)].

9. Лондонской **полиции** все-таки не откажешь в вежливости [Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000)].

10. Обо всем этом рассказывает публикуемый ниже документ — аналитический доклад префектуры парижской **полиции** в Министерство

внутренних дел Франции, который так и называется «Русские революционные эмигранты в Париже» [Последний приют эмигрантов // «Родина», 2000].

11. Довелось мне в тот приезд свести знакомство и с американской **полицией** [Роман Карцев. «Малой, Сухой и Писатель» (2000-2001)].

12. Бывший майор королевской тайландской **полиции** Випол нюх на требования сыскной конъюнктуры имел собачий [Валериан Скворцов. Каникулы вне закона (2001)].

Наряду с общим названием полиции фигурируют и её подразделения: *конная, военная, также военизированная полиция, политическая, тайная полиция.*

В. На протяжении 1992-2003гг. в России действовал правоохранительный орган «Федеральная служба налоговой полиции». Его усеченное название *налоговая полиция* появляется в нейтральных контекстах либо сопровождается явной или скрытой негативной оценкой:

13. Меня пригласили на работу в Федеральную службу налоговой **полиции** [Лев Дворецкий. Шакалы (2000)].

14. На наших глазах вырастает новый «правоохранительный» монстр, которым впору пугать детей, — налоговая **полиция** [Анатолий Кучерена. Бал беззакония (2000)].

15. «Налоговая **полиция** может все!» Вместо эпитафии «временно усопшему» федеральному Закону Российской Федерации «О государственном контроле за соответствием крупных расходов на потребление фактически получаемым физическими лицами доходам» [Анатолий Кучерена. Бал беззакония (2000)].

16. Мне не хочется рассказывать ей, что церковь торгует сигаретами, имеет таможенные льготы на нефть, цветные металлы и что проверять ее боится даже налоговая **полиция** — вдруг отлучат от церкви [М. Н. Задорнов. Фантазии сатирика (2000) // «Октябрь», 2001].

Г. Контексты, в которых совместно встречаются слова *милиция* и *полиция*:

17. Пришлось возразить Ляззат, что, возможно, она ошибается, поскольку такого не бывало и не будет в милициях и **полициях** на всем постсоветском пространстве [Валериан Скворцов. Каникулы вне закона (2001)].

18. А кого это нынче мобилизует на оперативные действия из милиции-**полиции**? [Андрей Измайлов. Трюкач (2001)].

19. — Милиции... Э-э-э, то бишь **полиции** [Валериан Скворцов. Каникулы вне закона (2001)].

Подобные, иногда шуточные, иногда выражающие пренебрежение употребления показывают, что для говорящего сходство двух правоохранительных органов представляется более очевидным, чем их различие. Тем не менее именно переименование милиции в полицию обеспечило *полиции* статус слова-победителя в конкурсе. Число подобных контекстов возрастает в конце нулевых – начале 10-х гг.:

20. И чем финансировать ту же милицию (поправь меня, если я все проспал и ее уже в **полицию** переименовали), лучше создать особое военизированное формирование для обороны трубы? [Герман Садулаев. Таблетка (2008)].

21. — **Полиция**, милиция — какая разница? **Полиция** — даже красивее. «Как в американских фильмах», — говорил Муса. [Герман Садулаев. Шалинский рейд (2009) // «Знамя», 2010].

22. А зачем милицию в **полицию** хотят переименовать? [коллективный. Форум: История — это то, что с нами будет (2010)].

23. Но, приехала милиция, ой, **полиция**))) Выбила пару дверей и окон — и дело пошло значительно веселей [коллективный. Форум: А есть ли позитив в готике? (2011)].

24. — И еще я слышал, что многие, кто в милиции-**полиции** работал, начинают книги писать, — подхватил обрадованный Дзюба, — строят сюжеты на своих делах, которыми занимались [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)].

25. Взять хотя бы пример с теми же часовыми поясами, «зимним временем», переодеванием армии, переименованием милиции в **полицию** и прочее. Какие странные движения управленческой мысли, насколько внешними и малоэффективными оказываются порой заманчивые перемены! [Марат Ямалов. Разглядеть бы общую картину... // «Бельские просторы»].

На примере слов *милиция* и *полиция* можно показать, как меняется во времени языковое сознание носителя языка. На протяжении большей части XX века полиция и милиция воспринимались как два совершенно различных государственных органа: с одной стороны — полиция капиталистических государств (и, во многом, царской России), наделенная самыми неприглядными свойствами, с другой — советская милиция, отношение к которой выразил В. Маяковский: «Моя милиция меня бережет». XXI век формирует иную языковую картину мира: между полицией и милицией нет разницы, и лишь факт переименования, влекущий новую языковую данность, вызывает эмоциональную реакцию носителей языка.

3.2.6. Слово-победитель 2012 г.

Слово, ставшее победителем в 2012 г., – *Болотная*. *Болотная* в качестве имени собственного может отсылать к нескольким московским, питерским и даже челябинским топонимам: Болотная набережная, Болотная площадь, Болотная улица в Москве, Болотная улица в Санкт-Петербурге и Болотная-Садовая в Челябинске. Поиск по НКРЯ в промежутке 2000–2020 гг. выдал 52 контекста, в которых слово *Болотная* является топонимом, а не относительным именем прилагательным (как в сочетаниях типа «болотные почвы»). Приведем график объективной частотности (рисунок 7).

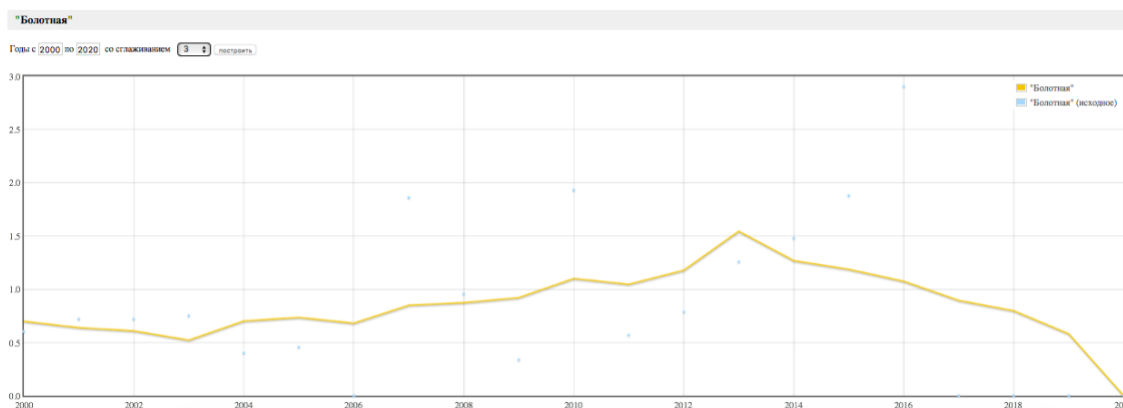

Рисунок 7. Объективная частотность слова «Болотная» (2000–2022 гг.)

Болотная характеризуется двумя типами употреблений. Первый тип – Болотная как топоним: Болотная улица, Болотная набережная:

1. По этой причине появились трещины на стенах домов на улицах Мясницкой, 11, **Болотной**, 12, и на проспекте Мира, 74 [Жизнь москвичей в вопросах и ответах // «Аргументы и факты», 2001.04.04].

2. Пока единственным остается и случай обвала на **Болотной** набережной, 34 [Жизнь москвичей в вопросах и ответах // «Аргументы и факты», 2001.04.04].

3. 5 сентября 1774 года Белобородова обезглавили в Москве на **Болотной** площади [Алексей Иванов. Message: Чусовая. Части 4-5 (2007)].

4. За Софийской набережной, ближе к Водоотводному каналу, на **Болотной** площади находится сквер, разбитый в 1947 году на месте «Болота», низменной местности, где в старой Москве происходили казни — здесь был четвертован Емельян Пугачев [С. Романюк. Остров в центре Москвы // «Наука и жизнь», 2007].

Второй тип употреблений содержит метонимический сдвиг. Метонимический сдвиг наблюдается в отношении *Болотной площади* и затем — уже в отрыве от *площади* — Болотной как собственному имени (о значении собственных имен см. главу 2). *Болотная* обретает новое значение и с этим значением получает статус слова-победителя конкурса. Такой же сдвиг наблюдается и в сочетании *проспект Сахарова*:

5. Пока **Болотная** площадь и проспект Сахарова предпочитают говорить о гражданских правах и нарушениях закона, Путин говорит об экономике, понимая, что только на этом может набрать те голоса, которых ему пока не хватает для победы в первом туре [коллективный. Год выборов // «Русский репортер», 2012].

6. Кроме того, ради достижения своих целей активисты, особенно скрытые сторонники **Болотной-Сахарова**, давно уже разделились на две группы [Виталий Третьяков. Почему у нас ничего не получается (часть 2) // «Эксперт», 2013].

7. Дальше случилась **Болотная**, Владимир Путин сообщил обществу о явной нехватке духовных скреп, а потом был присоединен Крым [коллективный. Советский сценарий для России // «Русский репортер», 2014].

В посткульминационный период в НКРЯ зафиксирован единственный пример данного типа употреблений.

8. Почему Собчак? Ксению я знаю еще с 2011 года, с **Болотной** [Дмитрий Гудков. Полишинель раскрывает секрет (2018.03.15) // «Сноб», 2018].

Болотная в статусе «слова года» характеризуется кратким временным циклом и совпадением пика субъективной и объективной частотности. Временной и жизненный цикл *Болотной* как номинации события совпадают. Утратив признак «современность», *Болотная* теряет коммуникативную востребованность.

3.2.7. Слово-победитель 2013 г.

Госдура, ставшее словом года в 2013 г., – окказиональное слово, содержащее отсылку к *Госдума* и образованное по той же модели. *Госдура* демонстрирует один из приемов языковой игры. В БТС при слове *дура* стоит стилистическая помета *Бранное* [БТС 2004: 288]. Как метафорическая номинация, включающая бранное слово, *Госдура* содержит негативную оценку, относящуюся деятельности нижней палаты парламента Российской Федерации. Среди слов-победителей конкурса данное слово является единственным окказиональным и однозначно оценочным словом. НКРЯ приводит всего три примера употребления слова. Два из них – сообщения о результатах конкурса, в одном содержится оценочная квалификация слова:

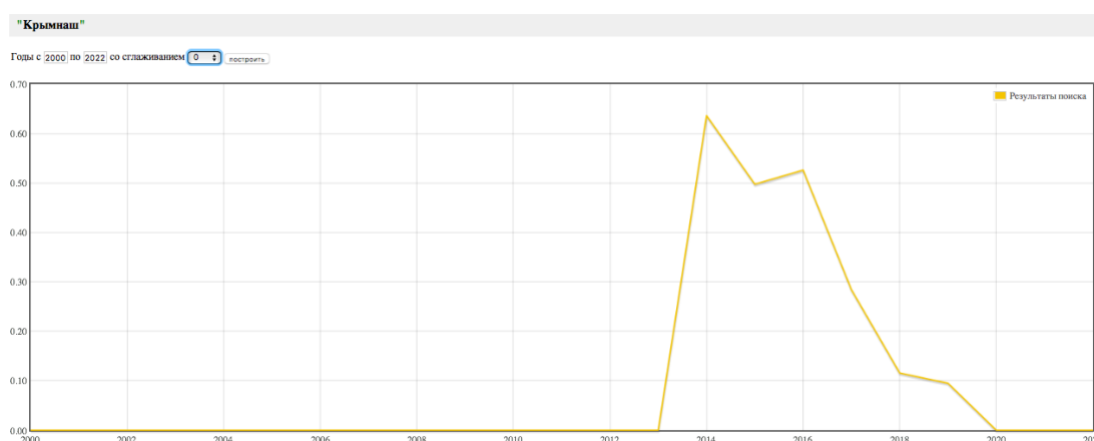
1. — Кстати, за такие законы Госдума в 2013-м получила много обидных прозвищ — **Госдура**, бешеный принтер... [Владимир ВОРСОБИН. Писатель

Захар Прилепин: Сейчас Россия может диктовать свою политику // Комсомольская правда, 2014.01]

Итак, временной цикл слова *госдура* сводится к кульминационному пику субъективной частотности. Не отвечающее хорошему вкусу, слово бесследно уходит из языка.

3.2.8. Слово-победитель 2014 г.

В 2014 г. «словом года» стал *Крымнаш*. В издании «Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2015» утверждается, что данное окказиональное существительное построено по модели «имя собственное + «...наш» [Козулина 2020: 80]. Нам представляется, что *Крымнаш* образовано по модели слияния, когда в «качестве базы для слова используются словосочетания или предложения» [Земская 2005: 193], ср. приводимые Е.А. Земской примеры: *какбычегоневышлизм*, *кругомвиноватость* [Земская 2005: 193]. *Крымнаш* – несклоняемое существительное мужского рода, имеющее несколько вариантов написания («Крымнаш», «КрымНаш», Крым Наш, «крымнаш», крымнаш).

Рисунок 8. Объективная частотность слова «крымнаш» (2000–2022 гг.)

На рисунке 8 представлен график объективной частотности *Крымнаш*. Его временной цикл характеризуется совпадением субъективной и объективной

частотности и последующим постепенным сокращением числа употреблений в посткульминационный период. Примеры из НКРЯ достаточно однотипны в том плане, что в них получают выражение разные точки зрения на то событие, номинацией которого на несколько лет стал *Крымнаш* (уже в 2019 году его называют словом «пятилетней давности»), ср.:

1. Я был против «**крымнаш**», и меня возмутило то, что все друзья и знакомые поддержали то, что случилось. [Ольга Боброва. Иса. Калужский парень Серега Трофимов бросил все и уехал воевать в Сирию. // Новая газета, 2018.11.14].

2. Однако я, являясь оппозиционером, убежден, что неприятие тезиса **КрымНаш** и понятия Новороссии городской интеллигенцией, креативным классом является не просто тупостью, а вопиющим национального масштаба преступлением. [Эдуард Лимонов. Почему не получается? // Московский комсомолец, 2016.05.16].

3. Россияне не готовы отказываться от #**крымнаш**. [Беседовала Наталья Гранина. Смутное чувство // lenta.ru, 2014.11.05].

4. У них же, у народа, лица повеселели, глаза заблестели после **КрымНаш**, оживились все, воспряли духом! [Эдуард Лимонов. Почему не получается? // Московский комсомолец, 2016.05.16]

Крымнаш оказался «негибким» словом в отношении грамматической ассимиляции (*бремя «Крымнаш», после крымнаш*). Его форма остается неизменной в названиях различных компаний и агентств. *Крымнаш* допускает атрибутивные распространители, занимает в предложении позиции подлежащего и дополнения (прямого и косвенного), спорадически выступает как характеризующий предикат:

5. Сразу после присоединения Крыма можно было говорить об однозначном патриотическом всплеске среди молодых, многие из них были «крымнаш». [Беседовала Наталья Гранина. «Зачем прессовать подростков?» // lenta.ru, 2017.04.05].

Один пример из НКРЯ показывает, что *Крымнаш* может изменить свое значение и стать собирательным именем в результате метонимического переноса:

6. И выпив, пошел гулять "крымнаш"... [Александр ГРИШИН. Пусть жужжат! // Комсомольская правда, 2014.07.24].

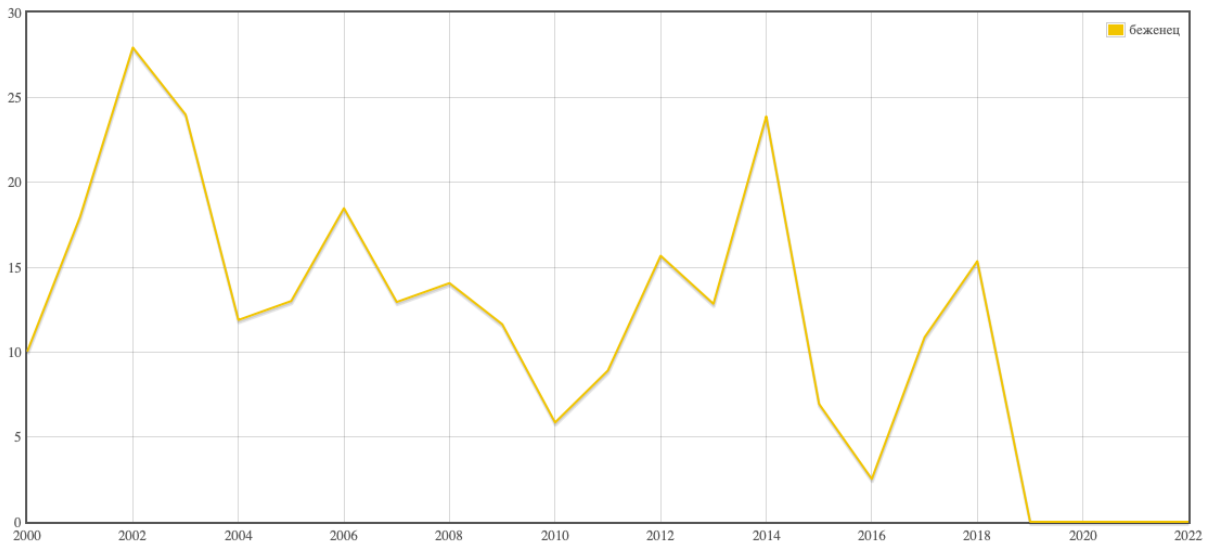
Как «слово года», *Крымнаш* оказался напрямую связанным со своим референтом и одновременно избыточным, дублирующим антропонимом по отношению к *Крыму*. Его временной цикл имеет те же характеристики, что и временные циклы окказиональных слов в целом.

3.2.9. Слово-победитель 2015 г.

В 2015 г. «словом года» стали *беженцы*. «**БЕЖЕНЕЦ** – человек, покинувший место своего жительства, спасаясь от бедствия (землетрясения, войны, голода и т. п.)» [БТС 2004: 64], беженец – исконное однозначное слово, чье значение легко прочитывается по внутренней форме, определяемой словообразовательной структурой. График объективной частотности представлен на рисунке 9.

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

Рисунок 9. Объективная частотность слова «беженец» (2000-2022 гг.)

Жизненный цикл слова включает в себя его временной цикл. Предкульминационный период (в пределах двух десятилетий XXI века) содержит максимальное повышение объективной частотности в 2002 г. и дальнейшее чередование спадов и подъемов, в посткульминационный период – спад после пика субъективной частотности и менее значительное повышение в 2018 году. Объективная частотность слова *беженец* повышается всякий раз, когда оно начинает связываться с конкретным событием, вызвавшим появление беженцев в разных регионах мира. В 2002 году таким событием стал исход беженцев из КНДР в Китай и Южную Корею:

1. По некоторым оценкам, уже сейчас в Китае находится порядка 300 тыс. **беженцев** из Северной Кореи [В. В. Михеев. Интеграционная мотивация проблемы формирования структуры безопасности через соразвитие в Северо-Восточной Азии // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.04.29].

2. Поскольку **беженцы** находятся на территории КНР нелегально, то выехать в Южную Корею официальным путем, с надлежащим образом

оформленными документами, они не могут [А. Н. Ланьков. Выходцы из КНДР в Южной Корее: проблемы и перспективы // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.04.29].

Беженцы становятся «словом года» именно с такой «конкретизацией» референта. Таким образом «слово года» насыщается признаками «современность» и «актуальность». *Беженцы* появляются в разных регионах:

3. История о том, как группа **беженцев** из Донбасса попала в долговую кабалу к предпринимателю из Мордовии Евгению Чалову («Хозяин — барин», «Русский репортер» № 48 от 11 декабря 2014 года) [Владимир Емельяненко. Разбежались // «Русский репортер», 2015].

4. Кроме того, в 2015 году число **беженцев** с Ближнего Востока и из Африки, прибывших в Грецию, превысило их приток в Италию. [Гжегож Колодко. Как избежать африканизации Греции // «Эксперт», 2015].

Существительное *беженцы* употребляется почти исключительно во множественном числе (ср. официальное название *Всемирный день беженцев*). Контексты употребления слова *беженец* достаточно четко делятся на три группы. Одна группа – это сообщения о конкретных перемещениях людей (они могут быть названы *выходцами* и *перемещенными лицами*); вторая группа контекстов содержит информацию общего типа, например, о количестве беженцев в мире, и наконец, третья группа – примеры из современных художественных текстов, в которых «беженцы» появляются как характерная примета времени. В этих прямо или косвенно выражается сочувственное отношение к беженцам:

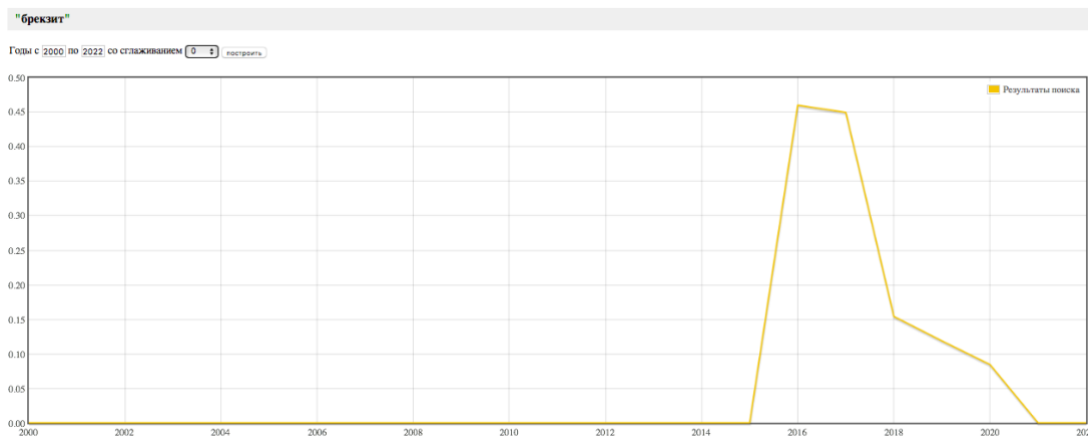
5. Ты даже ни одну семью **беженцев** не приютил [А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015].

6. С помощью цветных проводов и старой ванны Сулейман-Василий позолотил изготовленный у жестянщика новый купол, нанял армянских работяг из **беженцев**, и те взгромоздили купол на церковный барабан [Александр Снегирев. Вера (2015)].

7. — «**Беженцы** мы, из Бендер, — запричитали бабы. — Война была, все погорело, куда пойдешь... Добрые люди вот приютили, дают греться, а так совсем пропали бы... [Т. Н. Толстая. Войлочный век (2015)].

3.2.10. Слово-победитель 2016 г.

Победителем в номинации «Слово года» в 2016 г. стал *брекзит* (англ. Brexit образовано путем контаминации Britain «Британия» и exit «выход»). Иноязычное слово имеет разные написания («Брекзит», Брекзит, брекзит, Brexit, Вrexit / брекзит, брексит), балансируя между принадлежностью к собственному/нарицательному имени. Как собственное имя «Брекзит» не склоняется: участники «Брекзит», в связи с предстоящим 23 июня «Брекзит», как нарицательное допускает формы косвенных падежей: *фактор «брекзита», если референдум приведет к «брекзиту»*. Образованные по сходной модели *грекзит, америкзит* в примерах из НКРЯ появляются единожды. График объективной частотности *брекзит* представлен на рисунке 10.

Рисунок 10 – Объективная частотность слова «брекзит» (2000–2022 гг.)

Жизненный и временной цикл слова *брекзит* фактически совпадают. Слово не имеет предкульминационного периода, пик субъективной и объективной частотности фиксируется в одно и то же время, в посткульминационном периоде объективная частотность резко снижаются.

Брекзит стал «словом года» как номинация события, значительного в мировом и европейском масштабе. *Брекзит* – слово политического дискурса. Примеры на слово *брекзит* содержат мнения о возможном выходе Великобритании из ЕС, о причинах и непосредственных его последствиях, о сторонниках и противниках *брекзита*:

1. По мнению международных инвесторов, британские активы станут менее привлекательными в случае **Brexit** [неизвестный. Индикаторы // «Эксперт», 2016].

2. По его мнению, **Брекзит** может вызвать к жизни второй шотландский референдум о независимости [Любовь Глазунова. Британский политик: Brexit дал шанс укрепить связи с Россией // Московский комсомолец, 2017.03.31].

3. Не думаю, что **Брекзит** негативно на нас скажется, — подчеркнула Элизабет Джонс [Любовь Глазунова. Британский политик: Brexit дал шанс укрепить связи с Россией // Московский комсомолец, 2017.03.31].

4. Популярность UKIP и рост числа сторонников выхода Британии из Евросоюза, «брекзита» (по аналогии с «грекзитом», возможным выходом Греции из еврозоны и ЕС), во многом обусловлены ростом миграции из других стран ЕС в последнее десятилетие [Н. Федотовский. «Брекзит»: по тормозам // «Эксперт», 2016].

5. Хотя пока известны не все имена министров, уже сейчас можно сказать, что Тэреза Мэй, сама не поддерживавшая "Брекзит", удержалась от назначения на ключевые посты исключительно тех, кто агитировал за выход [Британия: новый премьер назначает министров // Vesti.ru, 2016.07.14].

6. Фактор «брекзита» уже влияет на ситуацию с инвестициями, поскольку бизнесу не нравится работать в условиях неопределенности [Н. Федотовский. «Брекзит»: по тормозам // «Эксперт», 2016].

7. Если референдум приведет к «брекзиту», то начнется масштабный отток капитала», — сказал «Эксперту» Ян Герхард, аналитик компании IHS Global Insight [Н. Федотовский. «Брекзит»: по тормозам // «Эксперт», 2016].

8. В ходе видеомоста Москва-Лондон эксперты попытались выяснить, какими последствиями Брекзит обернется для страны [Любовь Глазунова. Британский политик: Brexit дал шанс укрепить связи с Россией // Московский комсомолец, 2017.03.31].

3.2.11. Слово-победитель 2017 г.

В 2017 г. «словом года» стала *реновация*. «РЕНОВАЦИЯ, -и; ж. [лат. Renovation – обновление, возобновление] Экон. Процесс обновления, замещения выбывающих в результате физического и морального износа элементов основных производственных фондов новыми. <Реновационный, -ая, -ое. Р.

процесс. Р-ая перестройка промышленности» [БТС 2004: 1117]. Реновация – полностью освоенное заимствование. В широком значении «обновление» *реновация* может использоваться в разных дискурсах. В НКРЯ первый пример употребления слова *реновация* относится к 1935 году:

1. Перипетия, со стороны мышления, представляет собой в композиции то же, что и круговое движение в шествии хора; она несет функцию катастрофы как циклического возврата в первооснову и соответствует моменту гибели, за которым наступает **реновация**. [О. М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра (1935)]

В широком значении «обновление» *реновация* используется и в другом примере:

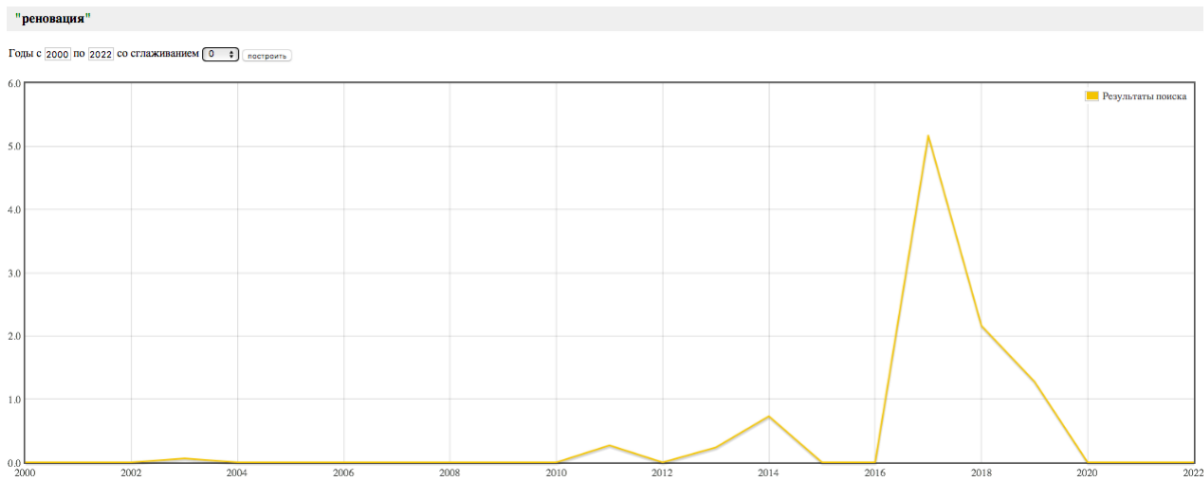
2. К тому же полная **реновация**, отличный звук и разные музыкальные стили, от хип-хопа до соул и евродэнс, подтверждают заслуженную репутацию бывшего клуба «Faith», а ныне модного «Glow» [А. С. Шигапов. Бангкок и Паттайя. Путеводитель (2013)].

Имеются и примеры сужения значения слова *реновация*, когда «обновление» и «реконструкция» относится к экономической деятельности:

3. Один из знаковых для региона проектов -- **реновация** экономики Байкальска и Слюдянского района, где основным работодателем был прекративший свою деятельность Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат (БЦБК) [Сергей Чернышов. Двойной удар // «Эксперт», 2014].

4. Первый проект -- **реновация** Байкальска в связи с закрытием Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. [Сергей Ероценко, Сергей Чернышов. «Инвесторы не теряют к нам интереса» // «Эксперт», 2014].

Эти примеры говорят о том, что жизненный цикл слова *реновация* начинается раньше его временного цикла. График объективной частотности представлен на рис. 11.

Рисунок 11. Объективная частотность слова «реновация» (2000–2022 гг.)

У слова *реновация* кульминационный пик субъективной частотности совпадает с пиком объективной частотности. Предкульминационный период показывает два весьма небольших повышения объективной частотности. В посткульминационный период объективная частотность идет явным образом на спад. «Словом года» *реновация* становится как название в первую очередь московского «обновления» в сфере строительства (имеется в виду «Программа реновации жилья» в Москве, которая направлена на расселение и снос ветхого малоэтажного жилого фонда, построенного в 1957–1968 годах, и новое строительство на освободившейся территории): Один из знаковых для региона проектов — **реновация** экономики Байкальска и Слюдянского района, где основным работодателем был прекративший свою деятельность Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат (БЦБК) [Сергей Чернышов. Двойной удар // «Эксперт», 2014].

5. Но потом вперед вырвалась чисто российская (даже уже -- московская) «**реновация**» [Ксения Туркова. В объятиях «домоганта». Какие слова стали главными в 2017 году (2017.12.27) // «Сноб», 2017].

Несовпадение взглядов на московскую реновацию показывают два примера:

6. И мэра Собянина я люблю, и **реновацию** [Антон Красовский, Дмитрий Козаченко. Антон Красовский «Я всегда буду на стороне Ксении Собчак, что бы она ни говорила» // Афиша Daily, 2017].

7. В этом смысле **реновация** (она же *хреновация*) стала довольно точным словом-знаком нашего времени, когда люди получают совсем не то, что обещают им чиновники [Ксения Туркова. В объятиях «домоганта». Какие слова стали главными в 2017 году (2017.12.27) // «Сноб», 2017. НКРЯ].

В примере 7 появляется окказиональное слово *хреновация*, образованное «по конкретному образцу», в нем выделяется бранное слово, и таким образом сама *реновация* получает отрицательную оценку. Перед нами, несомненно, пример языковой игры, однако, на наш взгляд, игры примитивной и тем самым себя дискредитирующей.

В посткульминационный период *реновация* возвращается к своему более широкому значению, о чем свидетельствует следующий пример:

8. Быстро матеревший Соснин вскоре осознал, что он постепенно становится заправским лютером, начал усваивать протестантскую этику -- сберегать деньги, много работать, быть ответственным, происходила как бы **реновация** его воззрений, а главное -- его осторожно и тщательно прощупывают на предмет истинных убеждений, стремятся распознать, нет ли у него «второго дна» [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019].

3.2.12. Слово-победитель 2018 г.

В 2018 г. победителем стал «Новичок» – название группы отравляющих веществ. Выбор «слова года» определялся конкретным событием, которое следующим образом представлено в ноте МИД РФ:

1. «Как известно, 15 октября Евросоюзом введены санкции в отношении граждан России из-за инцидента с оппозиционером Навальным, против которого, по бездоказательному утверждению стран ЕС, было применено отравляющее вещество типа "Новичок" [Нота МИД РФ: в ответ на санкции расширен список невыездных британцев // Vesti.ru, 2020.12.30]».

Ниже приводится график объективной частотности слова «Новичок»:

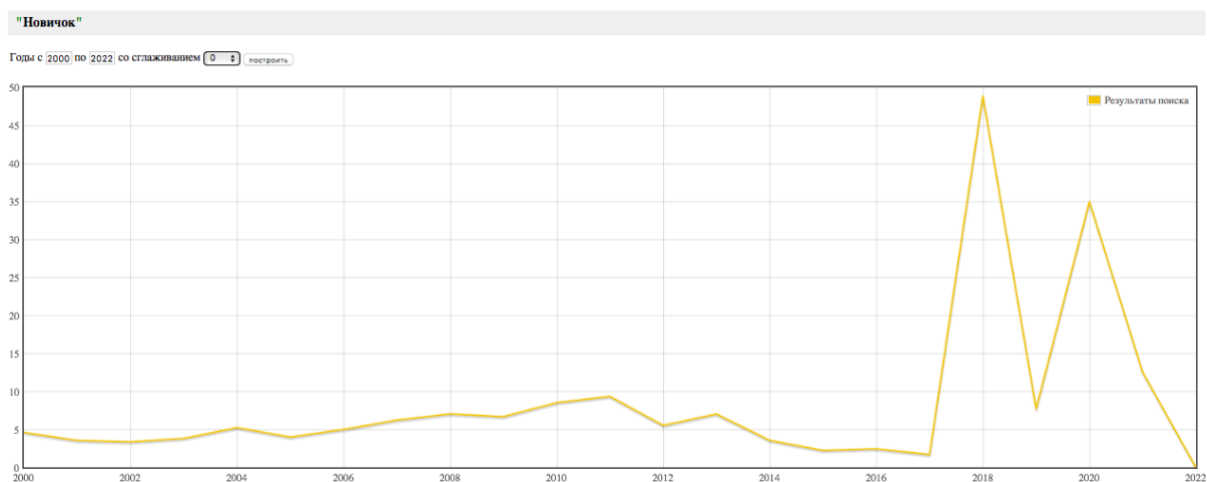

Рисунок 12. Объективная частотность слова «Новичок» (2000–2022 гг.)

Временной цикл слова *Новичок* как собственного имени указанного изделия характеризуется совпадением кульминационно пика субъективной частотности и пика объективной частотности, незначительными повышениями объективной частотности в предкульминационный период и одним значительным повышением в посткульминационный период. Примеры употребления слова «Новичок» однотипны и относятся к новостному дискурсу.

Упомянем окказиональное «НОВИЧОК-САНКЦИЯ», приведенное в издании «Новое в русской лексике. Словарные материалы» [Громенко 2020: 67] и приведем единственный контекст, в котором *новичок* употребляется не как конкретно-референтное собственное имя, а в составе сравнения:

2. «Потому что вот это «весьма вероятно» — главное оружие сегодняшних пропагандистов, оружие действительно разрушительной силы, поражающее умы миллионов не менее эффективно, чем любой нервно-паралитический «**новичок**» [Станислав Кучер. Вери хайли лайкли (2018.03.15) // «Сноб», 2018].

3.2.13. Слово-победитель 2019 г.

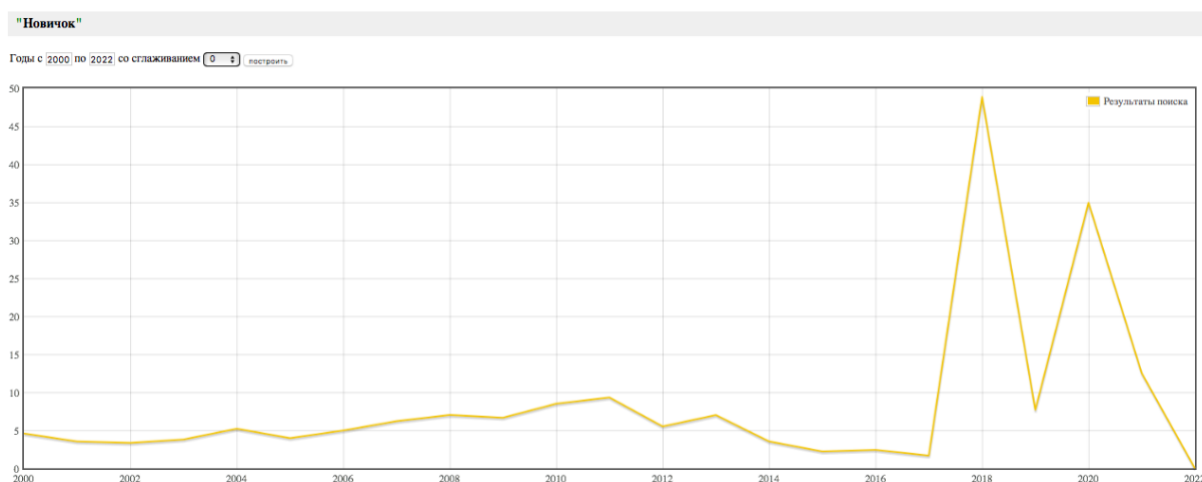
«Словом года» в 2019 году стал *протест*. «ПРОТЕСТ, м. [нем. Protest <ит. protesta <лат. protestari – торжественно заявлять, свидетельствовать].

1. Решительное возражение против чего-л. *Демонстрация протеста*.

2. юр. Заявление о несогласии с каким-л. решением. *Прокурор заявил протест.*»

(«Крысин 2012: 274). Протест – давно освоенное заимствование, многозначное нарицательное имя. График объективной частотности слова представлен на рис.

13:

Рисунок 13. Объективная частотность слова «протест» (2000–2022 гг.)

Временной цикл слова *протест* включается в его жизненный цикл слова *протест* (в пределах первых десятилетий XXI века). Кульминационный пик субъективной частотности слова непосредственно примыкает к году выбора «словом года» и совпадает с пиком объективной частотности. Предкульминационный период характеризуется более или менее равномерными спадами и повышениями объективной частотности; в посткульминационный период наблюдается одно значительное повышение объективной частотности.

Слово *протест* в первом значении («решительное возражение против чего-л.») используется в двух типах контекстов. В первом случае речь идет о протестах, относящихся к частной жизни человека в разных её проявлениях, во втором – о протестах, относящихся к жизни общества и государства. Оба типа употреблений представлены на протяжении всего временного цикла. Покажем на примерах два указанных типа употреблений:

1. Я разозлился и выразил Игорю свой энергичный **протест**, на что он со своей обычной непробиваемой улыбкой заявил: «Чего ты шумишь? [Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)].

2. У меня есть приятель, у него пятеро детей — так он рождение всех своих детей снимал на камеру и потом периодически пытался на семейных застольях это видео показать гостям, что вызывало бурные **протесты** жены [А. А. Данилова, Тутта Ларсен. Тутта Ларсен: «Мои дети не будут делать татуировки» // 2017].

Протест (и «личный», и «общественный») может иметь невербальное выражение. В этом случае в тексте появляется устойчивое выражение *знак протеста*:

3. Однажды, в знак **протеста**, я, раздобыв ножницы, срезала почти все свои волосы, устроив маме сюрприз [Софья Пилявская. Грустная книга (2000)].

4. В одном из сеансов связи я пригрозил, что если не пришлют машинку для стрижки на «грузовике», то побрею голову в знак **протеста** [Ю. В. Усачев. Дневник космонавта (2001)].

5. И он выдвинул ультиматум: если не едет Юрий Башмет — гастролы не состоятся и, мало того, в знак **протеста** он два года не будет давать концерты в Москве [Юрий Башмет. Вокзал мечты (2003)].

Общественный характер протеста нередко маркируется дополнительно относительными именами прилагательными «социальный» (6-8) и «коллективный» (9). Протест может исходить от государства, церкви, различных общественных и профессиональных организаций, группы лиц одной профессии, одного района и пр.:

6. Углубляющийся экономический кризис, вспышки социального **протеста**, растущая политическая нестабильность, ощущение национального унижения объективно создают опасность появления массовых политических движений экстремистского толка [Анатолий Кучерена. Бал беззакония (2000)].

7. Социальный **протест**, даже возникая по тем или иным частным поводам, тут же затухает, не имея внутренней энергии [Никита Покровский. В зеркале глобализации // «Отечественные записки», 2003].

8. Церковь не выражала **протестов** против такой практики [Основы социальной концепции Русской православной церкви // «Альфа и Омега», 2000].

9. Владимир Галактионович Короленко, который участвовал в этих совещаниях, составил текст коллективного **протеста**, озаглавленный «К

русскому обществу (по поводу кровавого навета на евреев)» [Белла Корченова. Живая совесть русского народа // «Вестник США», 2003.09.17].

Многочисленны примеры, в которых слово *протест* употребляется для разговора о протестных акциях, массовых общественных выступлениях, что подчеркивается соседством слова *митинг* и однокоренного ему разговорного «митинговщина», употреблением сочетания «акция протеста». В одном из примеров находим перечисление возможных форм выражения общественного протеста:

10. Казалось, сама природа решила испытать рыбаков на прочность, и в день митинга-**протеста** против правительственного решения лишить Приморский край 30 процентов промышленных квот в городе нашенском было ветрено и морозно [Елена Воронежцева. Услышат ли в Москве? // «Рыбак Приморья», 2003.01.23].

11. На словах обличал антикрестьянскую политику режима, но повернул дело так, что массовый крестьянский **протест** вылился в малоэффективную митинговщину, выдохся, ушел, как вода в песок [Василий Егоров. Николай Харитонов: «Никакие Лапшины и Кулики Кремлю не помогут...» // «Завтра», 2003.06.20].

Протест может быть соотнесен с конкретным выражением чьего-либо несогласиями и с повторяющимися однотипными способами выражения несогласия:

12. Мой протест в 1968 году имел достаточно скромный и даже комедийный характер [М.А. Захаров. Театр без вранья (2007)].

13. Под лозунгом “We dance together, we fight together” собравшиеся устроили рейв-**протест** прямо в центре Тбилиси [Дара Марич. За что пресную вечеринки? Мнения рейверов, организаторов и сотрудника МВД Москвы].

14. Решительное подавление китайскими властями этих акций **протеста** получило широкий резонанс в мире [Николай Листопадов. Что происходит в Тибете // «Наука и религия», 2008].

Судя по примерам в НКРЯ, *протест* стал «словом года» не в соотнесении с конкретным событием, а в обобщенном значении, предполагающем осмысление феномена общественного протеста:

15. Любой **протест** может стать постоянным действием, нормой жизни, действительно способом существования, но при этом он не достигает подлинной отделенности, инаковости по отношению к системе, потому что сам этот бунт против системы -- по существу системен. [священник Константин Корепанов. К вопросу о богословском содержании понятия «святость» в Священном Писании Ветхого Завета // «Церковь богословие история», 2020].

16. У нас, наоборот, причины набата ясны: неосознанный **протест** высокого давления, злоба невысказанная, внутрь загнанная, неверие растущее. [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019]

17. У русских **протест** иногда принимает изощренные формы. [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019].

Перемещаясь в позицию предиката, *протест* выступает как способ осмысления различных культурных феноменов:

18. Неслышание полифонии — это **протест**: мелодия (мысль одинокой души) должна быть только одна, как голос одного человека. [Владимир Будников. Четырежды романтическая душа // «Дальний Восток», 2019].

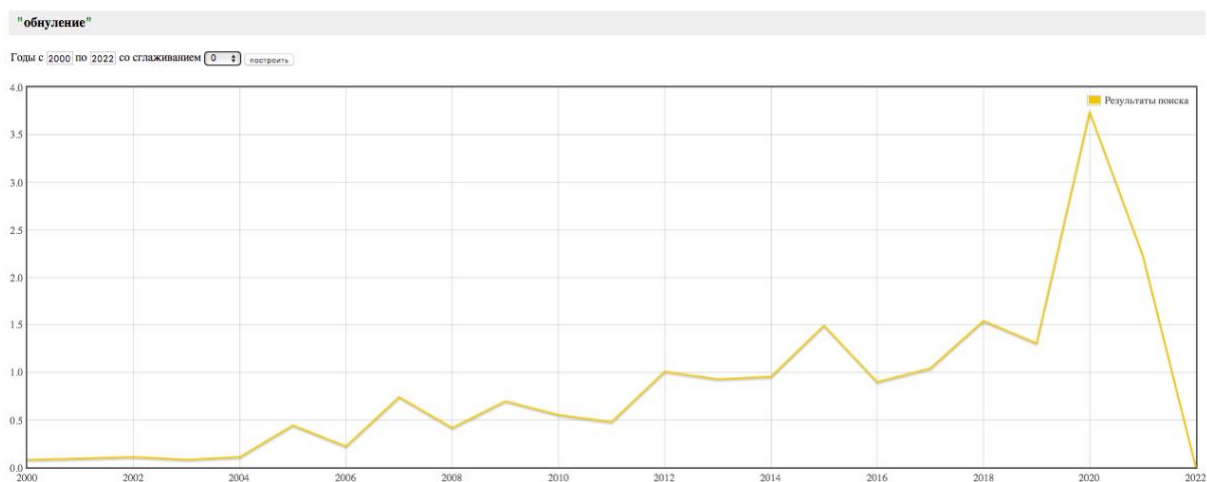
19. Проблематика фильма шире — это, скорее, **протест** метафизический. [Асса Новикова. «Асса» forever. Почему главный фильм русского рока до сих пор актуален и любим (2019)].

3.2.14. Слово-победитель 2020 г.

В 2020 г. «словом года» было объявлено *обнуление*. «ОБНУЛЕНИЕ, я, ср. В информатике – действие по знач. глаг. Обнулять, обнулить», в свою очередь «ОБНУЛЯТЬ, яю, яешь, несов.; обнулить, лю, лишь, сов.; перех. 1. В информатике – устанавливать количественный показатель прибора, устройства и т. п. в нулевом, исходном положении. 2. Перен. Разг. Сводить что-л. к нулю; лишать полностью смысла, содержания, значения» [БАС: 212]. В издании «Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2020» находим следующее толкование. «ОБНУЛЕНИЕ*, я, ср. О новом отсчете президентских сроков с момента принятия поправок в Конституцию РФ в 2020 г. (разг.)» [НВРЛ: 99]. Помимо слова *обнуление*, в словаре приводится достаточно большой словообразовательный ряд, в котором мотивирующим является глагол «обнулить(ся)» во втором из зафиксированных БАС значений: «обнулевка», «обнулевщик», «обнулевщица», «обнулеж» (с пометкой «ирон.»), «обнулемс» (с пометкой «ирон.»), «обнуленд» (с пометкой «ирон.»), «обнулендум», «обнуленец» (с пометкой «разг.»), «Обнуленин» (с пометкой «ирон.»), «обнуленка», «обнуленыш» (с пометкой «ирон.»), «обнулеть», «обнулизм», «обнулин», «обнулитель», «обнулительный», «обнулительство», «обнульный»,

«обнуляж», «обнуляйка», «обнуляйтунг», «обнулямс», «обнулята», «обнулятор», «обнуляторный», «обнуляция». Это окказиональные слова, (часть из которых снабжена пометой ирон.), представляющие примеры языковой игры.

График объективной частотности слова «обнуление» представлен на рисунке 14.

Рисунок 14. Объективная частотность слова «обнуление» (2000–2022 гг.)

Кульминационный пик субъективной частотности слова «обнуление» совпадает с пиком объективной частотности. В предкульминационном периоде наблюдается неуклонное нарастание объективной частотности слова. В пределах рассматриваемого жизненного цикла посткульминационный период не представлен. *Обнуление* – исконное многозначное слово. В НКРЯ очень немногие примеры можно отнести к употреблению слова со специальным значением, относящимся к информатике. Напротив, употребление слова во втором значении представлено очень широко, и помета *разг.*, которой сопровождается значение этого слова в словаре, вряд ли оправдана. *Обнуление* характерно для письменного книжного дискурса, применительно к разным сферам деятельности, но прежде всего – к финансовой, ср. *обнуление налога на прибыль, обнуление пошлины, обнуление налога на имущество, обнуление*

годовых темпов роста реальных зарплат и др. В НКРЯ большая часть таких примеров приходится на 2020 год:

1. Также поправки в Налоговый кодекс предусматривают **обнуление** на десять лет ставки налога на прибыль в его федеральной части при условии снижения регионом региональной составляющей. [Какие законы 2020 года облегчат жизнь северян // Парламентская газета, 2020.12.28].

2. А в марте вопрос поднимали в АЭВТ, говоря, что **обнуление** с июня 2020 до 31 декабря 2029 года позволит снизить фискальную нагрузку на перевозчиков на 36 млрд руб. [Авиакомпании просят их не банкротить // Коммерсант, 2020.09.15].

3. При этом сенатор считает, что **обнуление** ставки НДФЛ надо распространить на любого работающего россиянина, чей доход ниже МРОТ. [Россиянам, чей заработок ниже МРОТ, предложили обнулить налог на профессиональный доход // Парламентская газета, 2020.09.09].

Обнуление, расширяя сферу своей сочетаемости, явным образом перемещается в сторону переносного значения. Достаточно произвольно употребление кавычек:

4. Произошло своеобразное **обнуление** философской традиции — ситуация сложилась явно выморочная, требующая скорейшего исправления [Зачем России нужна философия в разгар мирового кризиса // Парламентская газета, 2020.09.03].

5. В Совфеде не исключили, что Киев готовит "**обнуление**" Минских соглашений [В Совфеде не исключили, что Киев готовит «**обнуление**» Минских соглашений // РИА Новости, 2020.06.12].

6. А вот произойдет ли «**обнуление**» отношения к допинговым войнам?

[Блатной хоккеей нам не нужен // Парламентская газета, 2020.04.20].

Обнуление было выбрано «словом года», будучи соотнесено с конкретным событием – конституционной реформой, включающей обнуление президентских сроков:

7. Как отметила спикер верхней палаты Валентина Матвиенко, **обнуление** президентских сроков "позволит обеспечить проведение эффективного государственного управления в ближайшие годы и обесценит любые спекуляции насчет преемника, возможности смены конфигурации властных институтов в нашей стране и многое другое". [В Совете Европы рассмотрели обращение россиян по поводу поправок в Конституцию // NEWSru.com, 2020.05.27].

В XXI веке жизненный цикл слова *обнуление* раскрывает свой потенциал. Оно оказывается востребованным в экономическом, в политическом, в публицистическом дискурсах. *Обнуление* демонстрирует способность к метафорической концептуализации:

8. Нирвана — всего лишь **обнуление** одного из параметров души [А. А. Ботев. Кот Шредингера // «Волга», 2013].

Завершая рассмотрение временных циклов «слов года», сделаем следующие обобщения: а) в состав слов-победителей вошли собственные имена, нарицательные существительные, одно прилагательное и два новообразования. Среди нарицательных имен представлены исконные слова (*жара, беженцы*), освоенные заимствования (*кризис, полиция, протест*), иноязычные слова (*гламур, брекзит*). В состав слов-победителей вошли слова однозначные и

многозначные; б) слова-победители в большей своей части относятся к тематической группе «Общество». Слова *гламур* и *аватар* входят в тематическую группу «Культура», слово *жара* входит в тематическую группу «Природа»; в) временные циклы «слов года» индивидуальны и связаны с их системными свойствами.

Таким образом, слова-победители демонстрируют все «типы слов года» как единиц языка. Обращение к словам-номинантам не дает нам таких единиц, которые по своим языковым характеристикам отличались бы от слов-победителей. Выстроив графики объективной частотности для слов-номинантов акции «слово года», мы получаем возможность поставить вопрос о типологии временных циклов «слов года».

3.3. ТИПОЛОГИЯ ВРЕМЕННЫХ ЦИКЛОВ «СЛОВО ГОДА»

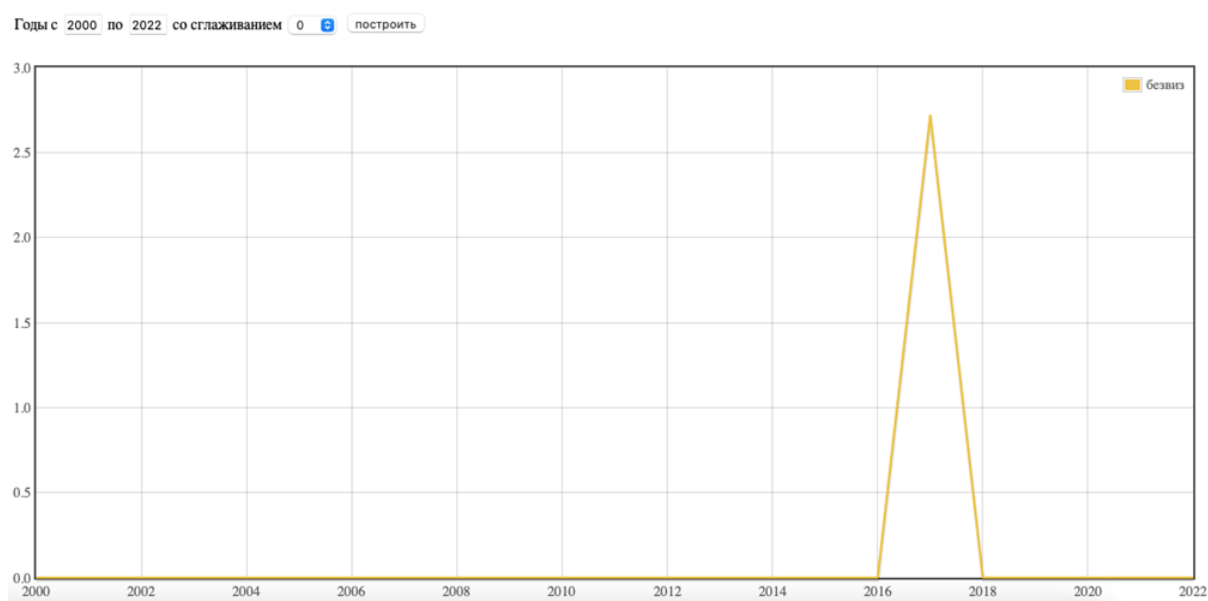
Прежде чем произвести типологическое разграничение временных циклов «слов года», проясним еще раз сущность нашего подхода. «Слова года» мы рассматриваем в контексте функционирования литературного языка во времени. «Слова года», так же как модные слова и ключевые слова текущего момента, связаны с определенными временными промежутками. Это такие временные отрезки, когда слово становится частотным в устном и письменном общении и вызывает особое отношение к нему со стороны всего языкового коллектива или его части. Находясь в фокусе внимания, такие слова раскрывают свои возможности – свой потенциал как единицы языка. Но сами эти возможности зависят от «стартовых данных» слова. Эти «стартовые данные» различны, с одной стороны, для слов исконных, полностью освоенных заимствований, однозначных и многозначных слов и иноязычных слов и, с другой стороны,

новообразований. У новообразований начало жизненного цикла совпадает с кульминационным пиком временного цикла, и в значительном числе случаев конце временного цикла означает и конец жизненного цикла. У всех остальных слов временной цикл составляет часть жизненного цикла. Временные циклы различаются по совпадению / несовпадению пиков объективной и субъективной частотности, по объективной частотности в предкульминационный и посткульминационный периоды. По этим критериям временные циклы «слов года» распределяются по трем группам: а) пики субъективной и объективной частотности совпадают, предкульминационный и посткульминационный периоды отсутствуют (*крымнаш, брекзит*); б) пики субъективной частотности совпадают, предкульминационный период характеризуется одним или несколькими повышениями объективной частотности – непосредственно перед кульминационным пиком или на всем протяжении предкульминационного периода (*реновация, Болотная, гламур*). В посткульминационный период повышение объективной частотности отмечается у слов *Болотная* и *гламур*; в) пики объективной и субъективной частотности не совпадают (*жара, беженец, кризис, антикризисный, перезагрузка, полиция, обнуление*). В предкульминационный период наблюдается многократное повышение объективной частотности, незначительное или почти равное кульминационному пику субъективной частотности. Повышение объективной частотности наблюдается и в посткульминационный период.

Выстроив графики объективной частотности для слов-номинантов акции «слова года», мы убедились в том, что в них так или иначе повторяются те виды временных циклов, которые представлены у слов-победителей, но внутри этих видов имеется высокая степень разнообразия. Таким образом, можно

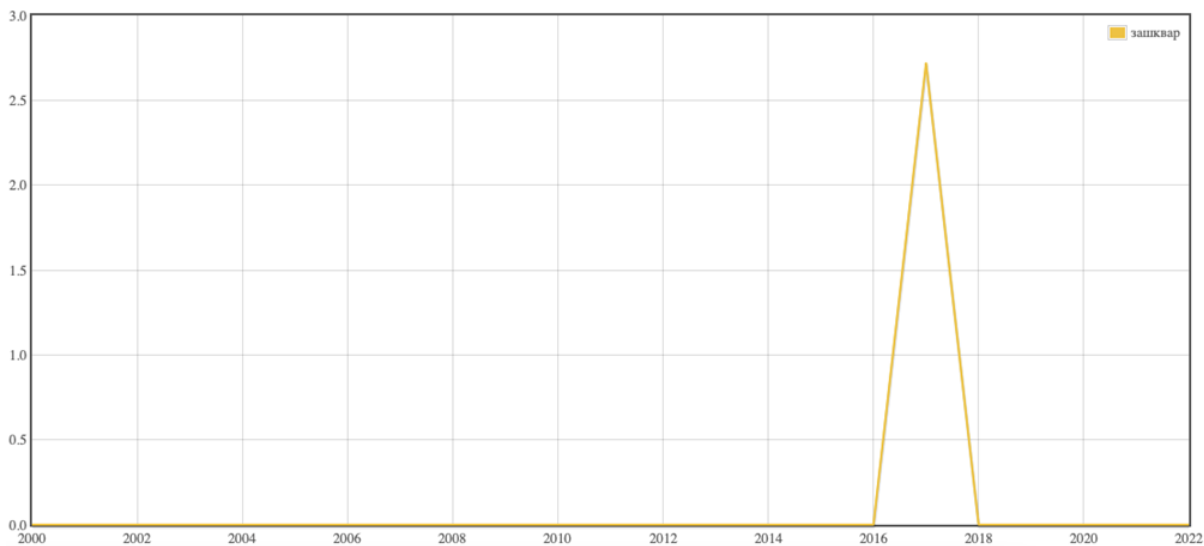
утверждать, что число временных циклов ограничено и можно выделить их основные типы.

I. К первому типу относятся слова, чьи временные циклы имеют только один кульминационный пик, совпадающий с пиком объективной частотности, предкульминационный период и посткульминационный периоды отсутствуют. Данный тип временного цикла характерен для большей части окказиональных слов с актуализацией означаемого. В статусе номинанта акции «Слово года» они наделяются признаками «современность» и «актуальность семантики», как она представляется социальному коллективу участников конкурса. В собственно языковом плане такие окказиональные слова могут рассматриваться как эксперимент, относящийся к словообразовательной системе русского языка и как один из приемов языковой игры. Такие слова рождаются спонтанно, «на случай», преимущественно в интернет-общении и исчезают из языка вместе с забвением самого «случая». Данный тип присущ около одной трети «слов года» В качестве примера приведем графики объективной частотности слов *безвиз*, *зашквар*, *кощунницы*, *стабилизец*:

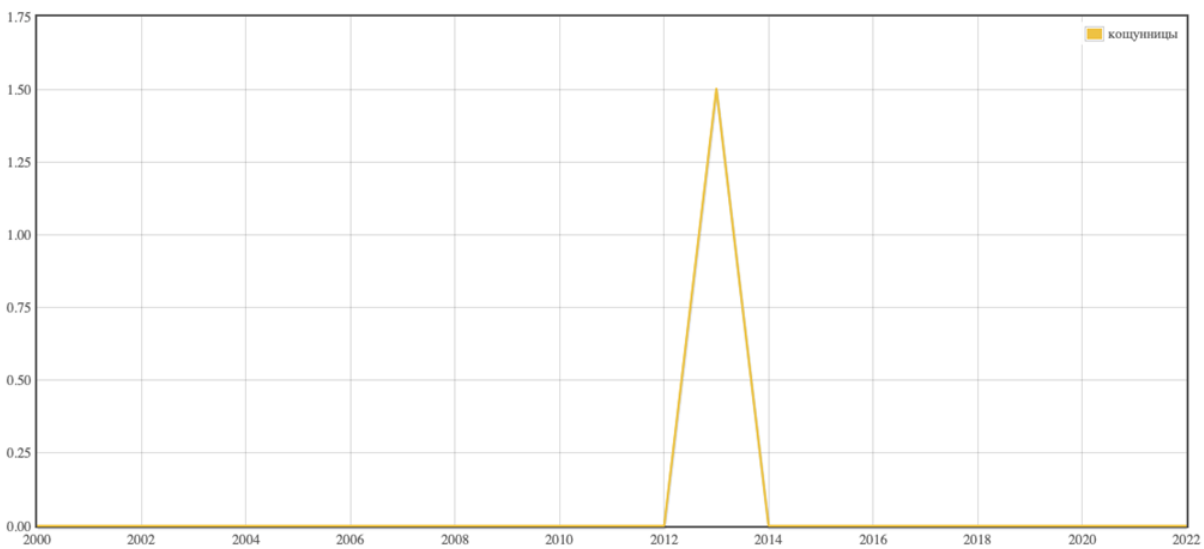
Рисунок 1. Безвиз (2017 г.)

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

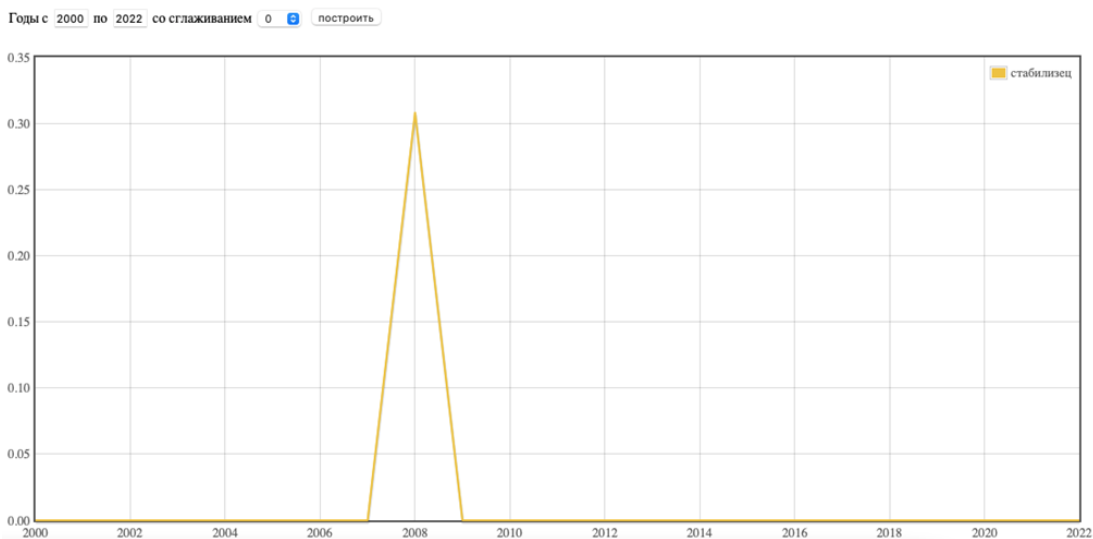

Рисунок 2. Зашквар (2018 г.)

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

Рисунок 3. Кощунницы (2012 г.)

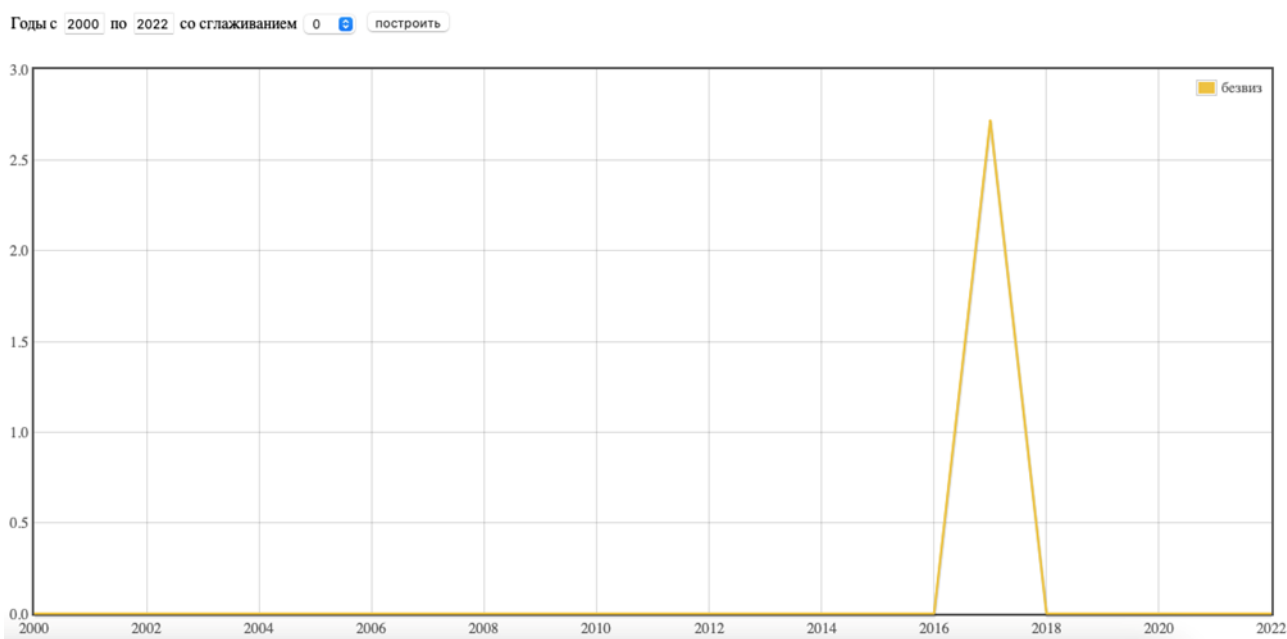

Рисунок 4. Стабилизец (2018 г.)

Отдельно следует оговорить судьбу потенциальных «слов года» – таких, как *запрещенка*. Они также рождаются «на случай», но наличествующий в них продуктивный способ словообразования позволяет им каждый раз «рождаться» вновь и вновь, если возникнет потребность в номинации нового «случая». Поэтому их единственный кульминационный пик означает актуализацию означаемого в связи с приобретением конкретного референта, но не приравнивается к уходу слова из системы языка.

II. Второй тип временного цикла также характеризуется одним кульминационным пиком, совпадающим с пиком объективной частотности, однако, в отличие от предыдущего типа, такие «слова года» не уходят из языка, а продолжают свое существование в посткульминационный период и тем самым доказывают свою востребованность для членов языкового социума. Это по преимуществу однозначные иноязычные слова и окказиональные слова с актуализацией означаемого. Их общая черта состоит в том, что подобные «слова года» являются номинациями новых объектов (предметов, явлений), пополняющих русскую языковую картину мира. Пребывание в статусе номинантов «слов года», сопровождающееся повышенной частотностью,

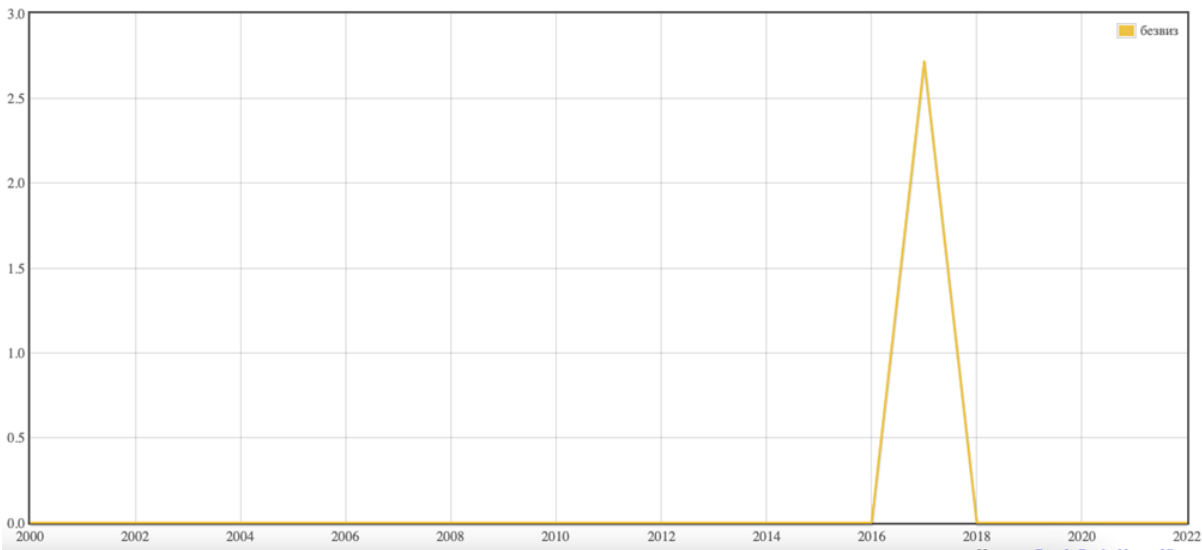
подтверждает и укрепляет их значимость не только для социального коллектива участников конкурса, но для языкового коллектива в целом. Этот тип временного цикла присущ таким «словам года», как *биткоин*, *блокчейн*, *кибервойна*, *коронавирус*, *криптовалюта*, *планшетник*, *стартап*, *самоизоляция*, *удаленка*. Приводимые ниже графики объективной частотности показывают один кульминационный пик, совпадающий с пиком объективной частотности, но не представляют объективную частотность в посткульминационный период. Это объясняется отсутствием данных в НКРЯ, не отражающих в данном случае реального употребления:

Рисунок 5. Биткоин (2017 г.)

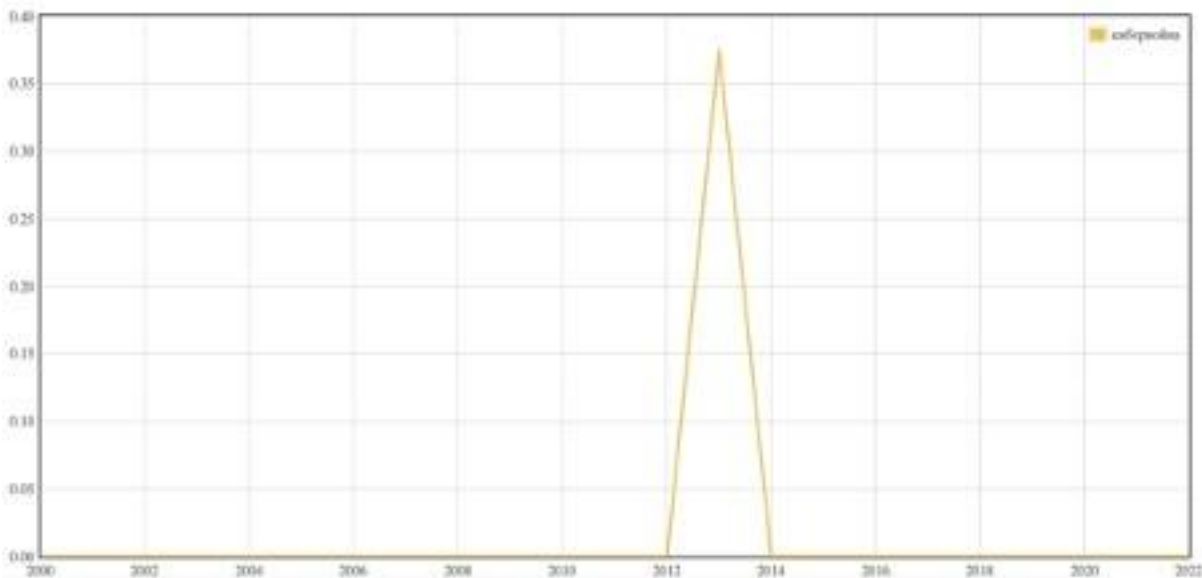

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

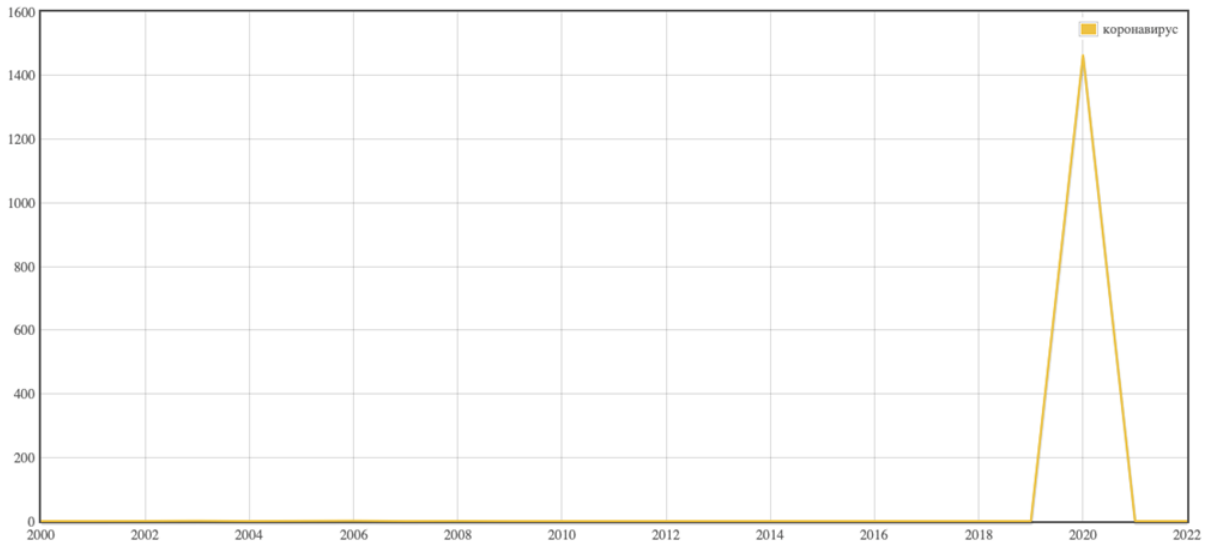
Рисунок 6. Блокчейн (2017 г.)

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

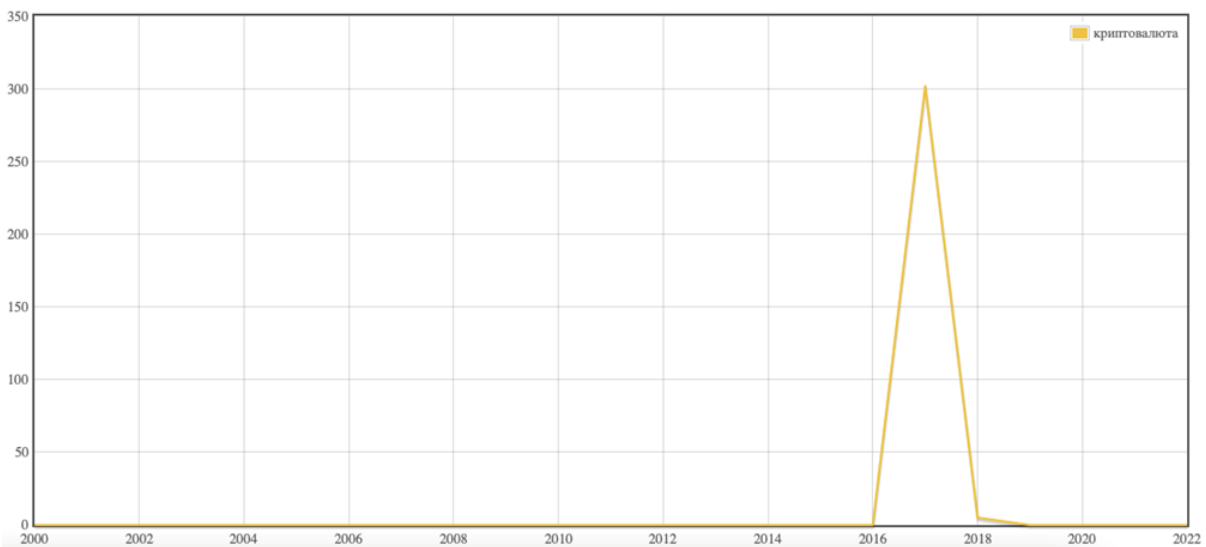
Рисунок 7. Кибервойна (2016 г.)

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

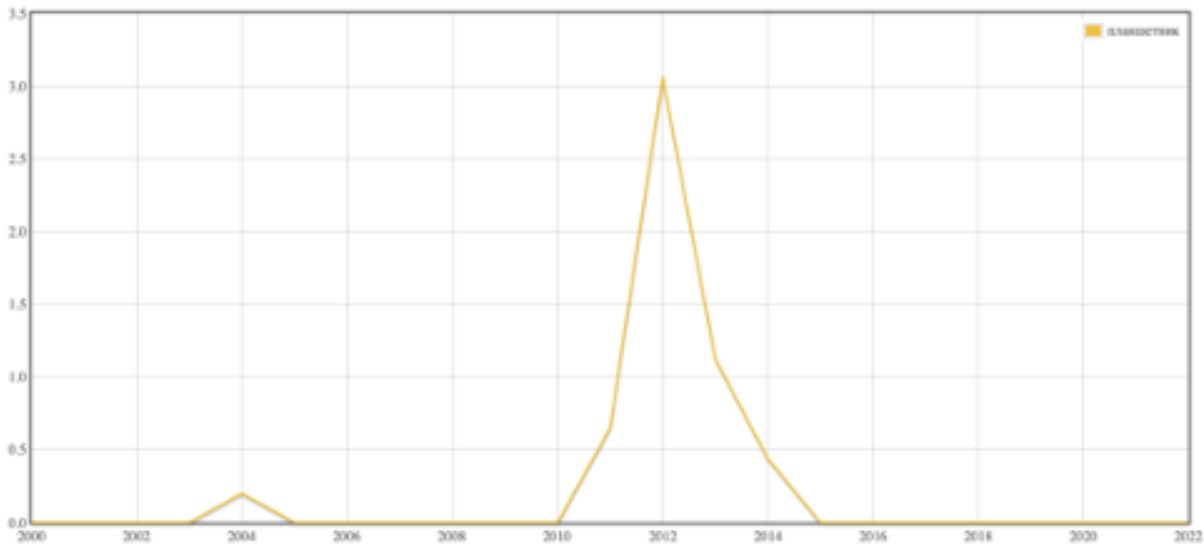
Рисунок 8. Коронавирус (2020 г.).

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

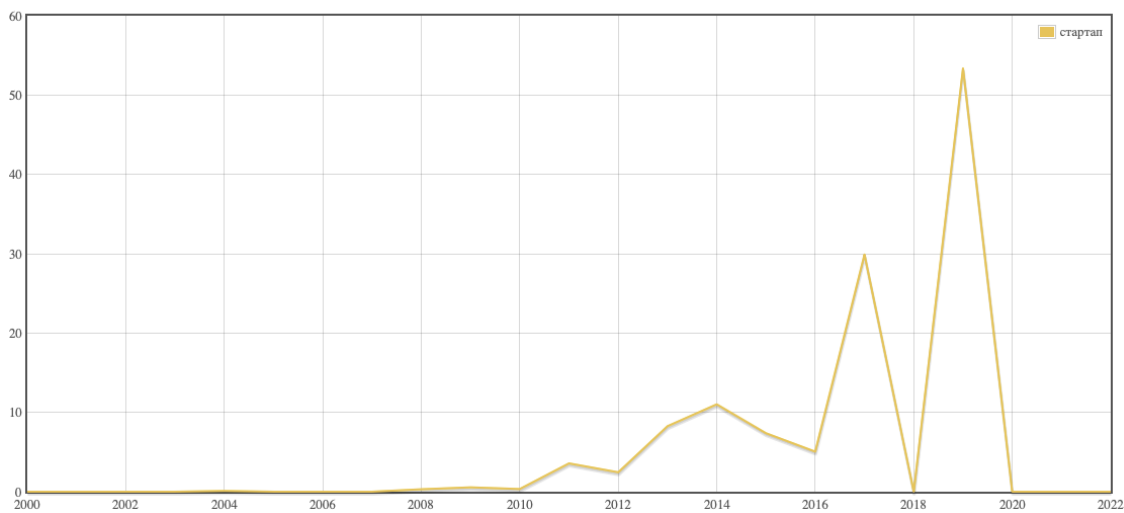
Рисунок 9. Криптовалюта (2017 г.)

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

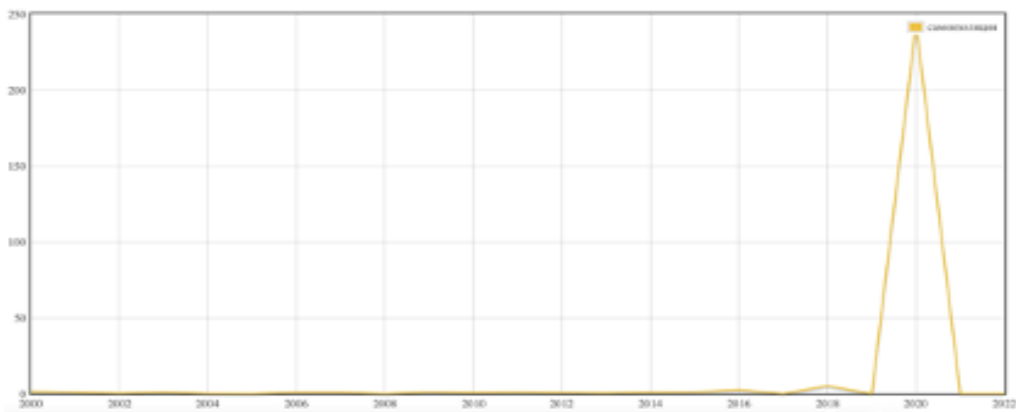
Рисунок 10. Планшетник (2011 г.)

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

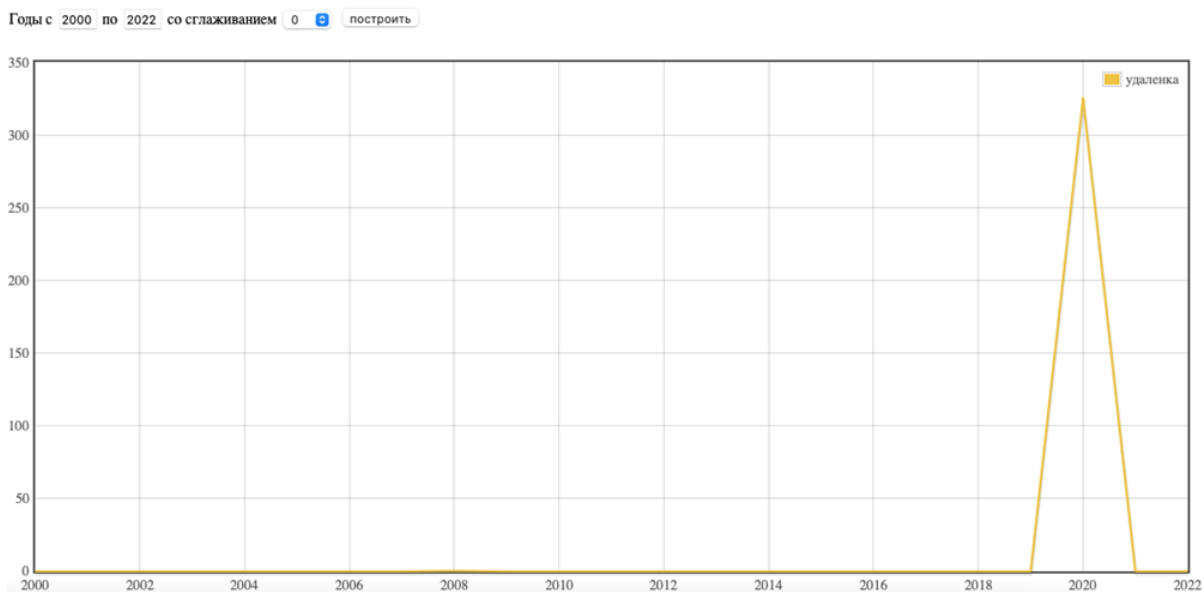

Рисунок 11. Стартап (2015 и 2017 гг.)

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

Рисунок 12. Самоизоляция (2014 и 2020 гг.)

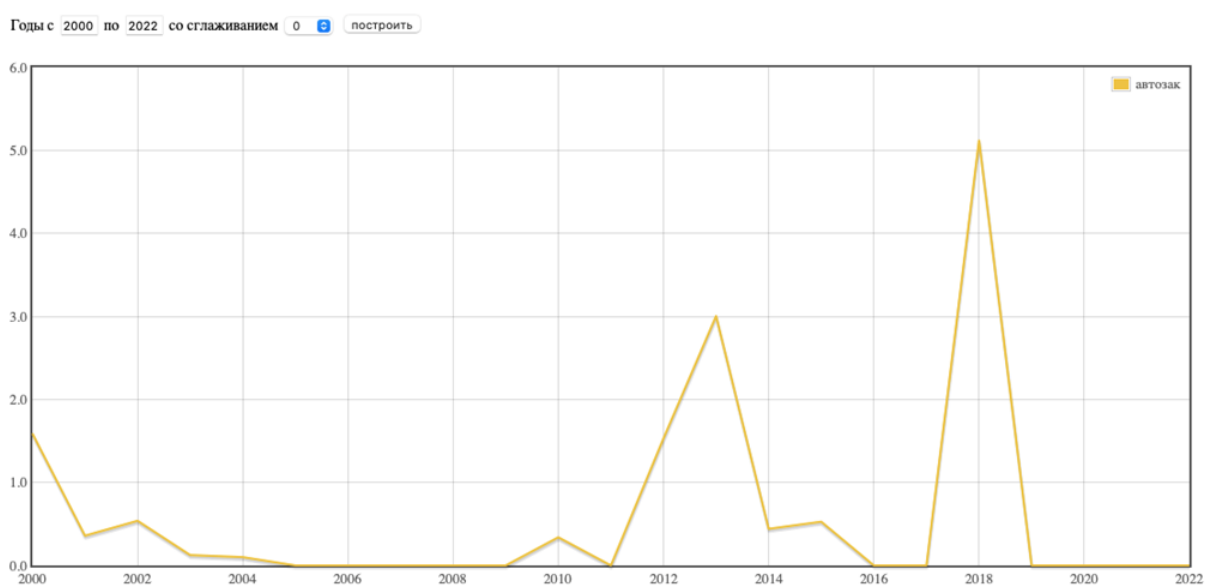

Рисунок 13. Удалёнка (2020 г.)

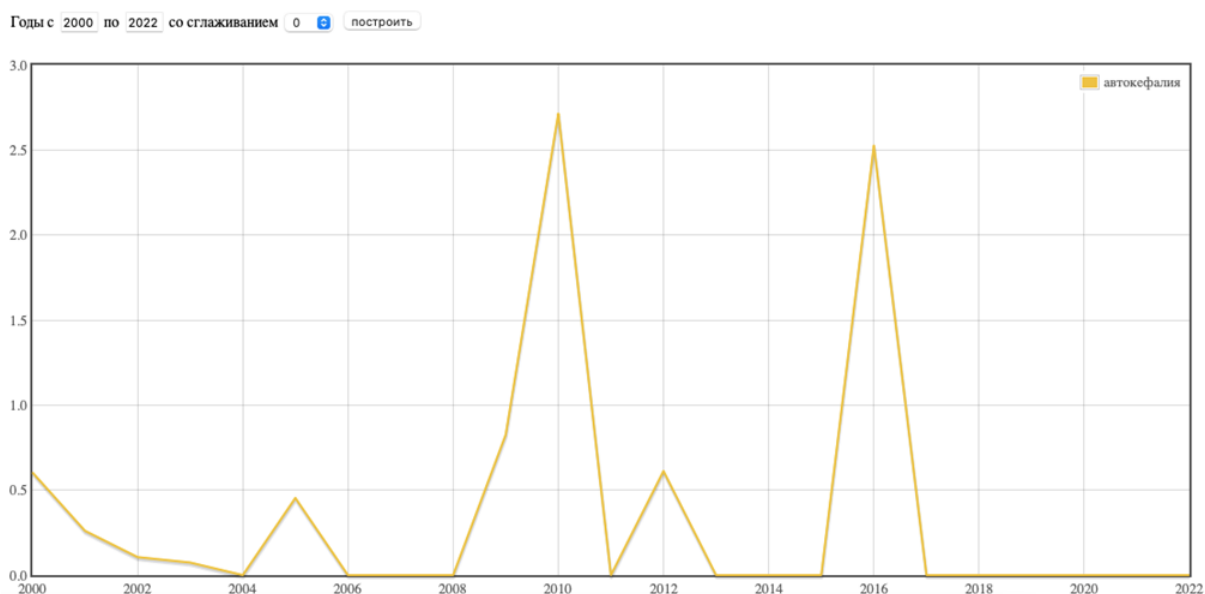
III. Третий тип представляют «слова года» и номинанты, имеющие предкульминационный и посткульминационный периоды. Третий тип имеет два варианта:

а) В предкульминационный период наблюдается одно или несколько повышений частотности, последнее из которых отстоит от пика субъективной частотности или сразу же следует за ним. При этом объективная частотность невысока на всех этапах временного цикла. Данный тип как будто выглядит разнородным по составу. С одной стороны, в него включаются собственные имена, и можно объяснить, почему их можно отнести именно к данному типу. Как было показано, имена мест становятся «словами года» в метонимическом значении. В сущности, они демонстрируют саму способность использоваться как метонимическая номинация. Но по выходе из пика субъективной частотности они продолжают жизнь в языке по своему прямому назначению. С другой стороны, в этот же тип попадают такие однозначные исконные и заимствованные и иноязычные слова, как *автозак*, *инновация*, *огнеборцы*, *коллайдер*.

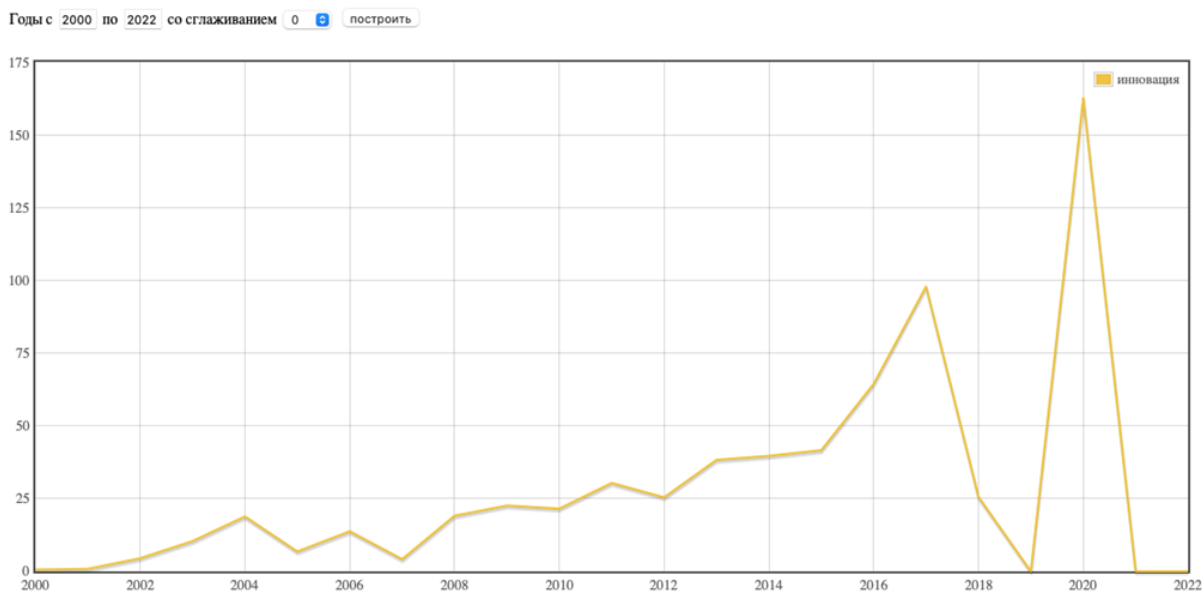
Объективная частотность слов этого типа имеет несколько иной смысл. Например, такое слово, как *коллайдер*, прежде чем стать «словом года», появляется в публичном и в научном дискурсе в текстах, в которых говорится о строительстве коллайдера. Слово *огнеборцы* оказывается «призванным» каждый раз, когда этого требует пожароопасная ситуация. Приведем в качестве примера графики объективной частотности слов *автозак*, *автокефалия*, *инновация*, *коллайдер*, *огнеборцы*:

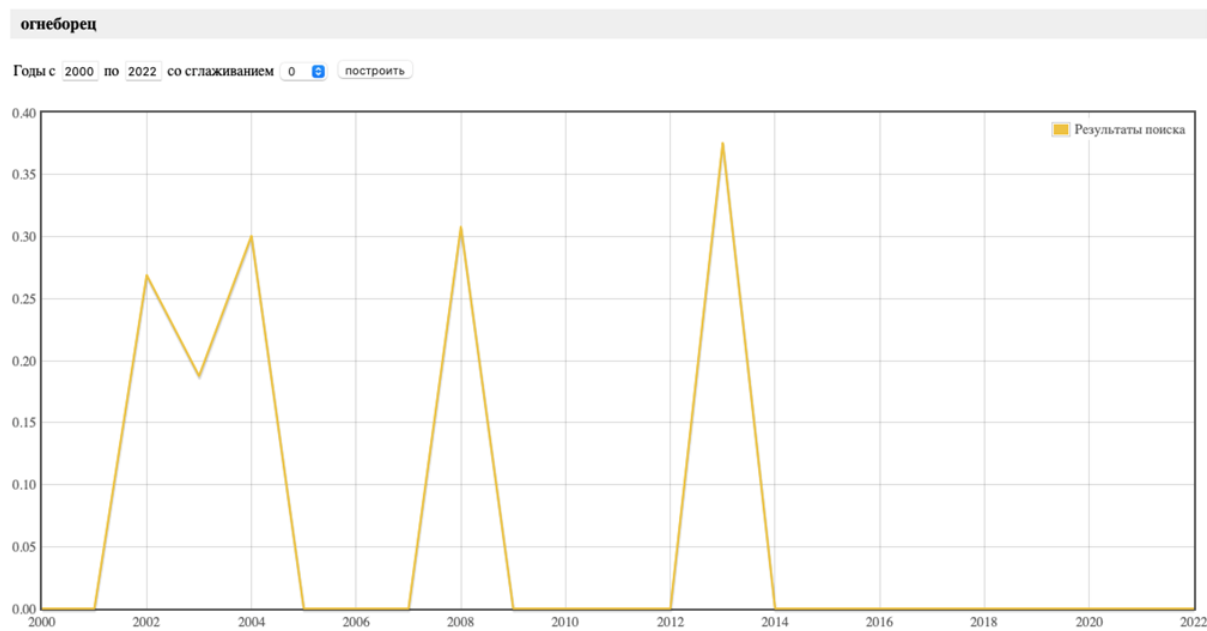
Рисунок 14. Автозак (2019 г.)

Рисунок 15. Автокефалия (2018 г.)

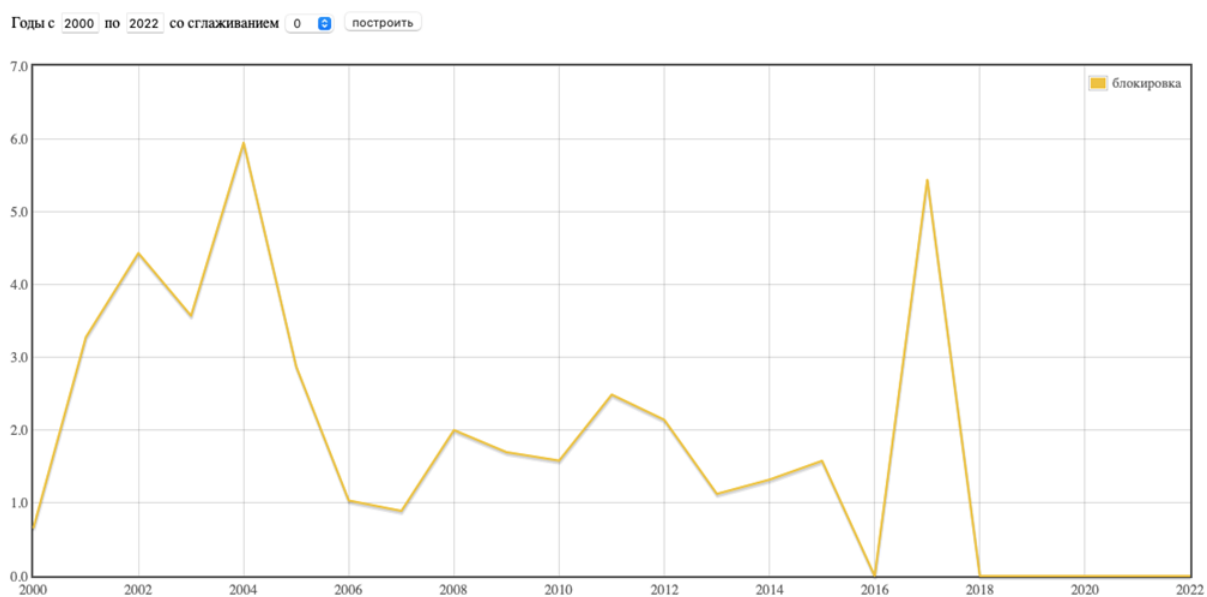
Рисунок 16. Инновация (2011 г.)

Рисунок 17. Огнеборец (2010 г.)

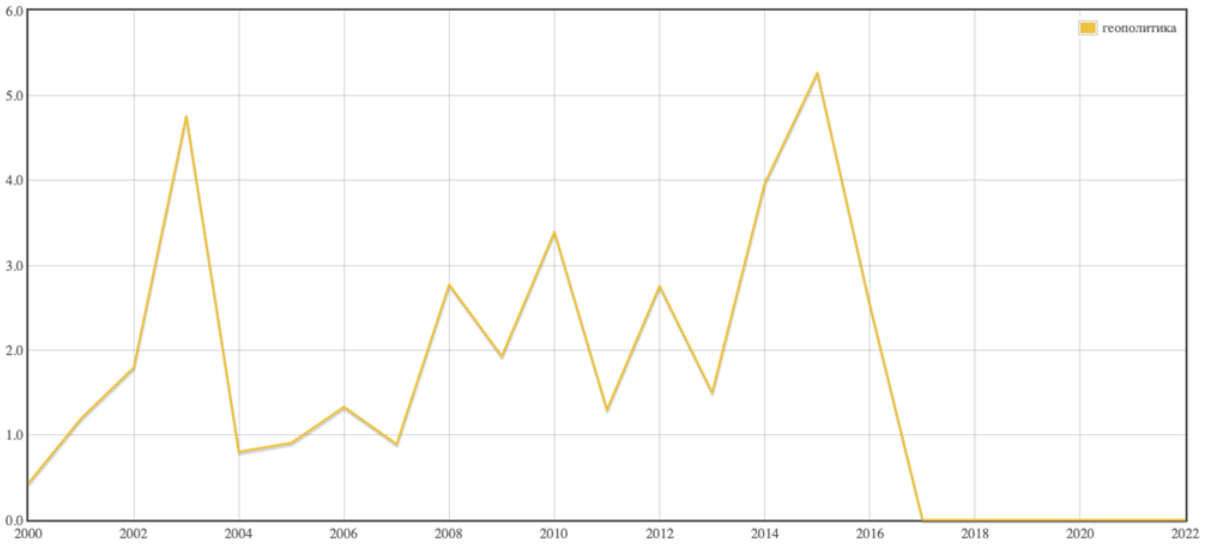
б) В третий тип попадают также слова, у которых повышения объективной частотности наблюдаются в пред- и посткульминационные периоды. Такие повышения могут совпадать или не совпадать с кульминационным пиком субъективной частотности. Повышения объективной частотности обычно, но не

всегда превышают пик субъективной частотности. «Слова года», относящиеся к третьему типу – исконные и ассимилированные заимствования, однозначные и многозначные. Повышение частотности и пребывание в статусе «слова года» у однозначных слов связано либо с приобретением конкретного референта, либо с употреблением слова в качестве метонимического, а также метафорического употребления. Многозначные слова могут повышать свою объективную частотность, не связанную с тем лексико-семантическим вариантом, который был актуализован в «слове года». В качестве примеров приведем графики объективной частотности слов *блокировка*, *геополитика*, *вакцина*, *допинг*, *пенсия*, *раскрутка*.

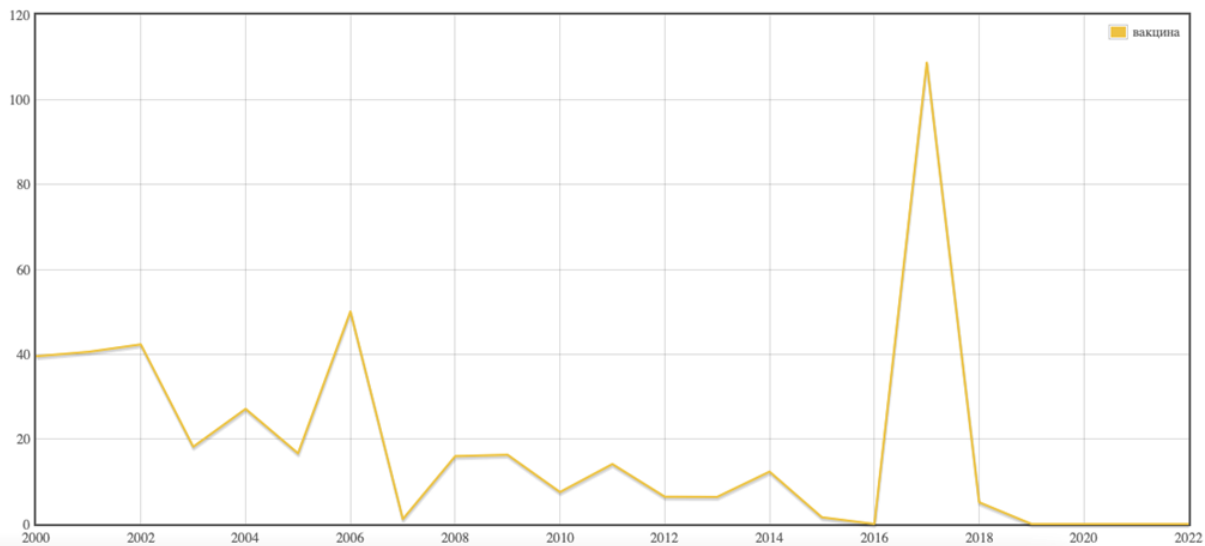
Рисунок 18. Блокировка (2018 г.)

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

Рисунок 19. Геополитика (2014 г.)

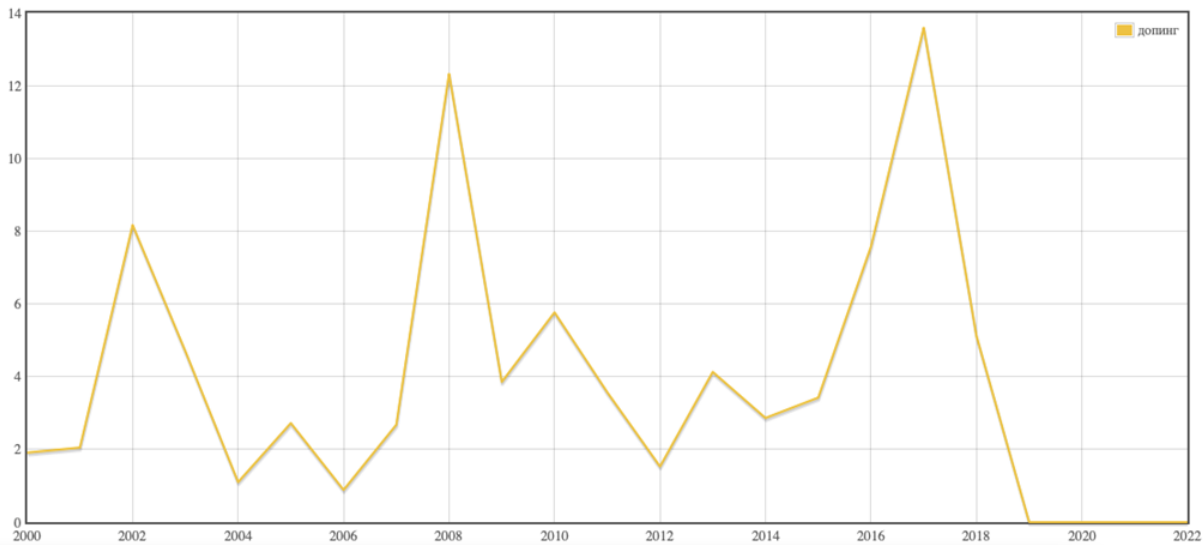
Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

Рисунок 20. Вакцина (2020 г.)

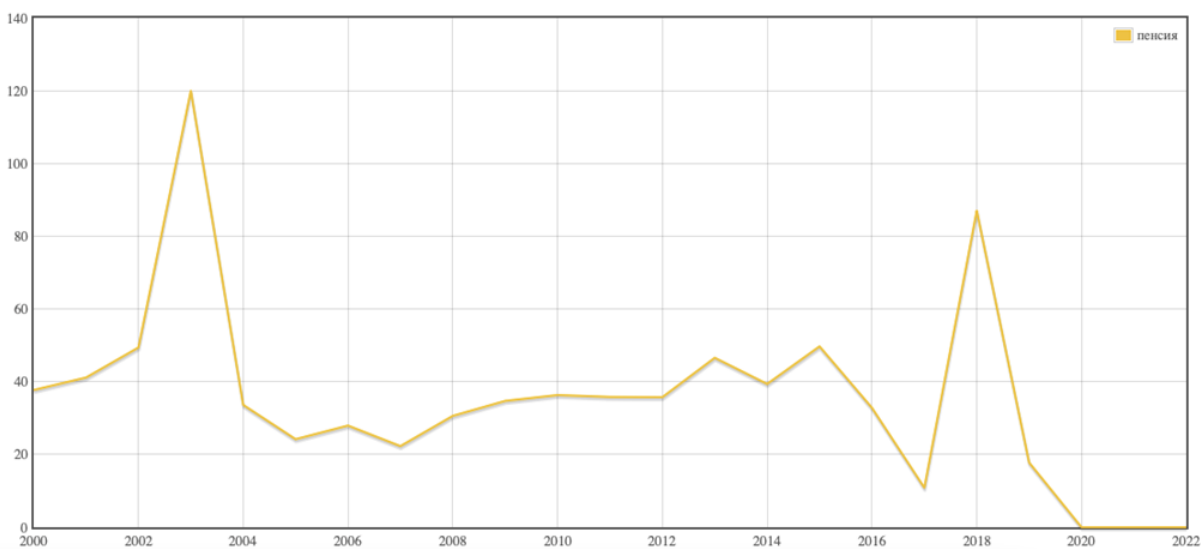

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

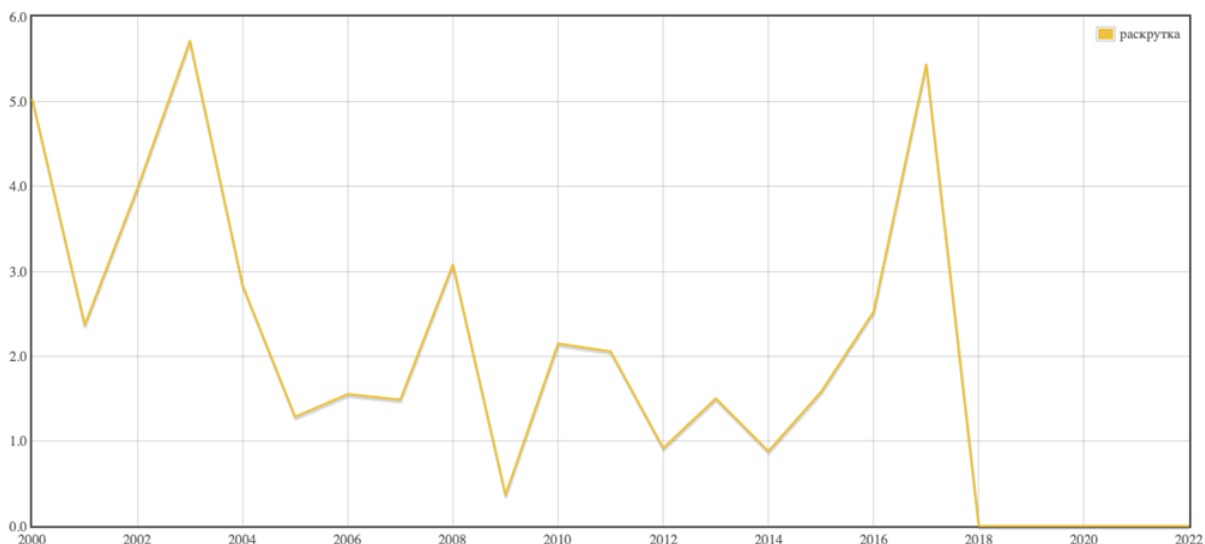
Рисунок 21. Допинг (2018 и 2017 гг.)

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

Рисунок 22. Пенсия (2018 г.)

Годы с 2000 по 2022 со сглаживанием 0 построить

Рисунок 23. Раскрутка (2007 г.)

Временные циклы слов-победителей и слов-номинантов конкурса «Слово года» разделяются на три основных типа: 1) пики субъективной и объективной частотности совпадают, предкульминационный и посткульминационный периоды отсутствуют; 2) пики субъективной и объективной частотности совпадают или не совпадают, в предкульминационный период наблюдаются множественные повышения объективной частотности; повышение объективной частотности может быть сдвинуто на посткульминационный период. Данный тип имеет несколько вариантов среди слов-номинантов; 3) пики объективной и субъективной частотности чаще не совпадают. В предкульминационный период наблюдается многократное повышение объективной частотности, незначительное или почти равное кульминационному пику субъективной частотности. Повышение объективной частотности наблюдается и в посткульминационный период.

Временные циклы «слов года» непосредственно связаны с их системными свойствами. Большая часть окказиональных слов не имеет

предкульминационного и посткульминационного периодов. Эти слова теряют актуальность вместе с тем событием и общественным резонансом на это событие, которые вызвали такие слова к жизни. Исконные и ассимилированные заимствованные слова имеют собственный жизненный цикл, в который включается их временной цикл в статусе «слова года». Временные циклы иноязычных слов разнятся и в предкульминационный и в посткульминационный периоды. Часть этих слов не имеют будущего, другие, необходимые социуму, продолжают существование в посткульминационный период.

3.4. ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ III.

1. Функционирование «слов года» в дискурсе характеризуется субъективной и объективной частотностью. Субъективная частотность передает субъективное восприятие актуальности семантики слова и его распространенности социальным коллективом участников конкурса «Слово года». Объективная частотность определяется в результате подсчетов употребления «слов года» по данным НКРЯ. Объективная частотность получает наглядное выражение в графическом представлении.

2. Субъективная и объективная частотность служат основанием для введения понятия временного цикла «слова года». Тот год, когда слово стало победителем или номинантом конкурса «Слово года», рассматривается как кульминационный пик временного цикла. По отношению к кульминационному пику период, представленный на графике объективной частотности, может быть назван предкульминационным периодом, а тот, который следует за кульминационным пиком модного слова – посткульминационным.

3. В состав слов-победителей вошли собственные имена, нарицательные существительные, два новообразования и одно прилагательное. Среди нарицательных имен представлены исконные слова (*жара, беженцы*), освоенные заимствования (*кризис, полиция, протест*), иноязычные слова (*гламур, брекзит*). У исконных и полностью заимствованных слов временной цикл составляет часть их жизненного цикла. На протяжении временного цикла исконные и полностью заимствованные слова (однозначные и многозначные) выступают в типичных контекстах и расширяют свои возможности. Значение таких слов подвергается сужению и расширению, появляется новая сочетаемость, метафорическое употребление. Иноязычные слова проходят путь ассимиляции: формируется их нормативный графический облик, даются определения иноязычного слова, апробируются атрибутивные конструкции, появляются производные. У окказиональных слов жизненный цикл начинается вместе с временным циклом. На протяжении временного цикла определяется актуальность семантики окказионального слова (в том числе собственных имен), его эстетическая и этическая оценка. Иноязычные и окказиональные слова, чья семантика деактуализуется в пределах кульминационного пика временного цикла, не имеют посткульминационного периода. Они сохраняют свое значение как маркеры конкретного временного промежутка в жизни языка и общества. Слова –номинанты конкурса совпадают со словами-победителями по своим системным свойствам и по реализации своих возможностей на протяжении временного цикла.

4. Временные циклы различаются по совпадению/несовпадению пиков объективной и субъективной частотности, по объективной частотности в предкульминационный и посткульминационный периоды. Выделяются

следующие типы временных циклов «слов года» и слов-номинантов: 1) временной цикл имеет один кульминационный пик, совпадающий с пиком объективной частотности, предкульминационный период и посткульминационный периоды отсутствуют; 2) в пределах временного цикла пики субъективной и объективной частотности совпадают или не совпадают, в предкульминационный период наблюдаются множественные повышения объективной частотности, повышение объективной частотности может быть сдвинуто на посткульминационный период; 3) временной цикл имеет предкульминационный и посткульминационный периоды. Третий тип имеет два варианта: а) в предкульминационный период наблюдается одно или несколько повышений частотности, последнее из которых отстоит от пика субъективной частотности или сразу же следует за ним, б) повышения объективной частотности наблюдаются в пред- и посткульминационные периоды. Такие повышения могут совпадать или не совпадать с кульминационным пиком субъективной частотности.

5. «Пусковым импульсом» для «слова года» является внешний фактор: конкретное событие, появление нового объекта, требующего наименования. Принадлежность временного цикла к определенному типу сочетается с индивидуальным характером временного цикла каждого отдельного слова. Временной цикл «слова года» можно уподобить кардиограмме, регистрирующей спады и подъемы на протяжении существования такого слова в языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертация посвящена лингвистическому исследованию «слов года» русского языка первых десятилетий XXI века на фоне китайского языка. Мы опирались на те принципы лингвистического описания, которые были разработаны в трудах акад. В.В. Виноградова. Перечислим эти принципы: 1. «Слово понимается как элемент организованного целого, как член смыслового единства языка в целом» [Виноградов 1999: 8]. 2. «Слова, идеи и вещи должны изучаться как аналогические и взаимодействующие ряды явлений» [Там же: 6]. 3. Нельзя «исключить из лингвистики проблему взаимодействия языка и речевой деятельности, общества и личности» [Виноградов 1978: 161]. 4. «История русского литературного языка совершается на наших глазах и в нашем сознании. Мы живем в языковой стихии и уносимся её течением» [Виноградов 1978: 152]. Мы стремились следовать этим принципам в описании «слов года» как единиц языка и единиц дискурса. В первой главе диссертации представлен международный проект «Слово года» и выделены основные проблемы и подходы к изучению «слов года». Во второй главе «слова года» в русском языке характеризуются по признакам исконное / заимствованное слово и стационарное / окказиональное; по принадлежности к части речи и способам формирования значения; по выявлению специфики русских «слов года» в сопоставлении со «словами года» в китайском языке; по функциональному предназначению. В третьей главе прослеживается реальное употребление «слов года» в разновидностях дискурса и выделяются основные типы временных циклов «слов года». В выводах к трем главам приводятся результаты проведенного исследования.

Изучение «слов года» представляется нам перспективным направлением, и в заключении мы хотели бы остановиться на его дальнейших задачах и дальнейшем развитии. Мы выделяем три пункта:

1. Изучение «слов года» в синхронном аспекте. Необходимо расширение базы данных для изучения «слов года». В этих целях могут быть использованы социологические опросы и специально разработанные анкеты как в отношении всего языкового коллектива, так и в отношении носителей социолектов.

2. Изучение «слов года» в контексте истории русского литературного языка. «Слова года», так же как ключевые слова текущего момента и модные слова существуют на разных этапах функционирования литературного языка и вносят вклад в его развитие.

3. Изучение «слов года» в сопоставительно-типологическом аспекте. Национальная специфика «слов года» связана со строем языка, с культурой и национальным менталитетом.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Словари

1. (БТС) Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: «Норинт», 2004. 1534 с.
2. (НВРЛ) Новое в русской лексике. Словарные материалы–2015. Сост. Н.А. Козулина, С.Д. Левина / Ред. коллегия С.Д. Левина (отв. ред.), А.С. Павлова, Ю.С. Ридецкая / Институт лингвистических исследований РАН / Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. 106 с.
3. (ЛЭС) Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Н.В. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
4. (МАС) Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. Яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 2. К-О. 1986. 736 с.
5. (ЭРО) Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / под ред. А.П. Сковордникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 852 с.
6. (ТСР) Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. Т. 4. 88405 с.
7. (ТСРЯ) Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: Эксмо, 2007. 1132 с.
8. (СМС) Новиков В.И. Словарь модных слов. М.: АСТ: CORPUS, 2019. 352 с.
9. (СРЯ) Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой.

М.: Высшая школа, 1989. 800 с.

10. Энциклопедия: Русский язык. М.: Флинта. 1998. 703 с.

11. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 6 版. 北京: 商务印书馆, 2012. 1790 页 (Современный толковый словарь китайского языка / под ред. Отдела лексикографии института языкознания Китайской академии общественных наук. Изд-е 6-е. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2012. 1790 с.

II. Статьи и монографии

12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Язык и мир человека», 1999. 896 с.

13. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Мода во фразеологии // Мода в языке и коммуникации: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 114-121.

14. Баранцева О.А., Снигирева И.В. Слова года как источник социокультурной информации // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2020. № 16. С. 12-18.

15. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. 512 с.

16. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: Рос. Гос. гуман. ун-т, 2001. 439 с.

17. Буряковская В.А, Дмитриева О.А. Лингвокультурные характеристики «Слова года» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2017. 3 (116). С. 101-105.

18. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке.

М.: Логос, 2001. 300 с.

19. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. М.: Флинта, 2003. 220 с.

20. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2002. 380 с.

21. Вепрева И.Т., Мустайоки А. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. 2006. № 2. С. 45-62.

22. Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII-XIX вв. // Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избранные труды. М.: Наука, 1978. 152 с.

23. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Виноградов В.В. История слов/ Российская академия наук. Отделение литературы и языка Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Отв. ред. Академик Н.Ю. Шведова. М., 1999. 1138 с.

24. Врублевская О.В. Языковая мода в русской ономастике: дисс. ... докт. филол. наук / Оксана Валентиновна Врублевская. Волгоград, 2017. 430 с.

25. Воронцова В.Л., Гловинская М.Я., Голанова Е.И. и др. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Языки рус. культуры, 1996. 473 с.

26. Воронцова В.Л., Граудина Л.К., Кузьмина С.М. и др. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование: В 4 кн. / Под ред. М.В. Панова. М.: Наука. 1968. 367 с.

27. Ворошилова М.Б. Кризис—ключевое слово текущего периода: история изучения // Политическая лингвистика, 2012. № 3. С. 200-203.
28. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Шк. "Яз. рус. культуры", 1998. 763 с.
29. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1. М., 1968–1973. 1130 с.
30. Гловинская М.Я., Земская Е.А., Капанадзе Л.А., Китайгородская М.В., Красильникова Е.В., Розанова Н.Н. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука. 1983. 239 с.
31. Григорьев В.П. Поэтика слова. М., «Наука», 1979. 343 с.
32. Горбунова Е.Ф., Коваленко Е.Н., Ломакова А.В. Происхождение слов проекта «слово года» по версии издательства оксфордских словарей с 2011 по 2020 годы // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. Учредители: ООО Научные технологии. 2022. С. 108-113.
33. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 4-изд., испр. и доп. М.: КДУ, 2015. 228 с.
34. Девкин В.Д. Очерки по лексикографии. М.: Прометей, 2000. 395 с.
35. Добросклонская Т.Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 3. С. 38-53.
36. Евсюкова А.С., Сергиенко Н.В. Акция «Слово года» как социально-политический портрет года // Тенденции развития науки и образования, 2021. № 70(7). С. 39-41.
37. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М.: УРСС. 2004. 336 с.

38. Журавлева Н.Г. Феномен «модного» слова: лингвопрагматический аспект (на материале современного русского языка): дисс. ... канд. филол. Наук / Наталья Григорьева Журавлева. Ростов н/Д, 2010. 177 с.
39. Занадворова А.В., Какорина Е.В., Китайгородская М.В. и др. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. Академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры. 2003. 568 с.
40. Земская Е.А. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Отв. ред. доктор филологических наук Е.А. Земская. М.: «Языки русской культуры», 1996. 480 с.
41. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005. 224 с.
42. И Лицюнь. Субъективная частотность модных слов // LITERA. 2019 № 4, с. 153-159.
43. И Лицюнь. Модное слово «токсичный» в русском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 10. С. 307-310.
44. И Лицюнь. Модные слова как индикаторы в современном русском и китайском языках / Лицюнь И // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2019. № 11. С. 130-135.
45. И Лицюнь. Метафора в модных словах в русском и китайском языках // Казанская наука. 2020. № 1. С. 35-37.
46. Ильина И.А. Хэштег как лингвистический феномен [Электронный ресурс] // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2016. № 3. С. 41-44. URL:

<https://elibrary.ru/item.asp?id=28363488>.

47. Иссерс О.С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика, 2014. №4. С. 48-53.

48. Иссерс О.С. От серьезного-до смешного: игровой потенциал русского слова года // Политическая лингвистика, 2015. № 4. С. 25-31.

49. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. Т. 1. М., 1994. 277 с.

50. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.

51. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 354 с.

52. Кибрик А.А. Дискурс // Введение в науку о языке: Сб. ст. / Редкол.: С.Г. Татевосов, О.В. Федорова. М.: Буки Веди, 2019. С. 126-163.

53. Киселева Е.В. Понимание языковой картины мира с помощью процендуры определения слова года // Новый язык. Новое мышление. 2021. С. 598.

54. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке. Ростов н/Д, 2005. 316 с.

55. Козинец С.Б. Словарь окказионализмов русского языка. М.: Флинта, 2019. 224 с.

56. Коновалова О.Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: ВГУЭС, 2008. 196 с.

57. Костомаров В.Г. Русский язык в иноязычном потоке // Русский язык за рубежом. 1993. № 2. С. 58-64.

58. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М.: СПб., Златоуст, 1999. 320 с.
59. Кронгауз М.А. Семантические сдвиги в семантике оценочных прилагательных // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 345-356.
60. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянской культуры, 2008. 232 с.
61. Крысин Л.П. Проблемы социальной и функциональной дифференциации языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2003.
62. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры. 2004. 883 с.
63. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 167-186.
64. Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., Токтонов А.Г. Анализ системных характеристик словообразовательного процесса (на основе анализа лексических единиц газетного материала «Полистилевого корпуса современного русского языка»). URL: <http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/novgazlex.html>
65. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: ПРОГРЕСС, 1978. 543 с.

66. Левонтина И.Б. Русский со словарем. М.: АСТ: CORPUS, 2016. 464 с.
67. Левонтина И.Б. О чем речь. М.: АСТ: CORPUS, 2016. 400 с.
68. Максименко О.И. Лексические особенности ТВ-чатов // Мода в языке и коммуникации: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 225-235.
69. Мельник Ю.А. Обзор социально-лингвистических проектов «Слово года» // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты / Материалы II международной научно-практической конференции. Омский автобронетанковый инженерный институт. 2016. С. 63-66.
70. Мельник Ю.А. Языковые маркеры новейшего времени (на материале социолингвистических проектов " Слово года") // Вестник Челябинского государственного университета, 2017. № 11 (407). С. 34-42.
71. Мельник Ю.А. Социолингвистические проекты «слово года» как источник сведений о неологических процессах в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск. 2018.
72. Мельник Ю.А., Киров А.В. Креативизация лексики русского языка новейшего времени: " Слово года" // Неофилология. 2018. № 4(16). С. 46-53.
73. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М.: Флинта: Наука, 2009. 584 с.
74. Молдованова Л.И. Устаревшие слова в языке и публицистическом тексте: структура и особенности функционирования. Филология как

средоточие знаний о мире: Сборник научных трудов. Москва-Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. С. 81-85.

75. Морковкин В.В., Беме Н.О. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь. М.: Русский язык, 1984. 1163 с.

76. Мучник И.П., Панов М.В., Шмелев Д.Н. и др. Лексика современного русского литературного языка // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Под ред. М.В. Панова. М.: Наука, 1968. 184 с.

77. Николаева Е.В. «Слова года» как лингвокультурные концепты // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. 10-1 (76). С. 154-157.

78. Ницула А.Ю., Игнатенко А.В. Популярные слова 2018 года в китайском языке // 21 век: фундаментальная наука и технологии. 2018. С. 136-140.

79. Новиков В.И. Словарь модных слов. М.: АСТ: CORPUS, 2018. 352 с.

80. Панова М.Н. Модные слова в речи чиновников // Русская речь. 2015. № 6. С. 34– 39.

81. Петрова Е. Е., Курсанина Е. Е. Модные слова английского языка 2016 года. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4-2. С. 134-138.

82. Поликарпов А.А. Жизненный цикл слова и эволюция языка. Ст. 1; 2 // Русский филологический вестник. 1994, Т. 79, №1.

83. Попова Л.А. Ключевые слова современности: особенности функционирования // Вестник Башкирского университета. 2019. № 24(1). С.

225-228.

84. Пфандль Х. Слова года: между лингвистикой и искусством (немецкие и русские слова года 2013 и 2014 гг.) // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. 2015. С. 220-225.

85. Сергиенко Н.В., Евсюкова А.С. «Слово года»: отражение этнокультурных особенностей языков // Мир науки, культуры, образования, 2021. № 5 (90). С. 338-342.

86. Ревзин И.И. Структура немецкого языка. М.: О.Г.И, 2009. 440 с.

87. Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Московский гос. университет, 1969. 154 с.

88. Ревзина О.Г. Язык и текст. М.: МАКС Пресс, 2000. 560 с.

89. Ревзина О.Г. «Слово года», ключевое слово текущего момента и модное слово. (в печати)

90. Рипяхова М.М. Языковая мода и ментальность: к вопросу о структуре и функциях языковой моды / М.М. Рипяхова // Язык и культура (Новосибирск). 2012. № 1–2. С. 225-229.

91. Розина Р.И. Сравнительный анализ семантических процессов в литературном языке и в сленге // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 100-166.

92. Романов А.Ю. Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним. СПб., 2000. 135 с.

93. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры. 2002. 533 с.

94. Северская О.И. Вкусняшки для стройняшек // Мода в языке и

коммуникации: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; Редкол.: М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 154-165.

95. Селищев А.М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). М.: Работник просвещения. 1928. 248 с.

96. Сергиенко Н.В., Евсюкова А.С. «Слово года»: отражение этнокультурных особенностей языков // Мир науки, культуры, образования, 2021. № 5 (90). С. 338-342.

97. Серебренников Б.А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: «Наука», 1970. 602 с.

98. Сковородников В.З. О понятии и термине «Языковая игра» // Филологические науки. 2004. № 2. С. 79-87.

99. Смолоногина Е.А. Феномен «слов года» в немецком языке // Исследования языка и современное гуманитарное знание, 2020. № 2(1). С. 12-17.

100. Соколянская Н.Н. Неологизмы и слова года // Вестник Московского государственного областного университета, 2017. №2. С. 13.

101. Сперанская А.Н. «Слово года» и «ключевая ситуация»: о пополнении актуального лексикона // Коммуникативные исследования, 2021. № 8(1). С. 102-114.

102. Стекольников Н.В. Слово как знак времени (социолингвистический аспект) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 27-31.

103. Столович Л. Н. Слово, которое было в конце. Конкурс слов 2011

года и десятилетия 2001-2011 как материал для социологических раздумий // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2012. № 1. С. 31-34.

104. Сухина Ю.С. Лексический портрет современного китайского общества // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2021. С. 595-600.

105. Татарлы З. Эволюция китайского языка в Китайской Народной Республике (1949 – начало XXI в.). Кубанский государственный университет. Краснодар, 2015.

106. Хейзинга И. Человек играющий. М., 2001. С. 197-222.

107. Хитарова Е.Г, Шабашова В.В. «Слово года» как дискурсивная формула в английском и русском языках в условиях современных реалий // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2017. №134. С. 339-348.

108. Федорова Л.Л., Беликов В.И., Вьелар С. Мода в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2014. 341 с.

109. Филиппова А.А, Огарышева М.Д. Формирование социокультурной компетенции на основе проектов" слово года" // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики, 2020. № 3. С. 136-145.

110. Фрумкина Р.М. Вероятностное прогнозирование в речи. М.: Наука, 1971. 202 с.

111. Чернейко Л.О., Башкатова Д.А. Философско-лингвистический аспект изучения моды // Филологические науки, 2008. № 2. С. 86-99.

112. Черникова Н.В., Ленкова А.С. Слово года // Наука и Образование,

2019. Т 2, № 2. С. 300.

113. Чэнь Хуань. Модные слова в современном русском и китайском газетном тексте: происхождение, семантика, функции / Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 749-766.

114. Шашкова О.В. Образование окказиональных слов по конкретному образцу как прием словообразовательной игры СМИ / Пушкинские чтения. 2012. № 14. С. 394-397.

115. Шевченко А.В. Проект " Слово года" как отражение метаязыковой рефлексии носителей языка в эпоху глобализации // Linguistica Juvenis. 2016. № 18. С. 192-192.

116. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». М.: Просвещение, 1977. 335 с.

117. Шмелев А.Д. Русский взгляд на «западные» концепты: языковые данные // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2012. 328 с.

118. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента. // Collegium. 1993. № 1. С. 33-41.

119. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика, 2009. № 28. С. 63-67.

120. Ягафарова Л.Т. Глушкова С.Ю. Концепт мода в русском и китайском языках // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 8. С. 58-61.

121. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. 469 с.

122. Hou Jinxiang. Catchwords as markers of change in China // English Today 91/92. 2007. Vol. 23, № 3&4. P. 50-52.

123. Jing Song. Liuxingyu xintan (New exploration of buzzwords) // Yuwen jianshe. 1999. № 3. P. 22-26.

124. Phillipson R. Linguistic imperialism. London: 1992. P. 5-28.

125. Yu Jin, Wu Fei. Yinghan liuxingyu chushen (The first exploration of buzzwords in English and Chinese languages) // Zhongguo haiyangdaxue xuebao (shehuikexueban). 2004. № 5. P. 94-96.

126. Zhang Yun. Liuxingyu wenhua yanjiu (Popular language culture research) // Keji chuanx in daobao. 2009. № 35. P. 192.

127. Zhou Haizhong. Yimen Zanxinde Yuyanxue – Wangluoyuyanxie (A New Linguistic Discipline – Network Linguistics) // Kexue, 2000. № 9, P. 62.

III. Литературные источники

128. 15 признаков токсичных людей – оглянитесь! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sncmedia.ru/psycho/15-priznakov-toksichnykh-lyudey>.

129. Атятина А.П. Твиттер как новая дискурсивная практика [Электронный ресурс] // Человек и наука. URL: <http://cheloveknauka.com/twitter-kak-novaya-diskursivnaya-praktika>.

130. КСКЯ (Корпус современного китайского языка) [Электронный ресурс]. URL: <http://ccl.pku.edu.cn>.

131. НКРЯ (Национальный корпус русского языка) [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/>.

132. Toxic Assets [Электронный ресурс] // Investing Answers. URL: <https://investinganswers.com/dictionary/t/toxic-assets>.

133. Яндекс [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru>.

134. Форвард С. 6 типов токсичных родителей и как правильно себя с ними вести [Электронный ресурс]. URL: <https://lifehacker.ru/6-types-of-toxic-parents>.